

Россия и Азия

№ 1 (15), 2021

russia-asia.org

Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 1 (15), 2021 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

eISSN 2712-7486

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://russia-asia.org/>

E-mail редакции: red@russia-asia.org

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70325 от 10.07.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического факультета Российского университета дружбы народов, директор Центра Азиатских исследований РУДН, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов, директор Центра Арабских исследований РУДН, г. Москва, Россия.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Белова Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г. Москва, Россия.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Дамнянович Весна — PhD (экономика), профессор Белградского университета, г. Белград, Сербия.

Кириллов Виктор Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, г. Москва, Россия.

Кокуйцева Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры прикладной экономики Центра управления отраслями промышленности экономического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Малашенкова Ольга Федоровна — кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра международных экономических отношений, г. Минск, Республика Беларусь.

Муха Денис Викторович — кандидат экономических наук, доцент, заведующий отделом инновационной политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь.

Неновски Николай Ненов — доктор экономических наук, профессор, профессор университета Жюль Верна, г. Амьен, Франция.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, независимый исследователь, г. Москва, Россия.

Фролова Елена Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель юридического факультета Куньминского политехнического университета, г. Куньмин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий, г. Ялта, Россия.

Содержание**РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ****Родионова И. А.**

Социально-экономическая отсталость развивающихся стран (картографическая интерпретация проблемы) 6

Кожевников К. И.

Будет ли экономика Сирии расти в ближайшей перспективе? 22

Ашикбаева А. М.

Экономическое развитие Казахстана и роль интеграции в ЕАЭС 34

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ****Айдрус И. А. З.**

Страны ССАГПЗ в глобальных потоках ПИИ и инвестиции в Россию 42

Фролов А. А., Колотушкина Д. Д.

Современное состояние металлургической промышленности России в системе глобального рынка и влияние антироссийских санкций 55

Шкваря Л. В., Русакович В. И.

Существует ли объективная необходимость для реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь»? 69

ИННОВАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ**Марьясис Д. А.**

Россия и Израиль: проблемы и перспективы двустороннего экономического и научно-технического сотрудничества 80

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**Информационное письмо**

92

Content

DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

Rodionova I. A.

Socio-economic backwardness of developing countries (map interpretation of the problem)

6

Kozhevnikov K. I.

Will Syria's economy grow in the near term?

22

Ashikbayeva A. M.

Economic development of Kazakhstan and the role of integration in the EAEU

34

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Aidrous I. A. Z.

GCC countries in global FDI flows and investments in Russia

42

Frolov A. A., Kolotushkina D. D.

The current state of the Russian metallurgical industry in the global market system and the impact of anti-Russian sanctions

55

Shkvarya L. V., Rusakovich V. I.

Is there an objective need for the implementation of the Chinese initiative "One Belt, One Road"?

69

INNOVATIONS AND TECHNOLOGIES

Maryasis D. A.

Russia and Israel: Problems and Prospects of Bilateral Economic, Scientific and Technical Cooperation

80
Ошибки!
Закладка не
определена.

SCIENTIFIC LIFE

Information letter

92

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ / DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

Социально-экономическая отсталость развивающихся стран (картографическая интерпретация проблемы)

Родионова Ирина Александровна¹

В статье представлен анализ развивающихся стран мира с точки зрения глобальной проблемы социально-экономической отсталости. Эта глобальная экономическая проблема продолжает оставаться очень острой в современном мире и актуализировалась в связи с пандемией COVID-19. С помощью картографического метода автором показаны противоречия в сфере производства ВВП и подушевых доходов, потенциал стран мира и география абсолютной и многомерной бедности, обоснована взаимосвязь бедности с уровнем образования и состоянием здоровья населения по макрорегионам мира. В заключение автор приходит к выводу о том, что бедность развивающихся стран взаимосвязана с проблемой зависимого положения этой группы государств в системе мирового хозяйства. В совокупности глобальная проблема бедности, казалось бы, отдельных государств, оказывает негативное влияние и на мировую экономику в целом. Статья написана на основе авторского анализа современной статистики из международных баз данных ЮНКТАД, ЮНИДО, МВФ, ОЭСР, Мирового банка.

Ключевые слова: мировая экономика, развивающиеся страны, наименее развитые страны, социально-экономическая отсталость, глобальные проблемы, бедность.

JEL коды: F54, I32.

Введение

В настоящее время глобальные проблемы человечества несколько отошли на второй план по сравнению с часто обсуждаемым и очень серьезным вызовом, связанным с пандемией COVID-19. Но сохраняется все же фактор, разделяющий страны мира. Разделение столь глубокое, что о нем также следует помнить. Это ось Север — Юг (развитые — развивающиеся страны).

В данной статье особое внимание мы решили обратить на развивающиеся страны. Одной из узловых и остро проявляющихся в настоящее время остается проблема преодоления социально-экономической отсталости развивающихся стран, которая неразрывно связана с другими глобальными проблемами (войны и мира, ресурсной,

¹ Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, эксперт РФФИ, академик Российской Академии Естествознания (РАЕ), независимый исследователь. Москва, Россия.

демографической, продовольственной, энергетической, экологической и проч.) и привносит в международные политические, социальные и экономические отношения огромный заряд нестабильности. И это во многом связано с той экономической пропастью, которая разделяет развитые и развивающиеся государства.

Что представляют собой развивающиеся страны?

В первую очередь следует обратить внимание на используемые термины. И в этой связи напомним, что довольно продолжительное время в научной литературе встречался термин «третий мир». Этот термин появился в 1960-х гг. во Франции, в исследовательской группе демографа Альфреда Сови и социолога Жоржа Баландые, которые усмотрели сходство между государствами, добившимися независимости после Второй мировой войны, и «третьим сословием», существовавшим во Франции до революции 1789 г. Как известно, в то время Национальная ассамблея (французский парламент) формировалась из представителей 3-х основных социальных групп: дворянства, духовенства и так называемого «третьего сословия», которое во время Великой французской революции покончило со старым режимом. Правомочность исторической аналогии может показаться сомнительной, однако термин «третий мир» прижился (Родионова, 1992). Он в некотором роде олицетворял комплекс нерешенных социальных, культурных, экономических и демографических проблем, обозначая группу стран Азии, Африки и Латинской Америки (в прошлом колоний и полуколоний), в основном получивших политическую независимость лишь после окончания Второй мировой войны.

Вплоть до распада мировой системы социализма в статистических изданиях специализированных организаций ООН сохранялась классификация, которая делила государства на 3 группы: развитые страны с рыночной экономикой, развивающиеся страны и территории, а также страны с плановой экономикой (т. е. социалистические). Напомним, что свыше 100 новых государств появились на политической карте мира во 2-й половине XX в. Они, хотя и получили политическую независимость, но продолжали испытывать последствия колониального прошлого и в дальнейшем — негативное воздействие политики неокOLONIALИЗМА, выразившейся в политической и экономической зависимости этих стран от бывших метрополий.

Следует помнить, что статистика в то время рассчитывалась отдельно для капиталистического и социалистического мира. Были два мира, две системы. И, согласно статистике капиталистического мира, в тот период на жителей стран «третьего мира» приходилось: 18% ВВП несоциалистического мира, 28% мирового экспорта капиталистических стран и лишь 15% потребления энергии, а также 30% потребления зерновых культур, 17% совокупных мировых расходов на образование, 6% — на здравоохранение и 5% — на научные исследования. И это при том, что в данной группе стран (в которой была сосредоточена большая часть населения планеты) производилось в расчете на 1 жителя товаров и услуг в 13 раз меньше, чем в развитых капиталистических странах. Сотни миллионов человек голодали, 1,5 млрд жителей не имели доступа к современной медицинской помощи и более 800 млн взрослых были неграмотными (Громыко и др., 1989; Родионова, 1992). Хотя в период 1950–1980 гг. (как бы оправдывая свое название) в целом группа развивающихся государств имела довольно высокие темпы экономического роста (их ВВП вырос в 4,5 раза в ценах 1970 г.), их доля в совокупном ВВП

несоциалистического мира выросла с 14 до 18,7% (Развивающиеся страны..., 1983; Экономика зарубежных стран..., 1990; Экономическая география..., 1986). Но темпы роста населения были слишком высоки, чтобы это развитие смогло сократить отставание данных стран от высокоразвитых государств Европы и Северной Америки.

После распада системы социализма и развала СССР в 1990-е гг. изменилась и классификация стран мира. Согласно данным Статистического отдела ООН, нет установленных правил для определения группы «Развитых» (*Developed countries*) и «Развивающихся» стран (*Developing countries*). При этом для части развивающихся государств еще используется термин «наименее развитые страны» (*Less developed countries, LDCs*).

Необходимо отметить, что разными международными организациями используются различные классификации стран. Так, например, Международный валютный фонд, МВФ (*International Monetary Fund, IMF*) разделяет государства на «Передовые» (*Advanced economies*) и «Развивающиеся» страны (*Developing economies*), используя гибкую систему классификации, которая учитывает, кроме дохода на душу населения, еще диверсификацию экспорта и уровень интеграции в глобальную финансовую систему. Поэтому страны-экспортеры нефти, имеющие высокий показатель ВВП на душу населения, не могут получить высокий рейтинг в этой классификации. К тому же к группе развивающихся отнесены отдельные страны Центральной и Восточной Европы (Албания и республики бывшей Югославии за исключением Словении), и даже все республики СНГ (включая Россию). Эксперты МВФ приводят статистические данные по большому списку экономических показателей (*World Economic Outlook Database 2020*). Так, к группе «Наиболее развитых стран» (*Developed economics; Advanced economies*) отнесены 39 стран и территорий, в том числе: Сингапур и Республика Корея, а также Тайвань, Макао, Гонконг, Пуэрто-Рико. Отдельно представлена группа «Наименее развитых стран» (*Least developed countries*), а все остальные страны мира отнесены к большой группе «Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны» (*Emerging and developing economies; Developing economies; Economies in transition*), сгруппированным по географическим регионам (Европа, Азия, Ближний и Средний Восток и т. д.). Всего представляются данные по 196 странам и территориям. При этом отмечено, что термин «страна» не во всех случаях относится к территориальному образованию, которое является государством в понимании международного права и практики (*World Economic Situation and Prospects, 2020*).

Мировой банк делит страны на 4 группы по уровню дохода в расчете на душу населения. По классификации на 2020 г., к странам с низким доходом относятся государства со среднегодовым ВНД на душу населения менее 1025 долл. Во 2-ю и 3-ю группы отнесены страны со средними доходами (от 1026 до 12 375 долл.), но внутри этой группы выделяются 2 категории: *Lower middle-income economies* и *Upper middle-income economies*. А к странам с высоким уровнем доходов (*High-income economies*) относят государства с показателем ВНД на душу населения от 12 616 долл. и выше. При этом страны с низким и средним уровнем доходов иногда в сборниках называют «развивающимися» странами. Но вновь подчеркивается, что это понятие используется лишь для удобства сравнения и не подразумевает, что все страны, относимые к этому типу, развиваются сходным образом, либо что остальные страны достигли более высокого или завершающего этапа своего развития. Иными словами, классификация по доходам не отражает уровня развития страны. К тому же страны с высоким уровнем дохода далеко не всегда можно отнести к категории

высокоразвитых (как, например, отдельные страны Персидского залива). При этом термины «развитая страна» и «развивающаяся страна» применяется в классификациях МВФ и ЦРУ США (*Central Intelligence Agency, CIA — The World Factbook*), но в них показатель дохода на душу населения не выступает определяющим критерием.

Эксперты ЮНКТАД (*United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD*) также подчеркивают, что отнесение стран к определенным группам сделано лишь для статистического удобства и не подразумевает каких-либо предположений относительно их политической или иной принадлежности. Так же, как и принятые обозначения «развивающаяся», «переходная» и «развитая», не обязательно выражают суждение о стадии, достигнутой конкретной экономикой в процессе развития (UNCTAD).

Отмечается, что «развитая» страна предоставляет своим жителям возможность наслаждаться свободной и здоровой жизнью в безопасной окружающей среде. В то время как в «развивающихся» странах (в отличие от «развитых») много ниже уровень социально-экономического развития, а обострение всех глобальных проблем имеет свою специфику, вытекающую из особенностей исторического развития экономики, культуры, и политического устройства этих государств. И на первом плане стоит проблема преодоления унаследованной от колониального прошлого отсталости во всех аспектах человеческой жизни. К группе «развитых» всегда относят Канаду и США, Австралию и Новую Зеландию, страны Западной Европы, а также Японию, Израиль и ЮАР. При этом в 1990-е и даже в начале 2000-х гг. государства Восточной Европы (за исключением Албании и республик бывшей Югославии, сразу отнесенных к группе развивающихся) и Содружества Независимых Государств (включая Россию) не были отнесены ни к развитым, ни к развивающимся государствам. Их рассматривали как «переходные страны» (или «страны с переходной экономикой»). Но ныне все чаще европейские республики бывшего СССР в международных отчетах относят к развитым странам с рыночной экономикой, а Центрально-Азиатские и Закавказские — в основном относят к развивающимся странам.

Согласно еще одной классификации, к группе развивающихся относят страны, которые не являются членами Организации экономического сотрудничества и развития, ОЭСР (*The Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD*). При таком подходе определяются стандарты демократических свобод, рыночной экономики, уровень индустриализации и социальных программ, гарантии прав человека (OECD). Однако в то же время в ОЭСР были приняты Мексика, Чили, Турция и Колумбия (ставшая 37-м членом организации), а в 2020 г. и Коста-Рика была приглашена присоединиться к ОЭСР. А это — государства с невысокими показателями ВВП в расчете на душу населения и с различными проблемами, которые далеко не всегда могут обеспечить права и свободы своих граждан.

В свою очередь, отдельные развивающиеся страны имеют средние и даже высокие стандарты уровня жизни, а, например, государства Персидского залива, в том числе Катар, находятся в числе мировых лидеров по ВВП на душу населения (Шкваря, 2021). С начала XXI в. самобытный регион 4-х «азиатских тигров» (Гонконг, Сингапур, Республика Корея и Тайвань), наряду с Кипром, Мальтой и Словенией, также все чаще рассматривают в качестве «развитых стран». Но обязательный термин «развивающаяся страна» применяется и к таким государствам, в которых практически никакого развития не происходит. Их классифицируют как наименее развитые страны (*Less developed countries, LDCs*).

И вот еще один важный факт. После распада мировой социалистической системы (вслед за развалом СССР) к группе развивающихся стран был отнесен Китай (хотя

формально он по-прежнему оставался и остается государством социалистическим, с плановой экономикой). И вот именно этот факт существенным образом изменил суммарные показатели развивающихся стран (в сторону увеличения их доли в мировой экономике, промышленности, внешней торговле и проч.), так как именно Китай в настоящее время выступает лидером мировой экономики и мировой индустрии, опередив признанного в прежние годы лидера — США.

В международных сборниках и базах данных ныне принято выделять развивающиеся страны, включая Китай, но также предоставлять отдельно данные непосредственно по Китаю. При этом эксперты ЮНИДО предлагают еще одно деление экономик стран мира: на промышленно развитые (*Industrialized Economies*) и развивающиеся, включая в эту объединенную группу страны с формирующейся рыночной экономикой (*Developing & Emerging Industrial Economies*). При этом последняя группа подразделяется на 3: *Emerging industrial economies*; *Other developing economies*; *Least developed countries* (UNIDO, 2018). Но также предоставляется информация и по следующим 4-м группам стран, выделенным по показателю уровня доходов — *High income*; *Upper-middle income*; *Lower-middle income*; *Low income*.

Мы глубоко убеждены, что уровень развития страны определяется по совокупности статистических показателей. Экспертами ООН разработан Индекс развития человеческого потенциала — комбинированный показатель для оценки уровня человеческого развития. Многие развивающиеся страны показывают неплохие результаты и занимают по этому индексу довольно высокие позиции. Но все же наибольшая часть развивающихся стран не достигла значительного уровня индустриализации, и по-прежнему у них сохраняется средний или даже низкий уровень жизни населения. При этом определяется четкая зависимость между низким уровнем доходов и быстрым ростом численности их населения.

Таким образом, строго унифицированного определения понятия «развивающиеся страны» не существует. Поэтому при статистических сравнениях следует помнить о существующих разных классификациях и различающемся составе этих групп стран, что оказывает влияние на показатели, характеризующие долю стран данной группы в глобальной системе (мировой ВВП, мировой экспорт и проч.). Но доля развивающихся стран в мировых показателях растет, и в первую очередь — за счет Китая и еще нескольких ключевых стран данной группы: Индии, Бразилии, Мексики, Индонезии, азиатских НИС.

Приведем примеры удельного веса развивающихся стран с различающимися показателями в мировой экономике. Так, например, статистические данные за 2020 г., приводимые на сайте МВФ, свидетельствуют о высокой доле развивающихся стран в мировом ВВП (131,7 трлн долл. по паритету покупательной способности валют). Доля развитых стран определена в 42,5%, а развивающихся (включая страны с переходной экономикой и наименее развитые) — в 57,5%. При этом на США приходится 15,9%, и на ЕС — 15%. Суммарная доля Китая и Индии определена в 25% мирового ВВП (18,3% и 6,8% соответственно). Вслед за Китаем в группе лидеров мировой экономики следуют: США (15,9%), Индия (6,7%), Япония (4,0%), Германия (3,4%), Индонезия (2,5%), Франция (2,3%), Великобритания (2,25%) (World Economic Outlook Database, 2020).

Интересные, но несколько отличающиеся от приведенных выше, данные о динамике роста удельного веса отдельных стран развитого и развивающегося мира приводятся в сборнике экспертов ООН. Стоит при этом напомнить, что приведенные выше данные о доле развивающихся стран в 2020 г. подсчитывались экспертами МВФ от ВВП, рассчитанного по

паритету покупательной способности валют. А на диаграмме экспертов ООН (World Economic Situation and Prospects, 2020) — от ВВП в текущих ценах (отсюда и заметная разница в удельном весе развитых и развивающихся стран в мировом ВВП). Но рост доли Китая и всей группы развивающихся стран на приведенном ниже рисунке демонстрируется очень наглядно (рис. 1).

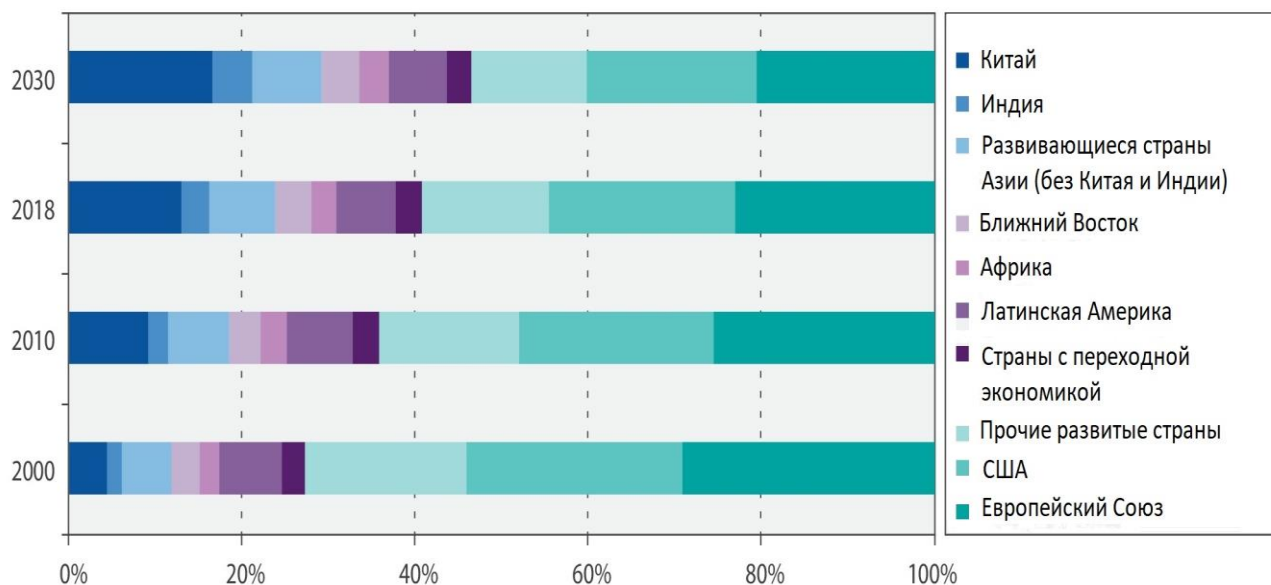

Рис 1. География распределения мирового ВВП, 2000–2030 гг., трлн долл. по ППС.

Источник: World Economic Situation and Prospects, 2020, p. 60.

Согласно данным диаграммы (рис. 1), в 2000 г. на развивающиеся страны приходилось менее 30% мировой экономики, в 2018 г. — уже свыше 40%, а к 2030 г. — (по прогнозам) эта доля вырастет до 47%. Иными словами, данные о доле развивающихся стран в 2-х сборниках не совпадают по причине различий в методиках расчетов ВВП — либо с использованием рыночных обменных курсов, либо по паритету покупательной способности валют.

Но рост значения развивающихся стран в мировой экономике подчеркивается всегда. Именно поэтому развитые страны всегда помнят о возрастающей конкуренции на мировых рынках со стороны Китая, Индии, Мексики и других развивающихся стран.

Иллюстрирует картину отставания развивающихся стран по показателю ВВП на душу населения представленная ниже карта (рис. 2).

Как видно из анализа представленных данных, наиболее низкий уровень социально-экономического развития сохраняется у развивающихся стран Азии и Африки. В этих макрорегионах расположены также и наименее развитые страны мира, включая те, доход которых составляет менее 500 долларов в год на душу населения.

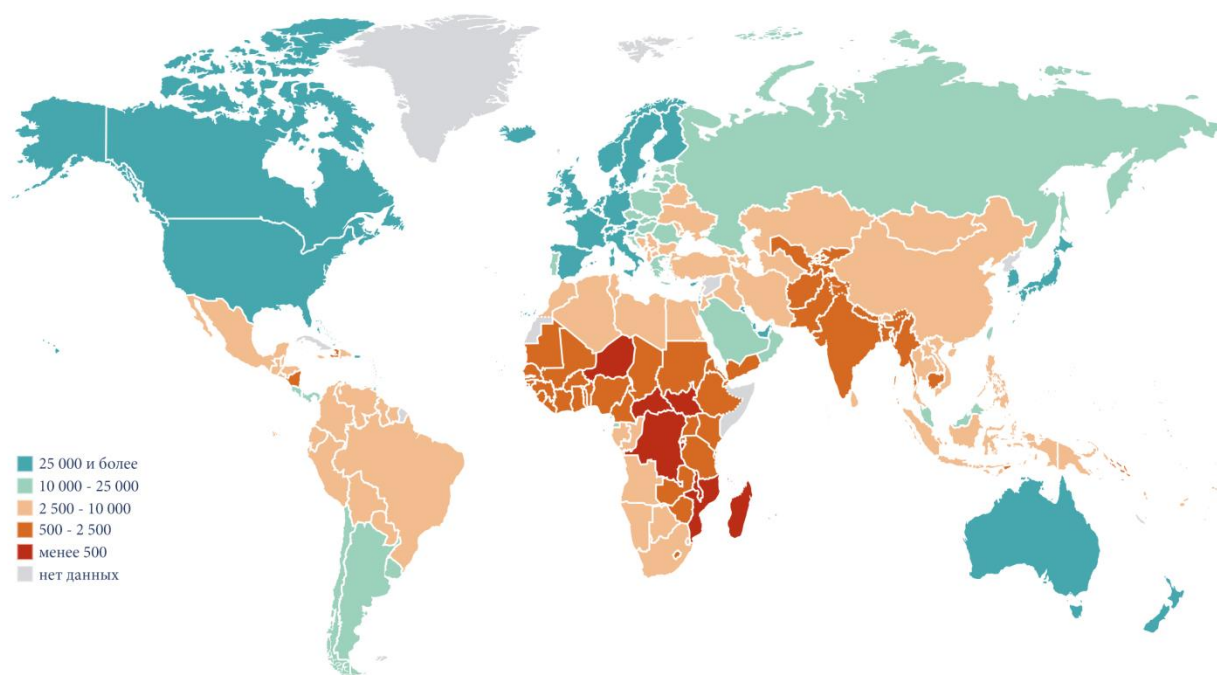

Рис. 2. ВВП в расчете на душу населения стран мира, 2018 г., долларов США.

Источник: Какие страны являются наиболее эффективными, 2019.

Развивающийся мир — многоликий феномен

Развивающийся мир, безусловно, неоднороден в своем социально-экономическом развитии. С одной стороны, в развивающихся странах сосредоточена большая часть населения планеты (более 85%, включая жителей Китая), на их территории сконцентрированы наиболее значительные запасы мировых природных ресурсов. С другой стороны, эти страны производят около 30–40% общемирового валового продукта (при этом большая часть, как мы покажем ниже, приходится на Китай, включаемый в группу развивающихся государств). Наибольшая часть населения развивающихся стран по-прежнему не имеет уровня доходов и социальных благ, соответствующих стандартам развитого мира. В этих странах производится в расчете на 1-го жителя товаров и услуг в 10 раз меньше, чем в развитых государствах. Детская смертность в большинстве развивающихся стран много выше, чем в экономически развитых. Число неграмотных в настоящее время в мире превышает 1 млрд человек, и практически все они проживают именно в развивающихся государствах. Стремителен рост финансовой задолженности этой группы государств, так как ежегодно только по долговым процентам выплачиваются суммы, в несколько раз превышающие получаемую ими помощь. Рост внешней задолженности приводит к необходимости беспрецедентного увеличения добычи полезных ископаемых, вывоза разных видов сырья как основной статьи экспорта этих стран (Родионова, 2020, с. 26–28).

Можно продолжить список присущих развивающимся странам характеристик. Вне всякого сомнения, это: низкий уровень развития производительных сил, неравномерность социально-экономической и политической эволюции, узость отраслевого состава хозяйства, ведущее значение минерально-сырьевых отраслей в экономике, доиндустриальная структура

энергобаланса и слабость развития электроэнергетики, кризисное состояние сельского хозяйства, напрямую зависящего от природных катаклизмов, сохраняющаяся зависимость от высокоразвитых государств, быстрый рост населения, гиперурбанизация, неграмотность, бедность и др.

Но, как было уже отмечено, развивающийся мир — это многоликий феномен. На одном полюсе данной группы государств выделяются ключевые страны: Китай, Индия, Индонезия, Бразилия, Мексика. Обособленно стоят и так называемые «азиатские новые индустриальные страны» (азиатские НИС), к которым относятся Сингапур, о. Тайвань, Республика Корея, а также НИС «второй волны»: Таиланд, Малайзия, Индонезия, Филиппины.

Но на противоположном полюсе в группе развивающихся стран находятся государства и территории, которые официально отнесены ООН к категории «наименее развитых». В 2020 г. к ним было отнесено 47 стран и территорий (32 — в Африке, 8 — в Азии и еще 7 островных государств). Этот перечень пересматривается каждые 3 года. Напомним, что в 1971 г., когда этот термин начал применяться, в данную группу входило 24 государства. Основными критериями отнесения той или иной развивающейся страны к группе наименее развитых являются: а) низкий уровень доходов населения; б) слабый уровень развития людских ресурсов; в) низкий уровень экономического развития. Т. е. их социально-экономическая отсталость выражается в полном или почти полном отсутствии современной обрабатывающей промышленности, крайне низком подушевом доходе их жителей и в неспособности государства обеспечить необходимый минимум насущных потребностей быстрорастущего населения данных территорий (Родионова, 2020, с. 26–28). Но включение в группу наименее развитых стран предоставляет определенные преимущества. Это льготные условия получения финансовой помощи для развития, преференциальный доступ на зарубежные рынки, техническая помощь по программам ООН. Им предоставлены более длительные сроки реализации отдельных соглашений ВТО.

И вот между группой «ключевых» и «наименее развитых стран» находится основная и очень разнообразная группа развивающихся стран (более 100 государств и территорий).

Критерии отсталости и их картографическая интерпретация

Рассматривая различные системы показателей, мы пришли к убеждению, что многие из них, используемые для определения уровня социально-экономического развития стран мира, могут служить и для характеристики отсталости развивающихся стран. И одним из важнейших способов их отражения служит картографический метод исследования. При этом для картографирования должна привлекаться система, включающая десятки показателей, отображающих многие грани и свойства социально-экономического и политического развития, важность и остроту проблем развивающихся стран. Иными словами (образно выражаясь), характеризовать «растянутую шкалу степени отсталости». И в число этих критериев для оценки должны войти характеристики, раскрывающие:

- природную и социально-историческую базу развития;
- уровень и особенности развития экономики;
- социально-демографическую ситуацию;
- политические и социальные процессы;
- роль и место в международных экономических связях;

– вопросы политической стабильности и др.

При этом предложенный перечень показателей может дополняться, так как в настоящее время стали доступными Интернет-ресурсы и статистические базы многих международных организаций. Однако следует помнить, что издания ООН и ее специализированных подразделений далеко не всегда содержат исчерпывающие данные по всем странам мира (особенно по развивающимся). А для вопросов картографирования того или иного явления это — необходимое условие. Требуется данные по всем странам, чтобы не было «белых пятен».

С помощью средств Интернета в настоящее время можно проиллюстрировать любую проблему. Наравне с традиционными картами (в том числе — создаваемыми в интерактивном режиме, отражающем динамику того или иного процесса), все чаще используются и другие материалы — инфографика и карты-анаморфозы. Эти карты-анаморфозы уже изменили наше традиционное представление о мировом пространстве. В научной литературе (зарубежной и отечественной) об этих изображениях имеется обширная информация. Автор данной статьи в своем диссертационном исследовании еще в 1992 г. представила 7 карт-анаморфоз, построенных вручную (без использования ЭВМ) и отражающих показатели уровня развития стран мира, характеризуя отсталость стран «третьего мира» (Родионова, 1992, с. 93–97). В то же время анаморфированные карты с помощью ЭВМ были выполнены профессором МГУ Тикуновым В.С. Анаморфозы — графические изображения, производные от традиционных карт, которые трансформируют метрическое географическое пространство в зависимости от величины характеризуемого на карте явления или процесса (Василевский, 1970; Тикунов, 1986; Бугаевский, 1989).

Это картографические схемы, на которых территории государств конструируются сообразно заданной переменной (какому-либо показателю). В пределах не совсем привычных контуров государственных границ одни страны оказываются огромными, а другие становятся очень маленькими или даже совсем исчезают. При этом на разных по тематике картах-анаморфозах ситуация с размерами стран может измениться на диаметрально противоположную (т. е. размеры стран могут существенно меняться). Все будет зависеть от выбранного составителями карты экономического или социального показателя.

Очень серьезную и обширную информацию о странах мира предоставляет сайт карт-анаморфоз (www.worldmapper.org). Коллекцию карт-анаморфоз разрабатывают ученые Шеффилдского и Мичиганского университетов (США). Фактически предложен атлас XXI в., включающий около 1000 сюжетов (<https://worldmapper.org/maps/>). Ориентироваться в серии карт-анаморфоз помогают цветовые коды, подобранные для 12 регионов и стран, чтобы визуальнo их легче было воспринимать и сравнивать друг с другом на разных картах. Цвет каждой территории на всех картах постоянный. *Worldmapper* — это набор мировых карт-анаморфоз, где размеры стран изменены в соответствии с широким кругом показателей, характеризующих все стороны жизни населения и глобальные проблемы современности. Эти картограммы на картах-анаморфозах наглядно иллюстрируют глубоко различающийся уровень социально-экономического развития стран мира и общую отсталость подавляющего большинства развивающихся государств. К каждому такому анаморфированному изображению предложена очень интересная информация по теме карты и соответствующие условные обозначения, а также предоставляется база данных по странам мира (по которой составлена карта со ссылкой на источник информации).

Даже просто обзор огромного числа сюжетов, представленных на сайте карт-анаморфоз, показывает их большую пользу и высокую информативность для характеристики отсталости развивающихся стран. Это разделы: Коммуникации и связь (*Connectivity*), Экономика (*Economy*), Образование (*Education*), Окружающая среда (*Environment*), Жилищные условия (*Habitation*), Здравоохранение (*Health*), Население (*People*), Ресурсный потенциал (*Resources*), Общество (*Society*) и др. Каждый раздел включает до нескольких десятков карт.

Приведем примеры. На рис. 3 представлены анаморфированные изображения, характеризующие численность населения и размеры экономики (ВВП) стран мира, которые наглядно показывают диспропорции в развитии.

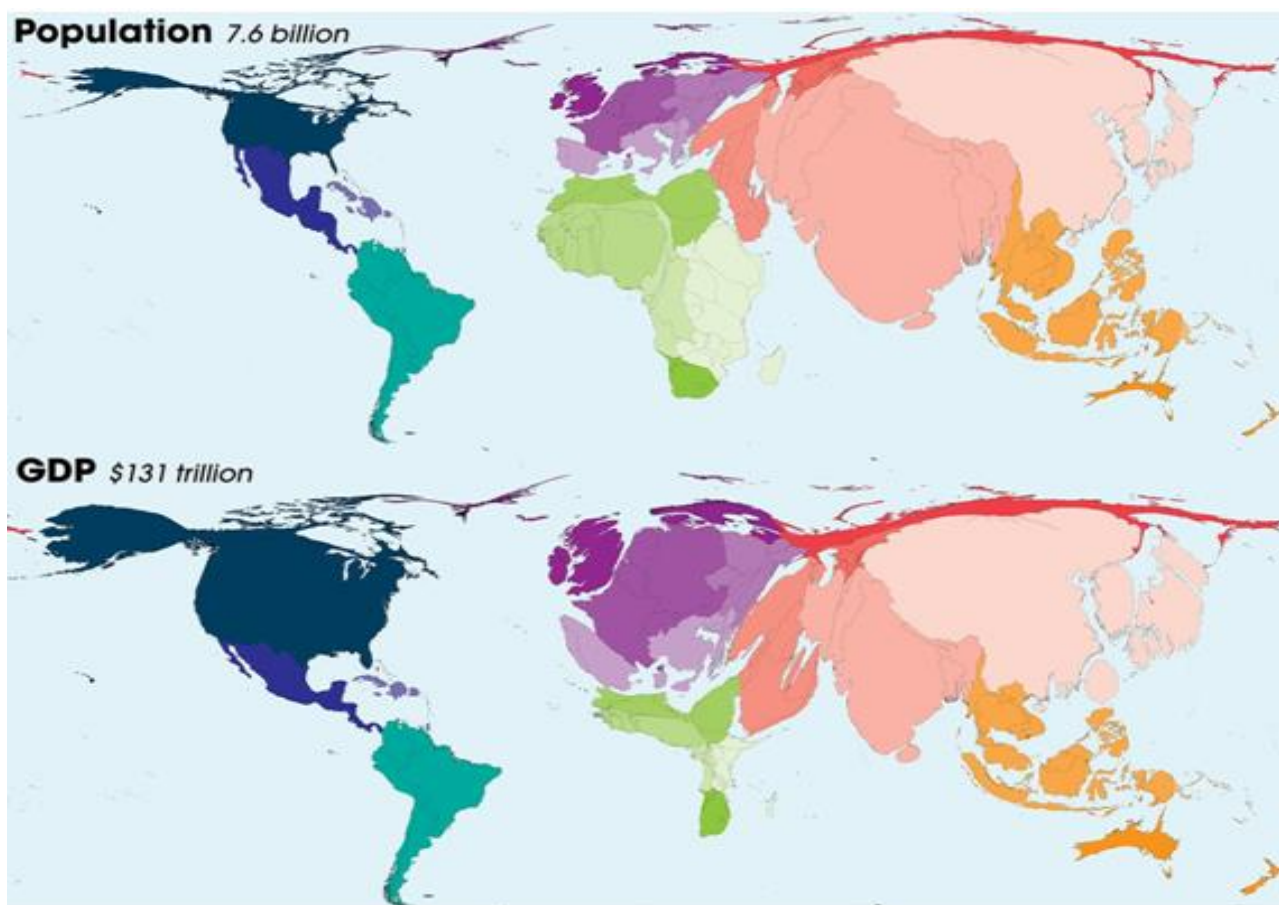

Рис. 3. Население и экономический потенциал стран мира, 2018 г.

Источники: Population and GDP, 2019.

По данным ЮНКТАД, в 2018 г. численность населения мира превысила 7,6 млрд. На верхней карте (рис. 3) особенно выделяются страны-лидеры по числу их жителей: Китай, Индия, США, Индонезия, Пакистан, Бразилия, Нигерия, Бангладеш и др. Они выглядят крупными на карте. А население отдельных стран невелико, и поэтому их на карте почти не видно. Все население планеты производит оценочный глобальный ВВП в 131 трлн долл. (по паритету покупательной способности (*GDP PPP*)).

На нижней карте, характеризующей объем ВВП стран мира, также можно определить лидеров мировой экономики. Ими являются Китай, США, Индия, Япония, Индонезия, Германия и т. д. (рис. 3). Сравнение этих двух изображений очень показательным и

познавательного. Из рис. 3 следует, что основная доля мирового ВВП производится в тех странах, где количество населения меньше (Северная Америка, Западная Европа), а те страны и регионы, на территории которых проживает многочисленное население (прежде всего африканские и азиатские), наоборот, производят существенно меньше ВВП. Соответственно, сохраняется проблема бедности.

Следующий рисунок (рис. 4) иллюстрирует показатель абсолютной бедности. И тут сразу видны проблемы развивающихся стран Азии и Африки. Абсолютная бедность определяется Мировым банком как жизнь на сумму, эквивалентную 1,9 долл. США в день или меньше. Эти деньги должны покрывать расходы на еду, жилье и воду. При этом в списке жизненных приоритетов отсутствуют расходы на покупку лекарств, новой одежды, школьных учебников для детей и проч.

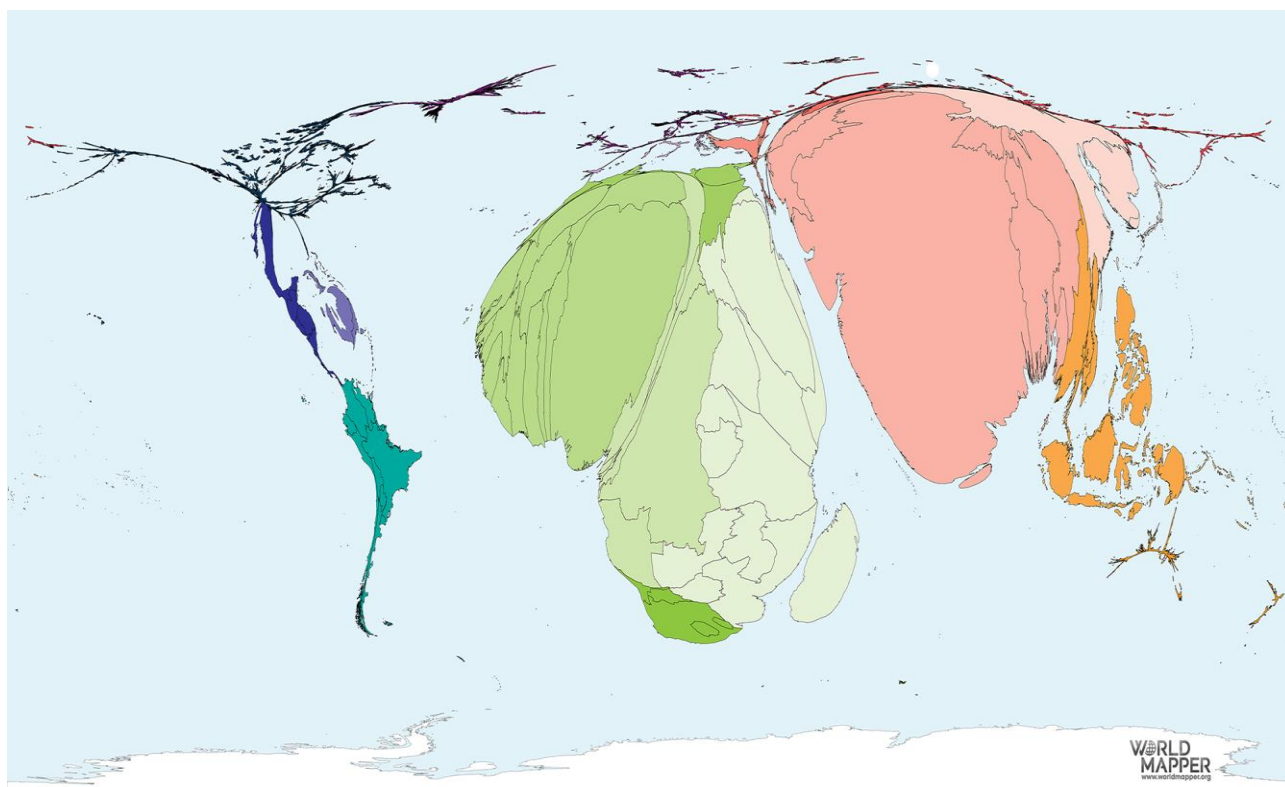

Рис. 4. Абсолютная бедность, 2018 г.

Источник: Absolute poverty, 2018.

Эта карта иллюстрирует нищету основной массы населения развивающихся стран, проблему недоедания и низкого уровня развития медицины. По оценкам экспертов Мирового банка, более 70% населения живут за чертой бедности в таких наименее развитых странах, как Мадагаскар, Бурунди, Демократическая Республика Конго и Малави. Кстати, единственная страна среди беднейших на американском континенте — это Гаити.

Интересен, на наш взгляд, Глобальный индекс многомерной бедности (*Global Multidimensional Poverty Index, MPI*). Он был разработан в 2010 г. Оксфордской инициативой по борьбе с бедностью и человеческим развитием (*OPHI*) и Программой развития ООН (ПРООН) (*The 2020 Global Multidimensional Poverty*).

Индекс фактически выходит за рамки характеристики только доходов населения как денежных показателей бедности или показателей бедности, основанных на потреблении. Этот индекс призван показать, что люди испытывают бедность по 3-м ключевым параметрам: здоровье, образование и уровень жизни. Были собраны данные по 100 странам с общей численностью населения 5,7 млрд человек, или 76% от общей численности населения мира. Согласно отчету, 1,3 млрд человек в этих странах живут в условиях многомерной бедности.

Приведем лишь несколько карт, отражающих ситуацию по основным параметрам многомерной бедности (рис. 5, 6, 7)¹.

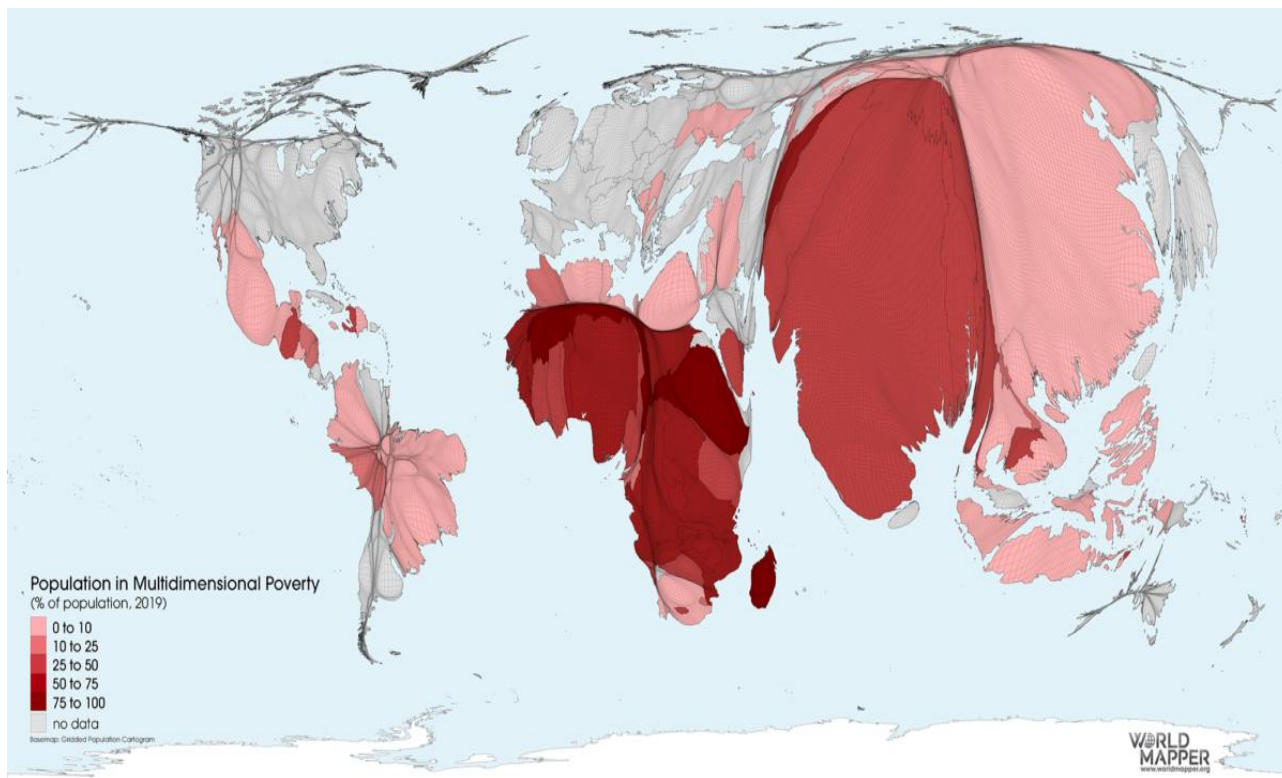

Рис. 5. Многомерная бедность, 2019 г.

Источник: Multidimensional poverty, 2019.

Отмечается, что вклад низкого уровня защиты здоровья в общую многомерную бедность учитывает 2 показателя в качестве меры для обездоленных: питание и показатель детской смертности. Учтены данные о доле взрослых в возрасте до 70 лет и детей, которые недоедают. А показатель детской смертности характеризует смертность при недостижении возраста 18 лет.

По статистическим данным международных организаций, способами картограмм и картодиаграмм можно составить множество традиционных мировых карт (в том числе — их компьютерных вариантов), которые могут наглядно иллюстрировать проблематику отсталости развивающихся стран.

¹ В коллекции карт-анаморфоз, разрабатываемых учеными Шеффилдского и Мичиганского университетов (США), представлено свыше 1100 сюжетов (URL:: <https://worldmapper.org/maps/>), отражающих разные показатели социально-экономического развития стран мира.

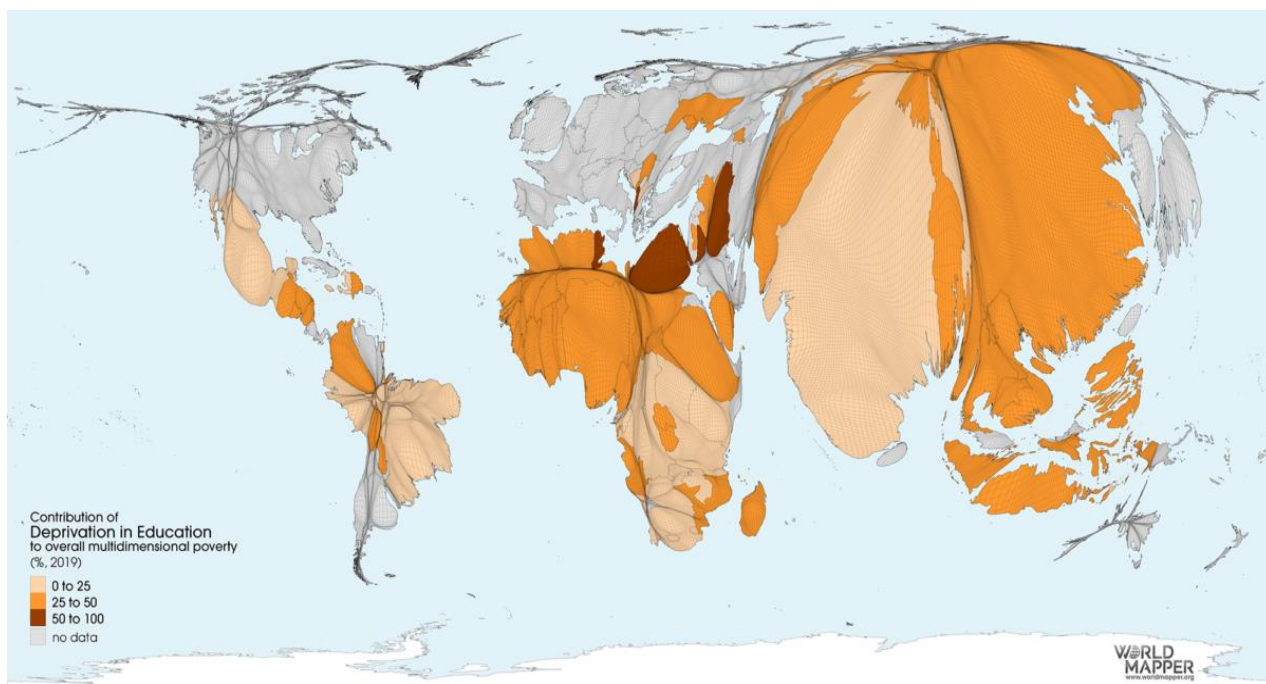

Рис. 6. Бедность и образование, 2019 г.
Источник: Poverty and education, 2019.

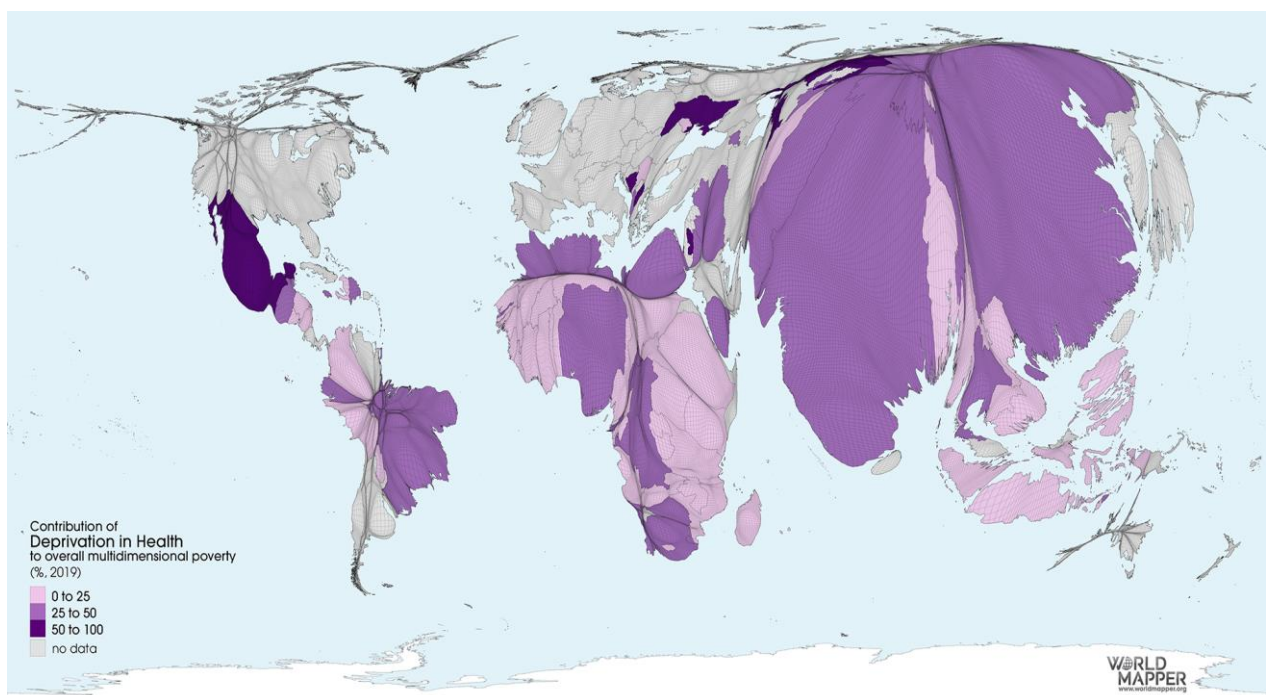

Рис. 7. Бедность и состояние здоровья населения, 2019 г.
Источник: Poverty and health status of the population, 2019.

Так, в данную серию карт могут войти сюжеты блока, характеризующего население: темпы роста населения, рождаемость, детская смертность, коэффициент фертильности, ожидаемая продолжительность жизни, использование детского труда, расходы на образование и здравоохранение, карты заболеваемости опасными болезнями и т. д. В блок

карт, отражающих социально-экономическую ситуацию, могут войти карты, отражающие: качество жизни населения, индекс социального прогресса, индекс развития человеческого потенциала, уровень экономического развития, роль сельского хозяйства в экономике стран мира, динамику душевого производства продовольствия, калорийность питания, расходы на питание, уровень товарной концентрации экспорта, индекс многомерной бедности, вовлеченность стран в МРТ, индекс инновационного развития, индекс индустриализации и многие другие.

В данной статье мы лишь обозначили основные проблемы социально-экономической отсталости развивающихся стран и показали варианты их картографической интерпретации.

Заключение

Отсталость развивающихся стран питает и воспроизводит их зависимость, а зависимость обуславливает и усугубляет отсталость. Степень зависимости может лишь несколько ослабевать или (в некоторых случаях) усиливаться, но не исчезает совсем. Можно было бы привести немало данных мировой статистики, свидетельствующих о кризисных тенденциях в развитии этой группы стран и внутри нее. Однако острота проблем развивающихся стран — лишь составная часть мировых противоречий, затрагивающих жизненные интересы всего человечества, всех стран и народов.

Все существующие в мире государства связаны между собой системой политических, экономических и культурных отношений. Мир, в котором мы живем, един. Одна группа стран не может развиваться, идти по пути прогресса, в то время как другие государства испытывают все возрастающее экономическое давление на экономику и население. Ухудшение экономического положения развивающихся государств, несомненно, отражается на всем мировом сообществе: Там, где существуют вопиющие различия в уровне жизни разных народов, глобальная стабильность невозможна. И уже можно привести множество примеров, обостряющих ситуацию. Именно в этом заключается суть всей важности проблем социально-экономической отсталости развивающихся стран, а также многих других проблем и сложнейших задач, которые стоят перед современной цивилизацией.

Список литературы

1. Бугаевский Л. М. (1989) Картографические проекции для анаморфированных карт / Перспективные направления развития картографирования. М. С. 36–39. [Bugaevsky L. M. (1989) Cartographic projections for anamorphic maps / Promising directions of mapping development. Moscow. P. 36–39. (In Russian).]
2. Василевский Л. И. (1970) Анаморфированные карты переменного масштаба и их применение в экономической картографии / Новое в тематике, содержании и методах составления экономических карт. М. [Vasilevsky L. I. (1970) Anamorphic maps of variable scale and their application in economic cartography / New in the subject, content and methods of drawing up economic maps. Moscow. (In Russian).]
3. Громыко А. А., Бутрос Г. и др. (1989) Выживут ли земляне? М.: Прогресс, 1989. 195 с. [Will Earthlings survive? / Gromyko A. A., Boutros G. et al. Moscow: Progress, 1989. 195 p. (In Russian).]
4. Иванов И. Д., Алешина И. В., Чешков М. А. и др. (1983) Развивающиеся страны в современном мире (единство и многообразие). М.: Наука. 304 с. [Ivanov I. D., Aleshina I. V.,

Cheshkov M. A., etc. (1983) Developing countries in the modern world (unity and diversity) Moscow: Nauka. 304 p. (In Russian).]

5. Какие страны являются наиболее эффективными? 2019. [Which countries are the most effective? August 28. (In Russian).] URL: <http://blog.innovativesecurities.com/ru/post/kakie-strany-javlajutsja-naibolee-effektivnymi/>

6. Родионова И. А. (1992) Картографическая интерпретация проблемы социально-экономической отсталости развивающихся стран в комплексных атласах (методика и практика). / дисс. канд. геогр. наук. Москва., МГУ. [Rodionova I. A. (1992) Cartographic interpretation of the problem of socio-economic backwardness of developing countries in complex atlases (methodology and practice) / Thesis ... PhD of geographical sciences. Moscow, MSU. (In Russian).]

7. Родионова И. А. (2020) Экономическая и социальная география мира. В 2 ч. М.: Юрайт. [Rodionova I. A. (2020) Economic and Social Geography of the world. In 2 h. Moscow: Yurayt. (In Russian).]

8. Тикунов В. С. (1986) Анаморфированные картографические изображения: история и способы создания // Вестник МГУ. Серия геогр. № 6. С. 3–6. [Tikunov V. S. (1986) Anamorphic cartographic images: history and methods of creation // Bulletin of the Moscow State University. Geogr. series No. 6. P. 3–6. (In Russian).]

9. Шкваря Л. В. (2021) Страны Персидского залива: современные тенденции экономического развития. Ялта. 316 с. [Shkvarya L. V. (2021) The countries of the Persian Gulf: modern trends of economic development. Yalta. 316 p. (In Russian).]

10. Экономика зарубежных стран: капиталистические и развивающиеся страны. М.: Высшая школа, 1990. 479 с. [The economy of foreign countries: capitalist and developing countries. Moscow: Higher School, 1990. 479 p. (In Russian).]

11. Экономическая география капиталистических и развивающихся стран. М.: Изд. МГУ, 1986. 528 с. [Economic Geography of capitalist and developing countries. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1986. 528 p. (In Russian).]

12. Absolute poverty (2018). URL: https://worldmapper.org/maps/absolute-poverty-2016/?sf_action=get_data&sf_data=results&_sft_product_cat=income#&gid=1&pid=1

13. Multidimensional poverty (2019). URL: https://worldmapper.org/maps/grid-poverty-mpi-population-2019/?_sft_product_cat=income,poverty,life,children-society,inequality

14. Population and GDP (2019). URL: https://yandex.ru/images/search?pos=13&img_url=https%3A%2F%2Fpbs.twimg.com%2Fmedia%2FDnyGW8nWsAURdoQ.jpg&text=worldmapper.org%2Fmaps%2F%20GDP&lr=213&rpt=simage&source=wiz

15. Poverty and education (2019). URL: https://worldmapper.org/maps/grid-poverty-mpi-education-2019/?sf_action=get_data&sf_data=results&_sft_product_cat=income,poverty,life,children-society,inequality

16. Poverty and health status of the population (2019). URL: https://worldmapper.org/maps/grid-poverty-mpi-health-2019/?_sft_product_cat=income,poverty,life,children-society,inequality

17. The Organization for Economic Co-operation and Development (OECD). URL: <https://www.oecd.org/about/members-and-partners/>

18. UNCTAD. Handbook of statistics (2020). United Nations. Geneva, Switzerland, 2020.

19. UNCTAD. Trade and development report (2020). Geneva, Switzerland.

20. UNCTAD. The Least Developed Countries Report (2020). Geneva, Switzerland.

21. United Nations Industrial Development Organization (2017). Vienna.

22. United Nations Industrial Development Report (2018). Demand for Manufacturing: Driving Inclusive and Sustainable Industrial Development. Vienna.

23. United Nations Development Programme (2020). Human Development Reports. The 2020 Global Multidimensional Poverty Index (MPI). URL: <http://hdr.undp.org/en/2020-MPI>

24. World Economic Outlook Database (2020). IMF. World Economic and Financial Surveys. United Nations, New York. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October/weo-report?a=1&c=001,163,119,123,998,505,511,903,205,400,603,&s=PPPGDP,PPPSH,LUR,D,D_NGDPD,D_BX,&sy=2019&ey=2020&ssm=0&scsm=1&scc=0&ssd=1&ssc=0&sic=0&sort=country&ds=.&br=1

25. World Economic Situation and Prospects (2020) United Nations, New York. URL: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/WESP2020_CH1.pdf

Socio-economic backwardness of developing countries (map interpretation of the problem)

Rodionova Irina Aleksandrovna

*Doctor of Geography, Professor,
Academic of the Russian Academy of Natural Sciences (RAE), independent researcher.
Moscow, Russia*

The article presents an analysis of the developing countries of the world (according to the UNCTAD methodology) from the point of view of the global problem of socio-economic backwardness. This global economic problem continues to be very acute in the modern world and has been updated in connection with the COVID-19 pandemic. Using the cartographic method, the author shows the contradictions of production in the macro-regions of the world of GDP and per capita income, the potential of the countries of the world and the geography of absolute and multidimensional poverty, the relationship of poverty with the level of education and the state of health of the population. In conclusion, the author comes to the conclusion that the poverty of developing countries is interrelated with the problem of the dependent position of this group of states in the world economy. Taken together, the global problem of poverty in seemingly separate states has a negative impact on the world economy as a whole. The article is based on the author's analysis of modern statistics from the international databases of UNCTAD, UNIDO, IMF, OECD, and the World Bank.

Keywords: world economy, developing countries, least developed countries, socio-economic backwardness, global problems, poverty.

JEL codes: F54, I32.

Будет ли экономика Сирии расти в ближайшей перспективе?

Кожевников Константин Игоревич¹

В статье анализируются тенденции роста национальной экономики Сирийской Арабской Республики (САР) в XXI веке и факторы, как сдерживающие, так и стимулирующие эти тенденции. Актуальность темы исследования обусловлена высокой значимостью поиска путей и возможностей обеспечения долгосрочного устойчивого развития страны. Автором показано, что, несмотря на огромные разрушения в Сирии за годы гражданской войны (2011–2016 гг.), международными организациями, в частности, ЮНКТАД, начиная с 2017 г. фиксируется рост ВВП и подушевых доходов. Автор приходит к выводу о том, что государство располагает определенными возможностями для создания и активации факторов роста экономики. Стране жизненно важно сохранить и усилить эту тенденцию, необходимую для стабилизации и улучшения социально-экономических процессов в стране. Анализ проводился преимущественно на основе статистических данных ЮНКТАД. В статье также активно применялся метод визуализации.

Ключевые слова: Сирийская Арабская Республика, Ближний Восток, экономический рост, гуманитарный кризис, экономическая деградация.

JEL коды: O11, O53.

Введение

Ближний Восток (БВ) на протяжении длительного исторического периода — фактически, с момента открытия запасов углеводородов — остается зоной глобальной нестабильности, причем основной фактор этой нестабильности — внешний, т. е. активность в регионе ведущих мировых держав, по мнению многих российских и ближневосточных исследователей (Малышева, 2016; Азия: в поисках источников развития, 2020; Конфликты и войны XXI века, 2015). Традиционно объектом конкуренции между соседними державами и экстерриториальными акторами международных отношений на Ближнем Востоке остается Сирия.

В 2011 г. Сирийская Арабская Республика, наряду с Афганистаном, Ливией, Ираком стала одним из объектов иностранной интервенции, причем, по нашему мнению, не столько из-за наличия в ее недрах нефти, которой относительно немного по сравнению с другими странами БВ, но и из-за «неудобного» внешним акторам «режима», который препятствует этим акторам в полной мере реализовать в регионе свои интересы — в настоящем и в перспективе, и, напротив того, отстаивает собственные — на национальном и региональном уровнях.

¹ Кожевников Константин Игоревич — заведующий кафедрой «Ценообразование в строительстве и промышленности» Института Строительства и Архитектуры Уральского государственного технического университета. Екатеринбург, Россия,

В этой связи в научной литературе большое внимание уделяется исследованию причин, технологий и особенностей конфликтов в Сирии и в других странах САБВ (Карпович, 2016), а также их последствий для данных стран (Антюхова, 2016). Западные исследователи характеризуют конфликты, происходящие, в частности, в Сирии, как шаги, ведущие к демократии (Diamond, 2010; Gambill, 2004), согласно теории третьей волны демократизации С. П. Хантингтона (Huntington, 1991). Но даже и они признают, что «арабская весна» создала нестабильность в САБВ (Cook, 2011), так как «государства Северной Африки и Ближнего Востока все еще находятся в разгаре конфликтов и/или реформистских процессов» (Sarihan, 2012).

В академическом сообществе в России и за рубежом, заинтересованного в исследовании процессов, происходящих в САР, существует много дискуссий по сирийскому вопросу, так как он остается барометром текущих геополитических и экономических изменений на БВ, которые оказывают глубокое влияние на безопасность региона и даже всего мира. На наш взгляд, в настоящее время фокус «сирийского вопроса» должен быть смещен в экономическую плоскость, так как устойчивое экономическое развитие страны стабилизирует не только САР, но и окажет положительное воздействие на весь регион. Но стабилизаций слишком значительно затрагивает экономические интересы западных стран. Именно поэтому, в частности, сохраняются антисирийские экономические санкции, тормозящие социально-экономическое развитие страны. К тому же западная либеральная доктрина не имеет теоретических подходов к развитию Сирии. Именно в связи с этим, на наш взгляд, экономические аспекты развития САР пока не нашли глубокого отражения в западной научной литературе. Отечественные и зарубежные исследователи изучают, главным образом, различные аспекты социально-экономического развития Сирии до 2011 г. — до начала военных действий (Филоник, 2008; Freitag, 1995), и, отчасти, до их завершения (Абрамова, Фитуни, 2017), хотя в России имеются отдельные исследования, анализирующие их конкретные направления (Аль Хумсси, Чаплук, 2015; Русакович, Кухтин, 2019; Савинский, 2020).

Цель данного исследования — анализ динамики социально-экономического развития Сирии постконфликтный период с выявлением основополагающих тенденций в этом процессе и обоснованием их особенностей. В статье используются хронологические и систематические периодические данные, сравнительные и количественные методы, анализа, базирующиеся как на первичных источниках (ЮНКТАД), так и предыдущих исследованиях. Кроме того, автор использовал научные исследования российских и зарубежных авторов для сбора данных, связанных с рассматриваемой темой.

Результаты исследования

Сирия — это небольшое государство БВ со средним для региона уровнем дохода, относительно развитой обрабатывающей промышленностью, не являющееся экспортером топливно-минерального сырья, но экспортирующее квалифицированную рабочую силу (Абрамова, Фитуни, 2017). Фактически Сирия — географический центр ближневосточного региона.

Для экономического роста у Сирии есть множество предпосылок. Во-первых, имеется значительный потенциал, как в регионе, так и в стране — прежде всего человеческий (рис. 1).

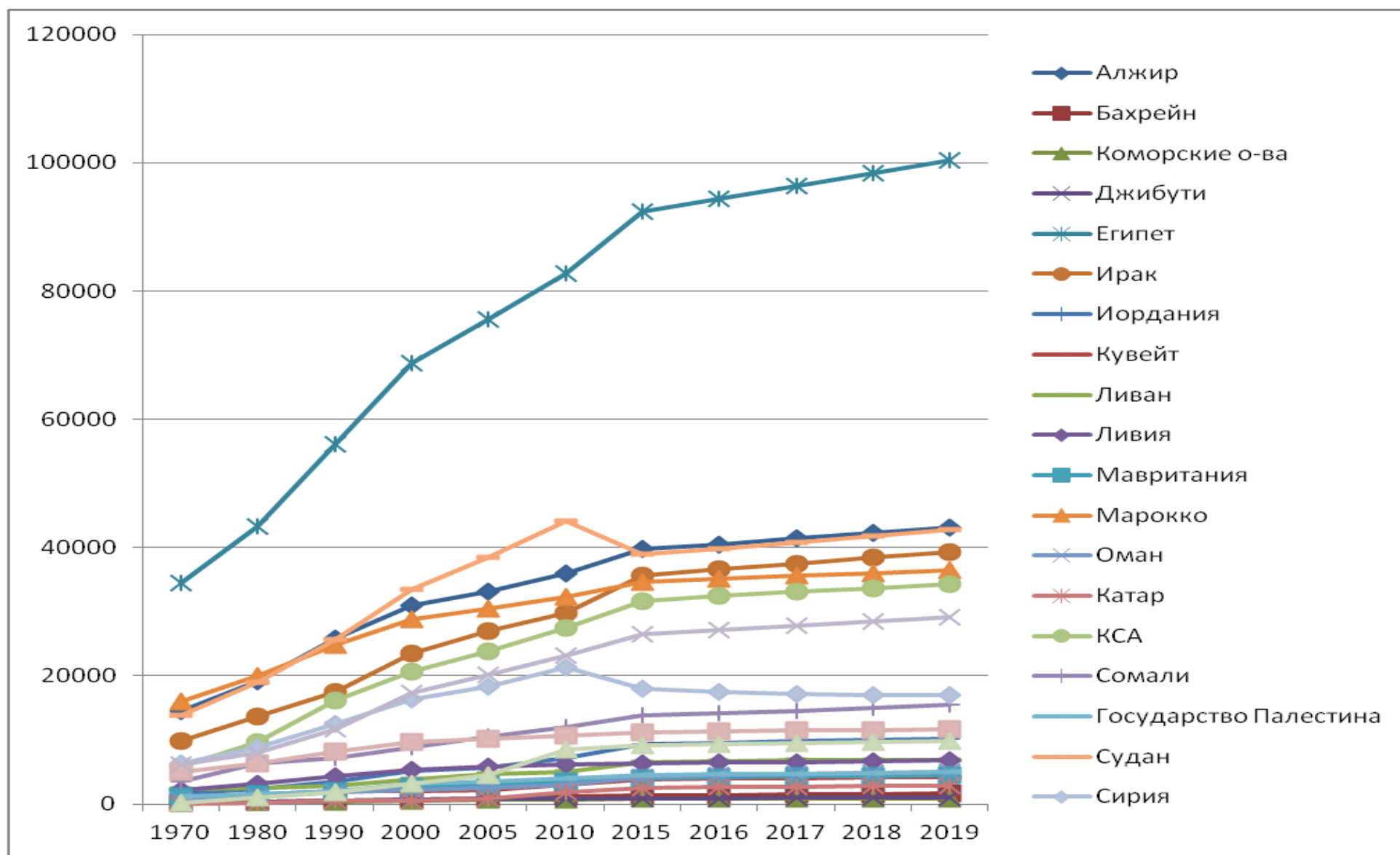

Рис.1. Динамика населения в некоторых странах Ближнего Востока в 1970–2019 гг., тыс. чел.
Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

В январе 2021 г. население Сирии составляло 17,88 млн человек, в том числе 50% — женщины, и, соответственно, 50% — мужчины. Население Сирии увеличилось на 599 тыс. человек (+3,5%) в период с января 2020 г. по январь 2021 г., сократившись, однако, за годы войны значительно, в отличие от общерегиональной тенденции. ЮНКТАД прогнозирует дальнейший рост населения Сирии на уровне 1,7% до 2030 г., в том числе на 1% увеличится количество населения в трудоспособном возрасте. В соответствии с нынешними темпами роста населения, ожидается удвоение населения Сирии примерно каждые 29 лет, хотя некоторым европейским странам необходимо более 200 лет, чтобы удвоить число своих жителей.

Однако можно говорить о том, что в САР существует демографическая проблема, которая заключается в отсутствии баланса между общей площадью страны и ее населением. В рамках этого критерия САР — одна из самых небольших арабских стран с большим населением, где плотность населения в столице — Дамаске — составляет 15 000 человек/км². Напротив, в таких странах, как Судан, Ливия, Алжир, Саудовская Аравия плотность населения относительно низка. Кроме того, рост населения в Сирии дифференцирован между губернаторствами, что обременяет все сектора социальной сферы, особенно здравоохранение, образование и услуги. В дополнение к этому, каждый год на рынок труда входит около 200 тыс. молодых людей, которых требуется обеспечить рабочими местами.

Сегодня 55,8% населения Сирии проживает в городах, в то время как 44,2% — в сельской местности. А поскольку, как говорит статистика, большинство населения — молодое и городское, то потенциал использования этим населением цифровых технологий и соответствующих возможностей можно оценить как высокий.

Ресурсный потенциал у Сирии также значительный, причем ключевая его составляющая — нефть, хотя запасы ее в стране, как уже отмечалось, меньше, чем в прочих государствах региона (табл. 1).

Таблица 1.

Нефть: резервы в мире и в странах Ближнего Востока в 1999–2019 гг.,
на конец года, тыс. млн баррелей

	1999	2009	2018	2019	Доля от общего показателя, %
Всего в мире	1277,1	1531,8	1735,9	1733,9	100
Ближний Восток	685,8	753,1	833,9	833,8	48,1
Кувейт	96,5	101,5	101,5	101,5	5,9
Оман	5,7	5,5	5,4	5,4	0,3
Катар	13,1	25,9	25,2	25,2	1,5
Саудовская Аравия	262,8	264,6	297,7	297,6	17,2
Сирия	2,3	2,5	2,5	2,5	0,1
ОАЭ	97,8	97,8	97,8	97,8	5,6
Йемен	1,9	3,0	3,0	3,0	0,2

Источник: BP Statistical Review of World Energy 2020, 69th edition

В то же время в Сирии имеются запасы и других минералов и полезных ископаемых, например, природного газа, фосфатов, хрома, железной руды, марганца, а также строительного сырья — асфальта, мрамора, гипса, соли (Кожевников, 2021). Эти ресурсы, наряду со значительными сельскохозяйственными угодьями, производственной и транспортной инфраструктурой, обеспечивали стране реальную возможность поступательного социально-экономического развития до 2011 г. (табл. 2 и рис. 2).

Таблица 2.

Динамика ВВП в некоторых странах Ближнего Востока в 2000–2019 гг., млн долларов в текущих ценах по текущему курсу

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Бахрейн	9062,91	8976,21	9593,514	11074,82	13150,17	15968,73	18504,76	21730,01	25710,87	22938,22
Ирак	23656,88	24733,1	24390,08	23143,47	36638,24	49954,89	64805,39	88840,05	123534,1	128682,3
Иордания	8724,81	9256,08	9881,613	10513,53	11767,5	12981,66	15526,98	17644,74	22658,81	24537,89
Кувейт	37717,82	34889,6	38135,76	47873,99	59436,72	80797,95	101559	114635,5	147380,3	105967,8
Ливан	16678,54	17065,27	18712,36	19801,58	21159,83	21497,34	22022,71	24827,36	29118,92	35399,58
Оман	19507,45	19452,0	20142,76	21633,71	24763,71	31081,99	37215,78	42085,38	60905,45	48388,36
Катар	17759,89	17538,46	19363,74	23533,79	31734,17	44530,5	60881,95	79711,97	115270	97798,48
Саудовская Аравия	189514,9	184137,6	189606	215807,9	258742,1	328461,2	376900,1	415964,6	519796,7	429097,9
Государство Палестина	4313,6	4003,7	3555,8	3968	4603,1	5125,7	5348,3	5815,7	7310,4	8085,7
Сирийская Арабская Республика	19665,72	21008,33	21782,05	20857,55	24545,81	28397	33108,82	40271,78	52557,91	54111,74
Турция	274294,8	201753,1	240249	314595,5	408865,4	506314,7	557076,0	681321,2	770449,3	649289,4
ОАЭ	105701	104661,7	111251,3	125971,3	149756,1	182977,7	225019,1	261286,6	319597,4	256860,8
Йемен	10864,56	11240,45	12247,09	13555,49	15616,65	19041,16	22812,48	25633,67	30397,2	28459,5
БВ, совокупный ВВП	737462,9	658715,6	718911,1	852330,6	1060780	1327131	1540781	1819769	2224687	1889618
Доля ВВП САР в совокупном ВВП БВ	2,67	3,19	3,03	2,45	2,31	2,14	2,15	2,21	2,36	2,86
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Бахрейн	25713,27	28776,61	30749,33	32539,56	33387,69	31125,8	32267,86	35473,78	37652,53	38574,07
Ирак	138516,7	185749,7	218001	234637,7	228415,7	166774,1	166602,5	190643,9	215489,5	225232,4
Иордания	27133,8	29523,94	31635,21	34454,93	36847,89	38587,32	39892,96	41408,45	42932,39	44502,82
Кувейт	115416	154040,7	174047,2	174167,6	162656,2	114584,6	109406,5	120687,6	140665,5	134623,6
Ливан	38443,91	39927,13	44035,99	46909,34	48134,49	49939,37	51205,12	53140,64	54961,28	53367,04
Оман	56913,07	67872,69	76511,06	78555,64	80686,85	68399,66	65480,51	70598,03	79788,77	76331,52
Катар	125122,4	167775,3	186833,5	198727,6	206224,6	161740	151732,2	166928,7	191362,1	183466,2
Саудовская Аравия	528207,3	671238,8	735974,8	746647,1	756350,3	654269,9	644935,5	688586,1	786521,8	792967
Государство Палестина	9681,5	11186,1	12208,4	13515,5	13989,7	13972,4	15405,4	16128	16276,6	17058,7
Сирийская Арабская Республика	60465,11	67293,03	46838,06	27016,2	23114,4	19090,1	12377,36	13341,46	16361,27	20379,23
Турция	776967,5	838785,5	880555,9	957799	938934,4	864314	869683	858988,6	778381,8	761425,6
ОАЭ	289787,5	350666,1	374590,7	390107,5	403137,2	358134,9	357045,2	385605,5	422215	421142,3
Йемен	30906,75	31078,86	32074,77	34755,29	33224,13	26660,3	22037,32	20739,39	22902,92	24935,39
БВ, совокупный ВВП	2223275	2643914	2844056	2969833	2965104	2567592	2538071	2662270	2805511	2794006
Доля ВВП САР в совокупном ВВП БВ	2,72	2,55	1,65	0,91	0,78	0,74	0,49	0,50	0,58	0,73

Источник: составлено и рассчитано автором по данным ЮНКТАД.

Рис. 2. Динамика ВВП Сирии в XXI в., млрд долл.

Источник: составлено автором по табл. 1.

Однако боевые действия в САР, инициированные извне, привели к серьезными экономическими, ресурсным, человеческим и другим разрушениям и потерям, в том числе — к снижению производства ВВП в стране в 2011–2016 гг. (см. рис. 2 и 3; табл. 2) и, фактически, к социально-экономическому коллапсу. Так, сирийское правительство потеряло контроль над обширными территориями, включая Ракку, Идлиб, Восточный Алеппо и район Джобар в Дамаске. Гражданская война спровоцировала тяжелый гуманитарный кризис, экономическую и социальную деградацию и бедность населения. Миллионы сирийцев были вынуждены покинуть свое отечество, спасаясь бегством в соседние страны и в ЕС. К концу 2019 г. более 11 млн человек, что более 1/2 всего населения Сирии, нуждались в чрезвычайной гуманитарной помощи. Ухудшение социально-экономического положения вследствие десятилетней гражданской войны, помноженное на крайне тяжелый гуманитарный кризис, негативное влияние антисирийских экономических санкций, введенных Турцией, западными и даже арабскими странами, нанесли сокрушительный удар по всем предыдущим попыткам президента Башара Асада реализовать проект «Современная Сирия».

Конечно, имеющиеся разрушения достаточно серьезны. Их оценки на протяжении ряда лет дают различные международные организации, такие как Мировой банк, МВФ, UN-ESCWA. Эти оценки (порядка 20 млрд долларов США на конец 2018 г., Devadas, et al., 2019) продолжают увеличиваться, поскольку на территории страны все еще идут боевые действия. Однако в любом случае, как подтверждают статистические данные ЮНКТАД, в результате этих разрушений доля ВВП Сирии в совокупном ВВП стран Ближнего Востока сократилась с 2,7% в 2000 г. до 0,7% в 2019 г., причем минимальный показатель зафиксирован в 2016 г. — 0,5% (см. табл. 2).

Аналогично этому и уровень душевых доходов Сирии остается ниже среднего по региону и существенно сократился с 2011 г., но имеет тенденцию к росту с 2017 г. (рис. 3), что можно рассматривать как положительную современную тенденцию.

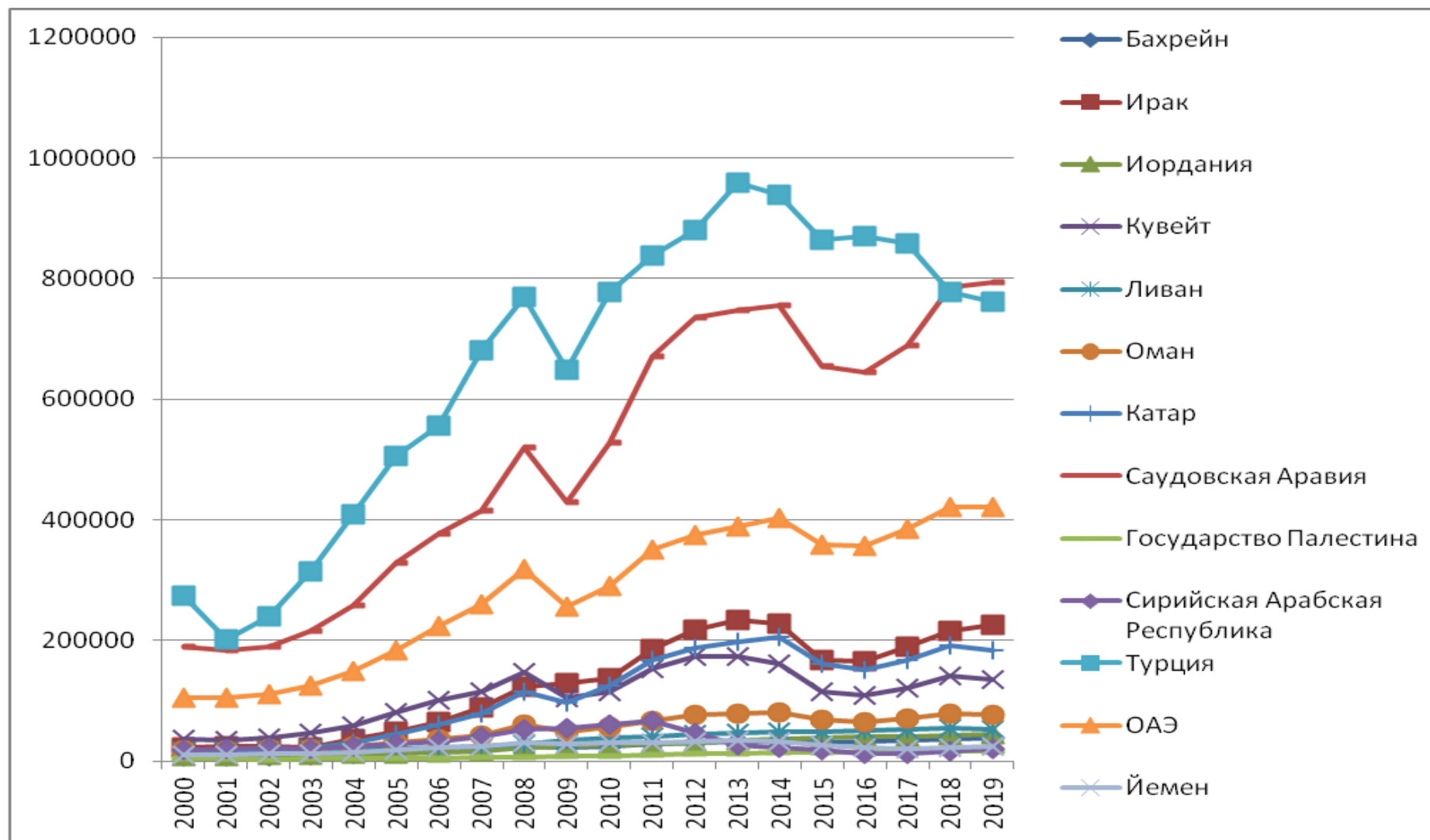

Рис. 3. Динамика ВВП в некоторых странах Ближнего Востока в 2000–2019 гг., млн долларов в текущих ценах по текущему курсу. Источник: составлено автором по табл. 2.

Однако, несмотря на рост производства ВВП, инфляционные процессы в САР стабилизируются недостаточно активно. Уровень инфляции в Сирии измеряется двузначными цифрами, а в 2020 г. составил 113,56% в годовом исчислении (UNCTAD). В декабре 2019 г. сирийский фунт быстро снизился в цене, что привело к общему росту цен на основные товары, в том числе и в Дамаске. Более того, из-за того, что доллар становится все более дорогим для покупки и в стране продолжают функционировать параллельные валютные рынки, ливанский банковский сектор больше не может обрабатывать торговые платежи для сирийских импортеров. Депозиты сирийских компаний в ливанских банках заблокированы, а компании, созданные ими в Ливане для заключения контрактов с иностранными поставщиками, стали бесполезными.

В то же время, как видно из анализа представленных статистических данных, с 2017 г. в стране сформировалась тенденция к экономическому росту, даже с учетом сохраняющихся проблем, глобальной пандемии *COVID-19* и того обстоятельства, что на начало 2021 г. еще не вся территория САР находилась под контролем легитимного правительства.

Для восстановления национальной экономики и социальной сферы еще в 2017 г. сирийское правительство разработало Национальную программу развития на послевоенный период (*National Development Programme for Post-War*). Уже в 2017 г., с 17 по 26 августа, государство провело 59-ю Дамасскую международную ярмарку в выставочном городе на окраине Дамаска, показав, что сирийское правительство намерено восстановить доверие отечественных и иностранных субъектов хозяйствования к национальной экономике. Происходит восстановление ряда отраслей промышленности, в том числе — добывающей, пищевой, строительной отрасли, инфраструктуры, включая социальную. Формируются новые цели социально-экономического развития. Безусловно, это восстановление идет весьма медленно и противоречиво, в том числе — из-за западных экономических санкций против Сирии (Русакович, Сухова, 2015), не позволяющих стране активизировать широкое и эффективное внешнеэкономическое сотрудничество для улучшения и стабилизации экономической ситуации. США еще в 1979 г. добавили Сирийскую Арабскую Республику в список «террористических стран» и ввели санкции в отношении Сирии, продолавшиеся и в XXI в. Международные экономические санкции против Сирии усилили негативное влияние военного конфликта на сирийскую экономику. В настоящее время они же выступают самой непосредственной причиной того, что экономическое восстановление САР затруднено.

Согласно прогнозам Мирового банка, при базовом/умеренном сценарии средний рост ВВП Сирии в 2019–2038 гг. составит 8,4%. В этом сценарии Сирия достигнет своего доконфликтного уровня ВВП к 2031 г., а своего доконфликтного уровня ВВП на душу населения — к 2033 г., таким образом, потеряв около 2-х десятилетий (Devadas, et al., 2019).

По оценкам, для восстановления Сирии потребуется от 2 250 до 4 400 млрд долл, что в 4 раза превышает годовой валовой национальный продукт (ВНП) страны до войны. В 2019 г. бюджет правительства Сирии на реконструкцию составит всего 2,5 млрд долл. (Barnes-Daseu, 2019). В этих условиях для поддержания экономики Россия дважды представляла Европе программу восстановления САР, в соответствии с которой европейские страны предоставляют средства на восстановление Сирии в обмен на уменьшение числа сирийских беженцев в Европе (Cafarella, Zhou, 2019, p. 27). Но против этого выступили Европейский Союз, США и даже сирийское правительство. Сирийское правительство, со своей стороны, опасается, что возвращение беженцев создаст новую нестабильность. США выступили за то, чтобы Саудовская Аравия и другие арабские нефтедобывающие страны оказали некоторую

помощь в восстановлении районов, контролируемых курдами на востоке Сирии, одновременно усилив санкции против сирийского правительства (CRS Report, 2020, p.6).

Заключение

Таким образом, в Сирии, несмотря на наличие неблагоприятных внешних (прежде всего, экономические санкции и нежелание западных стран поддержать экономику САР) и внутренние факторы (огромные разрушения, гуманитарный кризис, продолжающийся на востоке гражданский конфликт), зафиксирована тенденция к стабилизации и росту национальной экономики. Согласно оценкам экспертов, в тех регионах Сирии, которые были ранее всего очищены от террористов, сегодня начался процесс реконструкции и динамичного экономического роста. Статистические данные, характеризующие динамику социально-экономического развития Сирии, подтверждают, что у Сирии имеется база для экономического и социального развития. Для более эффективного использования имеющихся возможностей полагаем, что в качестве основных инструментов следует использовать такие, как свободные экономические зоны и цифровую составляющую.

В то же время, по нашему мнению, конфликт в Сирии может переместиться в экономическую плоскость, так как, возможно, западные страны, сохраняя санкционные механизмы, будут стремиться сократить возможности Сирии к социально-экономическому прогрессу и поставить под контроль происходящие в стране процессы экономической стабилизации. Именно поэтому стране важно найти и/или создать эти механизмы и инструменты вместе с ее союзниками.

Список литературы

1. Абрамова И. О., Фитуни Л. Л. (2017) Влияние структурных и макроэкономических дисбалансов на фундаментальные тренды социально-экономического развития стран Ближнего Востока и Северной Африки // Азия и Африка сегодня. Том 10. № 2. С. 13–33. [Abramova I. O., Fituni L. L. (2017) The impact of structural and macroeconomic imbalances on the fundamental trends of socio-economic development in the Middle East and North Africa // Asia and Africa today. Volume 10. No. 2. P. 13–33. (In Russian).] DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-13-33
2. Азия: в поисках источников развития. Ежегодник — 2020 = Asia: Looking for Sources of Development. Yearbook — 2020. Сборник статей. Сер. "Азиатские исследования" Москва, 2020. [Asia: Looking for Sources of Development. Yearbook — 2020. (In Russian).]
3. Алкандж А. Я. (2021) Прогнозирование основных показателей развития внешнеторговых отношений России и Сирии до 2030 года / В сборнике: Экономика. Менеджмент. Финансы. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа. С. 3–5. [Alkanj A. Ya. (2021) Forecasting the main indicators of the development of foreign trade relations between Russia and Syria until 2030 / In the collection: Economics. Management. Finance. Collection of articles of the International scientific and practical Conference. Ufa. P. 3–5. (In Russian).]
4. Аль Хумсси А., Чаплюк В. З. (2015) Совершенствование государственного регулирования внешнеэкономической деятельности Сирии // Науковедение. Электронный журнал. Т. 7. № 6. [Al Khumssi A., Chaplyuk V. Z. (2015) Improving state regulation of foreign

economic activity in Syria // Naukovedenie. Electronic journal. Vol. 7. No. 6. (In Russian).] URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/07EVN615.pdf>

5. Антюхова Е. А. (2016) Последствия реализации стратегии НАТО в конфликтах «Арабской весны» для государств Ближнего Востока и Северной Африки // Вестник МГИМО Университета. № 2 (47). С. 118–124. [Antyukhova E. A. (2016) Consequences of the implementation of the NATO strategy in the conflict of the "Arab Spring" for the states of the Middle East and North Africa // Bulletin of MGIMO University. No. 2 (47). P. 118–124. (In Russian).] DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-118-124

6. Иванов С. М. (2017) Ближний Восток и сирийский кризис // Геополитический журнал. № 5–6 (20). С. 19–27. [Ivanov S. M. (2017) The Middle East and the Syrian crisis // Geopolitical Journal. No. 5–6 (20). P. 19–27. (In Russian).]

7. Карпович О. Г. (2016) Цветные революции в Сирии, Ливии и Ираке: сравнительный анализ сценариев и технологий демонтажа политических режимов // Политика и общество. № 1 (133). С. 7–20. [Karpovich O. G. (2016) Color revolutions in Syria, Libya and Iraq: a comparative analysis of scenarios and technologies for dismantling political regimes // Politics and Society. No. 1 (133). P. 7–20. (In Russian).]

8. Кожевников К. И. (2021) Сирия: потенциал экономического развития // География в школе. № 5. [Kozhevnikov K. I. (2021) Syria: the potential for economic development // Geography at school. No. 5. (In Russian).]

9. Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). Москва, Институт Востоковедения РАН, 2015. 504 с. [Conflicts and Wars of the XXI century (Middle East and North Africa). Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2015. 504 p. (In Russian).]

10. Малышева Д. Б. (2016) Крупные региональные государства в зонах нестабильности Ближнего Востока // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 9. С. 28–36. [Malysheva D. B. (2016) Large regional states in the zones of instability in the Middle East // World economy and International relations. Vol. 60. No. 9. P. 28–36. (In Russian).] DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-9-28-36

11. Русакович В. И., Кухтин Г. В. (2019) Сирия: экономика, социальная сфера, перспективы развития // Россия и Азия. № 2 (7). С. 9–21. [Rusakovich V. I., Kukhtin G. V. (2019) Syria: economy, social sphere, development prospects // Russia and Asia. No. 2 (7). P. 9–21. (In Russian).]

12. Русакович В. И., Сухова Р. А. (2015) Международные санкции — препятствие или стимул к развитию малой экономики? (Опыт Сирии) // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 6. С. 99–107. [Rusakovich V. I., Sukhova R. A. (2015) International sanctions-an obstacle or an incentive to the development of a small economy? (The experience of Syria) // Scientific Review. Series 1: Economics and Law. No. 6. P. 99–107. (In Russian).]

13. Савинский А. В. (2020) Сирия: социально-экономические и демографические особенности развития / В сборнике: Азия: в поисках источников развития. Ежегодник — 2020 = Asia: Looking for Sources of Development. Yearbook — 2020. Сер. "Азиатские исследования". Москва. С. 105–119. [Savinsky A. V. (2020) Syria: socio-economic and demographic features of development / In the collection: Asia: in search of sources of development. Yearbook — 2020. Ser. "Asian studies" Moscow. P. 105–119. (In Russian).]

14. Федорченко А. В. (2017) Арабский мир: возможен ли экономический ренессанс? // Вестник МГИМО Университета. № 1 (52). С. 83–100. [Fedorchenko A. V. (2017) The Arab

world: is an Economic renaissance possible? // Bulletin of MGIMO University. No. 1 (52). P. 83–100. (In Russian).] DOI. 10.24833/2071-8160-2017-1-52-83-100.

15. Филоник А. (2008) Сирия: с высокого старта — в будущее // Азия и Африка сегодня. № 2 (607). С. 21–26. [Filonik A. (2008) Syria: from a high start-to the future // Asia and Africa today. No. 2 (607). P. 21–26.

16. Azimov H. Ya. (2019) The emergence of the Syrian crisis and the IMPACT of the external forces on it // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. № 4 (6). P. 92–97.

17. Barnes-Dacey J. (2019) The Geopolitics of Reconstruction: Who will Rebuild Syria?"September 16. UTL:

https://www.ecfr.eu/article/commentary_the_geopolitics_of_reconstruction_who_will_rebuild_syria.

18. BP Statistical Review of World Energy (2020) 69th edition. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf>

19. Cafarella J., Zhou J. (2019) Russia's Dead-end Diplomacy in Syria. New York and Washington D. C.

20. Cook S. A. (2011) The Struggle for the Egypt: From Nasser to Tahrir Square. Oxford University Press.

21. CRS Report (2020): Armed Conflict in Syria: Overview and U.S. Response. February 12.

22. Diamond L. (2010) Why are there no Arab Democracies // Journal of Democracy. Vol. 21. No. 1. P. 93–112.

23. Devadas S., Elbadawi I., Loayza N. V. (2019) Growth after War in Syria. Policy Research Working Paper 8967. Development Economics. Development Research Group. August. World Bank Group.

24. Freitag U. (1995) The Near and Middle East Volker Perthes: The political economy of Syria under Asad. London and New York, I. B. Tauris. 298 p.

25. Gambill G. C. (2004) The Political Obstacles to Economic Reform in Syria. Syrian Human Rights Committee (SHRC).

26. Hirschman A. O. (1958) The Strategy of Economic Development. New Haven, Conn.: Yale University Press.

27. Huntington S. P. (1991) The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. University of Oklahoma Press.

28. Sarihan A. (2012) Is the Arab Spring in the Third Wave of Democratization? The Case of Syria and Egypt // Turkish Journal of Politics. Vol. 3. No. 1. Summer. P. 67–85.

29. UNCTAD URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

Will Syria's economy grow in the near term?

Kozhevnikov Konstantin Igorevich

*Head of the Department "Pricing in Construction and Industry" of the Institute of Construction and Architecture of the Ural State Technical University.
Yekaterinburg, Russia*

The article analyzes the growth trends of the national economy of the Syrian People's Republic (SAR) in the XXI century and the factors both constraining and stimulating these trends. The relevance of the research topic is due to the high importance of finding ways and opportunities to ensure the long-term sustainable development of the country. The author shows that, despite the huge destruction in Syria during the years of the civil war (2011–2016), international organizations, in particular, UNCTAD, have recorded an increase in GDP and per capita income since 2017. The author comes to the conclusion that the state has the necessary capabilities to create and activate economic growth factors. It is vital for the country to maintain and strengthen this trend, which is necessary for the stabilization and improvement of socio-economic processes in the country. The analysis was carried out mainly on the basis of UNCTAD statistics. The visualization method was also actively used in the article.

Keywords: Syrian Arab Republic, Middle East, economic growth, humanitarian crisis, economic degradation.

JEL codes: F15, O11, O53.

Экономическое развитие Казахстана и роль интеграции в ЕАЭС

Ашикбаева Асем Мэлсовна¹

Актуальность статьи обусловлена растущей в последние годы значимостью экономической интеграции в ЕАЭС для социально-экономического развития Казахстана. Цель статьи: представить анализ экономических результатов социально-экономического развития Казахстана в контексте региональной экономической интеграции. Объектом исследования является экономика Казахстана и интеграционные процессы в рамках ЕАЭС. Автором обосновано, что важным фактором экономического роста Казахстана остается региональная экономическая интеграция в рамках ЕАЭС. Ее значимость связана с географическими, историко-культурными и научно-техническими предпосылками, а также задачами развития страны на перспективу. Авторское исследование основывается на историческом, сравнительном, статистическом, дедуктивном и других методах научного экономического анализа. Для анализа были использованы статистические данные международной базы ЮНКТАД, а также данные ЕАЭС.

Ключевые слова: Казахстан, экономический рост, внешняя торговля, внутрирегиональная торговля, экономическая интеграция, ЕАЭС.

JEL коды: O11, O19, O53.

Введение

Казахстан — это одна из крупных экономик Средней Азии, не имеющая выхода к морю (внутриконтинентальная страна). На территории Казахстана (2,7 млн кв км) проживает свыше 18 млн человек. ВВП страны в 2019 г. составил 177 637 млн долл., увеличившись на 4,5% за 1 год. В 2020 г. ВВП Казахстана сократился на 2,6% относительно 2019 г. в результате негативного влияния глобальной пандемии. Казахстан оценивает экономический рост на 2,8% в 2021 г. с учетом запланированных мер по укреплению отраслей экономики (Казахстан прогнозирует..., 2020).

С 1992 г. в Казахстане проводятся рыночные реформы, и путь их неоднозначен, болезнен и не завершен до настоящего времени, что нашло свое отражение в научной литературе, в том числе зарубежной (Abzhalelova, 2019; Tafti et al., 2012). И хотя рыночное реформирование в Казахстане имело много общего с аналогичными процессами в других странах СНГ, специфика именно этой страны в процессе экономического развития и рыночного реформирования национальной экономики (их успешность, эффективность, проблемы и перспективы) до настоящего времени сохраняет как теоретическую, так и практическую значимость. Не только в Казахстане, но и во всех «...странах СНГ данные

¹ Ашикбаева Асем Мэлсовна — кандидат экономических наук, обладатель Международной стипендии Президента Республики Казахстан «Болашақ», старший преподаватель кафедры менеджмента и маркетинга, Казахский национальный университет, Высшая школа экономики и бизнеса имени Аль-Фараби. Алматы, Казахстан.

трансформационные процессы протекают порой неоднозначно, иногда болезненно. Изменения, происходящие в последние десятилетия, дают солидный эмпирический материал для дискуссий в экономической науке, посвященных соотношению ожидаемого и непредсказуемого в последствиях принимаемых решений, касающихся всех сфер жизни общества» (Раупов, 2016).

Действительно, за 30 лет рыночного реформирования имело место активное развитие экономики Казахстана, таким образом, что некоторые авторы говорят об «экономическом чуде Казахстана» в результате проводимых реформ и вытекающих из этих реформ социально-экономических изменений. Симон Д. отмечает: «Эти изменения включали широкую либерализацию цен и торговли, приватизацию и создание рыночных институтов... Финансовая независимость страны была установлена в 1993 г. с введением национальной валюты тенге» (Simon, 2009).

Страна поставила амбициозную цель в следующие 30 лет (до 2050 г.) войти в топ-30 ведущих стран мира (Указ 2014).

Исследованию макроэкономических проблем развития экономики Казахстана и краткому резюме проведенного автором анализа посвящена данная статья.

Методология

Авторское исследование основывается на историческом, сравнительном, статистическом, дедуктивном и других методах научного экономического анализа. Для анализа были использованы статистические данные международной базы ЮНКТАД, а также данные ЕАЭС. Экономическое развитие Казахстана исследуется на основе динамики ВВП и других макроэкономических показателей. Интеграционные процессы традиционно — в теории и практике — исследуются на основе показателей внутрирегиональной и внерегиональной торговли. Этот подход применен автором в данном исследовании.

Результаты исследования

Прогресс в развитии национальной экономики Казахстана достаточно нагляден, если говорить о росте стоимостного объема ВВП Казахстана (рис. 1), подушевых доходов, внешнеторгового оборота (табл. 1) и других ключевых макроэкономических и социальных показателей. Как видно из анализа представленных статистических данных (рис. 1), ВВП Казахстана по стоимости вырос, по данным ЮНКТАД, с 26,5 млрд долл. в 1992 г. до 177,6 млрд в 2019 г., т. е. в 6,7 раза. Это хороший показатель, если учесть, что совокупная экономика всех стран СНГ за тот же период выросла лишь в 3,7 раза.

В 2020 г. страна сохранила рейтинг *Fitch BBB* по состоянию на август, в то время как 60% государств мира столкнулись с падением своего рейтинга (Казахстан прогнозирует..., 2020).

Трансформационный спад в экономике Казахстана достиг своего максимума в 1995 г., после чего начался ее устойчивый рост (табл. 1). Также очень значительно — практически в 9 раз — вырос в стране и уровень душевого дохода и, соответственно, уровень жизни граждан.

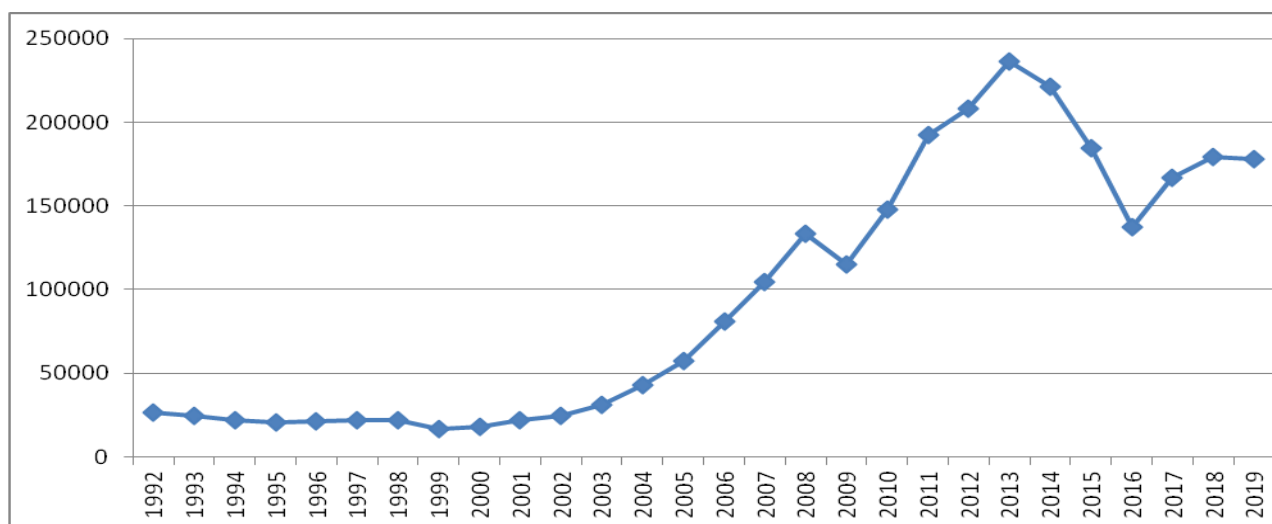

Рис. 1. Динамика стоимостного объема ВВП Казахстана в 1992–2019 гг., млн долл. по текущему курсу в текущих ценах.

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

С 1995 г. в стране постепенно стабилизировалась финансовая ситуация, поддерживаемая достаточно высоким и устойчивым экономическим ростом (см. рис. 1 и табл. 1), который был прерван в 1989–1999 гг., в 2008 г. и в 2014–2016 гг. последствиями глобальной нестабильности, негативно повлиявшими на экономики России, Казахстана и других стран СНГ. В частности, западные антироссийские экономические санкции 2014–2016 гг. чувствительно затронули экономику Казахстана не только в связи с собственно российскими экономическими проблемами, но и с общемировыми, вызванными этими санкциями (Корженгулова и др., 2017).

Таблица 1.

Динамика основных макроэкономических показателей Казахстана в 2000–2019 гг.

	2000	2005	2010	2015	2019
ВВП, млн долл. по текущему курсу в текущих ценах	18 292	57 124	148 047	184 388	177 637
ВВП на душу населения, долл.	1 091	3 709	9 109	10 493	9 575
Рост ВВП в % (ежегодный)	9,85	9,70	7,25	1,15	4,5
Сальдо счета текущих операций, % ВВП	2,00	–1,81	0,94	–3,26	–0,03
Обменный курс (к доллару США)	382,747	132,880	147,355	221,728	344,706

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

А экономика Казахстана, как и Российской Федерации, очень чувствительна к глобальным процессам, в частности, к колебаниям цен на энергоносители и другое органическое сырье на мировых сырьевых рынках, сохраняя высокую зависимость от внешней торговли (экспорта). Это связано с тем, что именно углеводороды и другие минеральные ресурсы остаются ведущими товарами экспорта Казахстана.

И здесь мы можем говорить о наличии (сохранении) определенных проблем экономического развития Казахстана (как и других стран СНГ) как на внутреннем, так и на международном уровне. В этой связи К. С. Раупов отмечает: «Переход ... на путь

формирования экономики открытого типа в современных условиях выявил ряд актуальных проблем, связанных с процессом интеграции страны в систему мирохозяйственных связей» (Раупов, 2017).

Статистические данные подтверждают, что интеграция Казахстана в систему мирового хозяйства активизировалась в XXI в. значительно. Товарооборот в 2019 г. превысил 95 млрд долл. (табл. 2 и рис. 2), увеличившись за исследуемый период в 10,5 раз, в том числе в 2015–2019 гг. — в 1,2 раза.

Внешняя торговля остается важнейшим катализатором экономического роста страны, во многом благодаря положительному сальдо внешнеторгового баланса (табл. 2). «Одной из аксиом политико-экономического развития мировой экономики второй половины XX в. выступает поступательный рост взаимозависимости стран. Это объективный процесс, обусловленный усилением и углублением международного разделения труда, устойчивой масштабной международной торговлей товарами и услугами, ростом процессов миграции факторов производства, тесной производственной и научно-технической кооперацией» (Шкваря, 2004).

Таблица 2.

Динамика внешнеторговых показателей Казахстана в 1995–2019 гг., млн долл.

	1995	2000	2005	2010	2015	2019
Экспорт	5 250	8 812	27 849	59 971	45 956	57 309
Импорт	3 807	5 040	17 353	31 107	30 568	37 757
Товарооборот	9056,9	13852,2	45202	91077,5	76523,3	95065,62

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

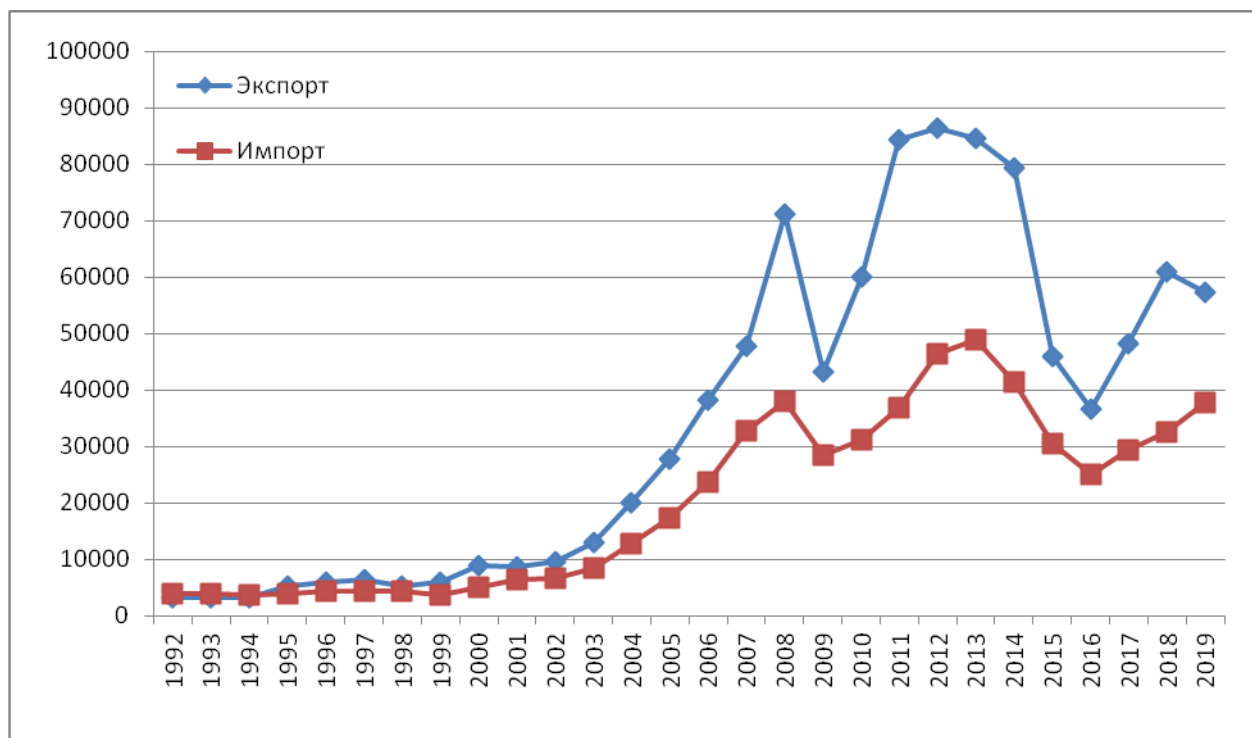

Рис. 2. Динамика экспорта и импорта Казахстана в 1992–2019 гг., млн долл.

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

Важнейшим фактором как роста национальной экономики Казахстана и отдельных ее сфер, так и ее реформирования, остается региональная экономическая интеграция в рамках ЕАЭС, куда входят Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия.

Для Казахстана экономическая интеграция в ЕАЭС актуальна в силу не только географической, но и историко-экономической, а также научно-технической близости со странами объединения (Овчинникова, Кокуйцева, 2020). Однако интеграционные процессы развиваются неоднозначно, что подтверждает анализ статистики внешней (внутрирегиональной) торговли Казахстана со странами ЕАЭС (табл. 3).

Таблица 3.

Динамика внутрирегиональной торговли Казахстана в рамках ЕАЭС в 2000–2019 гг.,

тыс. долл. в текущих ценах по текущему курсу

	2000	2005	2010	2015	2019
Экспорт Казахстана в страны–партнеры					
Армения	4 117	43 141	7 601	716	9 133
Беларусь	16 155	26 490	41 479	53 434	101 511
Кыргызстан	57 247	225 275	424 254	517 722	604 043
Россия	1 710 262	2 926 578	3 006 543	4 547 502	5 602 532
Всего	1 787 781	3 221 484	3 438 398	5 119 374	6 317 219
Импорт Казахстана из стран–партнеров					
Армения	1 209	2 253	3 528	4 507	5 952
Беларусь	29 150	189 365	402 744	500 407	682 239
Кыргызстан	31 322	113 532	199 203	202 604	269 098
Россия	2 286 742	6 344 937	7 537 031	10 395 913	13 372 965
Всего	2 348 423	6 650 087	7 739 762	11 103 431	14 330 254
Всего товарооборот Казахстана со странами ЕАЭС	4 136 204	9 871 571	11 178 160	16 222 805	20 647 473
% от общего товарооборота	29,86	21,84	12,27	21,20	21,72

Источник: составлено по данным ЮНКТАД и рассчитано автором.

С одной стороны, как видно из табл. 3, товарооборот Казахстана со странами ЕАЭС, казалось бы, растет в стоимостном выражении, особенно казахский экспорт.

С другой стороны, однако, его доля в совокупном внешнеторговом обороте Казахстана на протяжении последних 5-ти лет практически не меняется, а если сравнить относительные показатели с уровнем 2000 г., то можно видеть даже падение этого показателя, что, безусловно, можно рассматривать как негативную тенденцию, особенно ярко заметную на фоне роста внешней торговли Казахстана с Китаем на всем протяжении XXI в., что отмечают многие авторы (Yurova, Petrova, 2019; Международная торговая политика, 2018).

Следовательно, Казахстан рассматривает страны ЕАЭС скорее как экспортные рынки для своей продукции, что не в полной мере соответствует интересам и целям развития экономической интеграции в ЕАЭС.

В то же время Российская Федерация остается для Казахстана крупнейшим внешнеторговым партнером, превосходя по совокупности торговых показателей Китайскую Народную Республику. Правда, непонятно, как долго будет сохраняться такое положение. Видимо, следовало бы провести углубленный анализ ситуации и разработать меры по развитию внешней торговли между странами ЕАЭС в перспективе, особенно с учетом тех корректив, которые, по всей вероятности, внесет в этот процесс глобальная пандемия.

Заключение

Как видно из анализа статистических данных (табл. 3), нутрирегиональная торговля Казахстана в ЕАЭС имеет свою специфику

Во-первых, в торговле со странами ЕАЭС Казахстан имеет отрицательное сальдо торгового баланса (за исключением Армении), что для страны, как экспортера нефти и другого минерального сырья, не характерно.

Во-вторых, общий товарооборот Казахстана со странами ЕАЭС за исследуемый период вырос в 5 раз, т. е. увеличивался в 2 раза медленнее, чем с остальными странами мира (прежде всего Китаем и государствами ЕС).

В-третьих, в 2015–2019 гг. резко (почти в 2 раза) возросла доля внутрирегиональной торговли в общем товарообороте Казахстана. Это объясняется ухудшением общемировой конъюнктуры и ростом глобальной нестабильности. В этих условиях возможности внутрирегиональной торговли опять становятся привлекательными. Таким образом, экономическая интеграция в ЕАЭС на протяжении ряда последних лет действительно остается важным катализатором, поддерживающим экономическую динамику страны, что ставит перед государством задачу поиска и формирования еще более благоприятных условий хозяйственного и экономического развития.

Список литературы

1. Казахстан прогнозирует экономический рост на 2,8% в 2021 году. URL: [inform.kz https://www.inform.kz/en/kazakhstan-projects-economic-growth-at-2-8-pace-in-2021_a3686982](https://www.inform.kz/en/kazakhstan-projects-economic-growth-at-2-8-pace-in-2021_a3686982)
2. Международная торговая политика (2018) / Хасбулатов Р. И., Ачалова Л. В., Бяшарова А. Р. и др. Москва. Том Часть 1. [International Trade Policy (2018) / Khasbulatov R. I., Achalova L. V., Byasharova A. R., et al. Moscow Volume Part 1. (In Russian).]
3. Овчинникова О. П., Кокуйцева Т. В. (2020) Международная экономическая интеграция и рынок // Россия и Азия. № 1 (10). С. 29–34. [Ovchinnikova O. P., Kokuitseva T. V. (2020) International economic integration and the market // Russia and Asia. No. 1 (10). P. 29–34. (In Russian).]
4. Раупов К. С. (2016) Особенности рыночных реформ в Республике Таджикистан и формирование новой модели экономического развития // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. Т. 10. № 3. С. 116–123. [Raupov K. S. (2016) Features of market reforms in the Republic of Tajikistan and the formation of a new model of economic development // Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management. Vol. 10. No. 3. P. 116–123. (In Russian).]

5. Раупов К. С. (2017) Развитие экономики Республики Таджикистан в 1990–2015 гг. и формирование модели экономического роста // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. № 2 (12). С. 8–21. [Raupov K. S. (2017) Development of the economy of the Republic of Tajikistan in 1990-2015 and the formation of a model of economic growth // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Economics. No. 2 (12). P. 8–21. (In Russian).]

6. Указ Президента Республики Казахстан от 17 января 2014 года № 732 О Концепции по вхождению Казахстана в число 30 самых развитых стран мира. [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan No. 732, January 17, 2014 About the concept of Kazakhstan's entry into the top 30 most developed countries of the world. (In Russian).] URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000732>

7. Шкваря Л. В. (2004) Международная экономическая интеграция и рынок // Вестник Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова. № 2. С. 32–36. [Shkvarya L. V. (2004) International economic integration and the market // Bulletin of the Plekhanov Russian Academy of Economics. No. 2. P. 32–36.]

8. Abzhalelova R. S. (2019) Prospects for the Development of Innovative Economy in the Republic of Kazakhstan in the Context of Globalization // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 12. Iss. 12. P. 2128–2136. DOI: 10.17516/1997–1370–0516.

9. Korzhengulova A., Shkvarya L., Melanyina M. (2017) The EU-Russia conceptual interaction in the Eurasian space in the context of western sanctions // Central Asia and the Caucasus. T. 18. № 1. С. 7–14.

10. Shkvarya L., Karabulatova I., Rusakovich V., Rapiev A. (2017) The impact of the Custom Union and the EAEU on the small and medium business in Kazakhstan // Central Asia and the Caucasus. T. 18. № 1. С. 93–100.

11. Simon G. (2009) Market reforms and 'Economic miracle' in Kazakhstan // Ekonomski anali. Vol. 54. Is. 182. P. 67–92. DOI:10.2298/EKA0982067S.

12. Tafti S. F., Jahani M., Emami S.A. (2012) Explaining Evolutionary Trend of Strategic Planning from Traditional Economy to Innovation Economy // Procedia Social and Behavioral Sciences. Vol. 58. P. 56-65.

13. Yurova N. V., Perova N. S. (2019) The EAEU and the problems of integration (on the example of Kazakhstan and Belarus) // Bulletin of Karaganda University. Economy Series. T. 95. № 3. С. 164–170.

14. UNCTAD URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

Economic development of Kazakhstan and the role of integration in the EAEU

Ashikbayeva Asem Melsovna

*PhD of economic Sciences, Winner of the International Scholarship President of the Republic of Kazakhstan "Bolashak", Senior Lecturer of the Department of Management and Marketing, Kazakh National University, Al-Farabi Higher School of Economics and Business.
Almaty, Kazakhstan*

The relevance of the article is due to the growing importance of economic integration in the EAEU for the participating countries, including Kazakhstan. The purpose of the article: to present an analysis of the economic results of socio-economic development of Kazakhstan in the context of regional economic integration. The author proves that regional economic integration within the EAEU remains an important factor of Kazakhstan's economic growth. Its significance is related to geographical, historical and cultural, scientific and technical prerequisites. The author's research is based on historical, comparative, statistical, deductive and other methods of scientific economic analysis. Statistical data from the international database of UNCTAD, as well as data from the EAEU, were used for the analysis.

Keyword: *Kazakhstan, foreign trade, economic growth, economic integration, intraregional trade, Eurasian economic Union.*

JEL codes: *F15, O11, O19, O53.*

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ / WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Страны ССАГПЗ в глобальных потоках ПИИ и инвестиции в Россию

Айдрус Ирина Ахмед Зейн¹

В статье показаны процессы прямого иностранного инвестирования в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Эти страны традиционно занимали ключевые позиции как глобальные инвесторы, в том числе — и для России и некоторых других государств СНГ и ЕАЭС. Однако в 2019–2020 гг. ситуация изменилась. Приток и отток ПИИ в/из стран ССАГПЗ осуществлялся таким образом, что их доля в мировых показателях сократилась значительно. Какие последствия это будет иметь для стран региона и других государств, которые традиционно выступали донорами и/или реципиентами капитала этой группы государств, в том числе — для Российской Федерации? Анализ проводится на основе данных ЮНКТАД.

Цель автора состояла в том, чтобы внести вклад в существующие исследования, касающиеся ПИИ стран ССАГПЗ в 2019–2020 гг., сфокусировавшись на объемах регионального притока и оттока ПИИ, в том числе — на инвестиционном сотрудничестве с Российской Федерацией.

Ключевые слова: ССАГПЗ, ПИИ, потоки капитала, распределение иностранного капитала, арабский капитал.

JEL коды: C23, C33, E31, F3, 011.

Введение

Международный капитал традиционно играет важную роль для эволюции мировой, региональной и национальной экономик, оставаясь важным фактором производства на соответствующем уровне.

В сфере глобальных инвестиций в 2020 г. отмечалось резкое падение активности. Эксперты ЮНКТАД отмечают, что глобальные потоки прямых иностранных инвестиций (ПИИ) сократились на 35% в 2020 г., достигнув 1 трлн долл. (по сравнению с 1,5 трлн долл. в 2019 г.). Это самый низкий уровень с 2005 г., он почти на 20% ниже, чем в 2009 г. после глобального финансового кризиса. Локдауны по всему миру в ответ на пандемию COVID-19 замедлили существующие инвестиционные планы, а перспективы рецессии заставили многонациональные компании (МНК) пересмотреть новые проекты. Падение ПИИ было значительно более резким, чем падение валового внутреннего продукта (ВВП) и торговли. Ожидается, что глобальные потоки ПИИ в 2021 г. вырастут на 10–15%, что, тем не менее,

¹ Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, Российский университет дружбы народов. Москва, Россия.

ниже уровня ПИИ 2019 г. примерно на 25% и более чем на 40% ниже недавнего пика в 2016 г. Текущие прогнозы показывают возможность их дальнейшего увеличения в 2022 г., что при верхней границе прогнозов может привести к возвращению ПИИ к уровню 2019 г. в 1,5 трлн долл. (World Investment Report, 2021). Учитывая, что в 2018 г. произошло лишь очень скромное восстановление, эта негативная тенденция остается долгосрочной проблемой для политиков во всем мире, особенно в развивающихся странах, где международные инвестиции необходимы для устойчивого промышленного развития и социально-экономического прогресса.

Но были страны, приток инвестиций в которые, невзирая на глобальное падение их объемов, все же увеличились. Это, прежде всего, Китай, почти сравнявшийся с США по данному показателю в 2020 г., Гонконг, а также ОАЭ, входящие в ТОП-20 наиболее привлекательных для инвестиций стран мира. Стоит при этом отметить, что отток ПИИ из ОАЭ в 2020 г. сократился относительно предыдущего года.

Для стран ССАГПЗ ПИИ традиционно имеют очень большое значение (Русакович, 2011). Будучи ресурсо- и, в частности, капиталоемкими странами, они используют иностранные финансовые рынки достаточно активно для получения дополнительной прибыли и вложения в зарубежные экономики тех финансовых ресурсов, которые не могут быть абсорбированы национальными экономиками региона, в том числе — инвестируя в национальные хозяйства других арабских стран, а также и Российской Федерации.

Поэтому многие российские и зарубежные авторы исследуют процессы инвестирования стран ССАГПЗ и их роль в глобальных потоках капитала.

В последние годы появились исследования, целью которых стало выявление ключевых детерминант притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в страны Совета сотрудничества стран Персидского залива (ССАГПЗ). Стоит отметить, что исследования позволили установить значительную положительную связь между инфляцией, торговым коэффициентом, валовым внутренним продуктом, валовыми сбережениями и чистыми иностранными активами и ПИИ. Напротив, было выявлено, что международный туризм имеет негативную связь с ПИИ (Al-Matari et al., 2021).

Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы внести вклад в изучение процессов, касающихся ПИИ стран ССАГПЗ в 2019–2020 гг., сфокусировавшись на объемах притока и оттока ПИИ в регион, в том числе — инвестиционном сотрудничестве с Российской Федерацией.

Статья структурирована следующим образом: в первой части дан анализ притока ПИИ в страны ССАГПЗ, во второй — оттока, в третьей — взаимодействия ССАГПЗ и Российской Федерации в инвестиционной сфере. В заключении предложены авторские выводы.

Результаты исследования

Приток ПИИ в страны ССАГПЗ в 2019–2020 гг.

В целом приток ПИИ в страны ССАГПЗ в 2019 г. вырос на 9% (табл. 1 и рис. 1), что соответствует мировым тенденциям, хотя он и оказался ниже уровня 2016 г., и особенно 2010 г (исторический максимум).

Таблица 1.

Динамика ПИИ в странах ССАГПЗ в 2002–2019 гг., млн долл.

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Приток ПИИ											
Мир	947705,9	1396203	1615081	1493828	1456323	1403865	2041770	1983478	1700468	1495223	1539880
ССАГПЗ	28317,84	45403,75	29509,01	27927,74	24564,36	23883,39	15966,57	20759,05	17451,47	18494,8	19707,62
В том числе											
Бахрейн	1048,67	155,8511	98,40426	1545,213	3728,723	1518,617	64,89362	243,3511	1426,064	1654,255	941,7553
Кувейт	233,9041	1304,626	3259,067	2872,584	1433,628	953,4648	310,5515	418,7464	348,1222	204,015	104,4136
Оман	1538	1243,173	1752,926	1365,41	1612,484	1287,386	-2171,65	2265,28	2918,075	4190,505	3124,62
Катар	2500	4670,33	938,5165	395,8791	-840,385	1040,385	1070,879	773,901	985,989	-2186,26	-2812,64
Саудовская Аравия	12097,33	29233	16308	12182	8865	8012	8141	7453	1419	4247	4562
ОАЭ	10899,93	8796,77	7152,096	9566,651	9764,915	11071,54	8550,902	9604,773	10354,22	10385,29	13787,47
Отток ПИИ											
Мир	833179	1396034	1627177	1305453	1421291	1366900	1708088	1543239	1600984	986351	1313770
ССАГПЗ	10263,5	15507,1	26791,61	16919,64	39906,33	14376,17	34998,57	36553,47	34701,09	45981,8	31959,43
В том числе											
Бахрейн	5141,781	5889,836	10772,92	6741,299	16647,97	-10468,1	5367,157	4527,894	9013,447	3715,026	-2495,46
Кувейт	234	1498,049	1222,367	884,2653	933,6801	1357,607	335,5007	356,3069	2423,927	566,513	1115,582
Оман	351,914	1863,173	10108,53	1840,11	8021,429	6748,352	4023,352	7901,923	1694,78	3522,802	4450,275
Катар	-349,867	3907	3430	4402	4943	5396	5390	8936	7280	22987	13185
Саудовская Аравия	3750,3	2015	2178	2536,011	8828,338	11735,9	16691,6	15711,4	14059,95	15079,29	15901,11
ОАЭ	1135,372	334,0426	-920,213	515,9574	531,9149	-393,617	3190,957	-880,053	228,9894	111,1702	-197,074

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

Ключевые детерминанты притока ПИИ в регион Северной Африки и Ближнего Востока — это природные ресурсы и экспорт топлива, объемы добычи углеводородов по отношению к их запасам, размер рынка, торговля, инфляция и качество институтов, включая инвестиционное законодательство (Khayat, 2017).

Значение ПИИ в природные ресурсы, особенно в нефтяную и горнодобывающую промышленность повысилось, они составили основную часть ПИИ в первичный сектор.

Однако, как видно из табл. 1 и рис. 1, по странам ССАГПЗ ситуация с привлечением ПИИ существенно различалась.

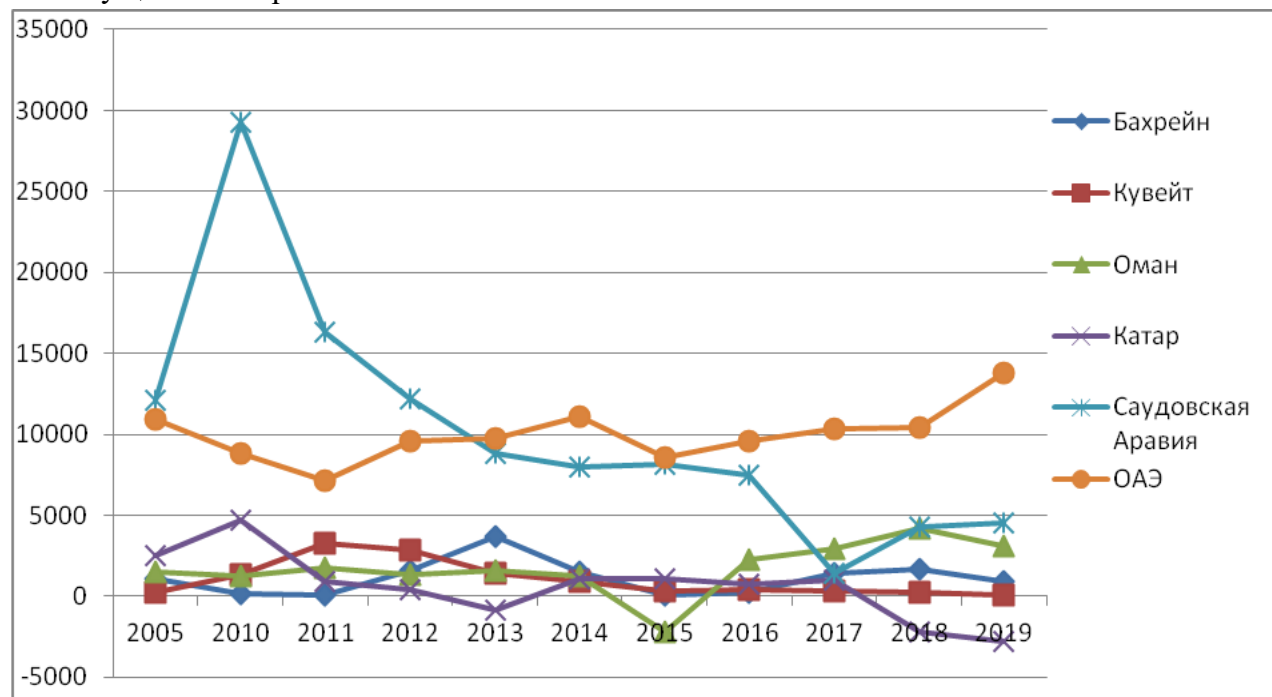

Рис. 1. Приток ПИИ в страны ССАГПЗ в 2005–2019 гг., млн долларов.

Источник: составлено автором по данным табл. 1.

Так, Бахрейн оказался наименее привлекательным рынком для ПИИ в 2019 г., тем не менее его доля в региональном объеме притока иностранных инвестиций оставалась не самой маленькой, в то время как на ОАЭ пришлось львиная доля их притока в регион, достигшая 55% (рис. 2). Также выросли ПИИ в экономику Саудовской Аравии, самую крупную страну региона.

В 2020 г. эта тенденции сохранилась: объем ПИИ в ОАЭ увеличился на 11% и достиг 20 млрд долл. Сделки с природными ресурсами привели к иностранным инвестициям в страну, в первую очередь к продаже *ADNOC* за 10 млрд долл. 49%-й доли в своих трубопроводах природного газа группе из 6-ти инвесторов, включая *Global Infrastructure Partners* (США), *Brookfield Asset Management* (Канада) и суверенный фонд Сингапура. ОАЭ также получили инвестиции в другие отрасли: например, около 53% ПИИ в Эмират Дубай в 1-й половине 2020 г. пришлось на средние- и высокотехнологичные секторы; и ключевая сделка была реализована в фармацевтической промышленности, когда *CCL Pharmaceuticals* (Пакистан) приобрела контрольный пакет акций *StratHealth Pharma* за нераскрытую сумму. ОАЭ продолжили либерализацию своего режима ПИИ с принятием Декрета о ПИИ 2020 г., который еще больше способствовал иностранным инвестициям, распространив некоторые

стимулы свободной зоны за пределы этих зон, разрешая 100% иностранную собственность на оншорные компании.

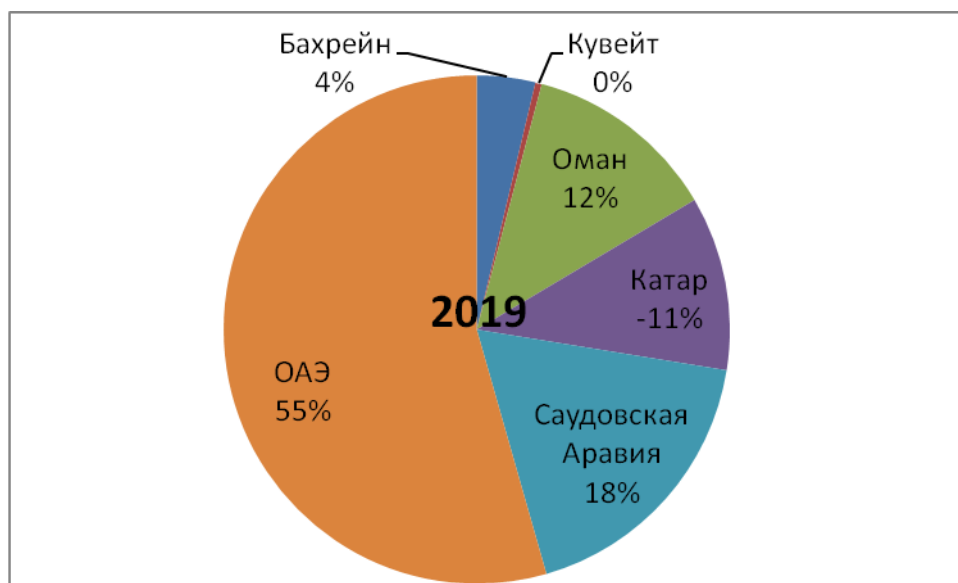

Рис. 2. Доли стран ССАГПЗ в региональном притоке ПИИ в 2019 г., %

Источник: составлено автором по данным табл. 1.

Закон Саудовской Аравии об участии частного сектора в ГЧП устанавливает четкие рамки для приватизации по мере развития ГЧП и роста глобальных инвестиций. ПИИ в Саудовскую Аравию оставались устойчивыми, и, несмотря на пандемию, увеличились на 20% — до 5,5 млрд долл. Инвестиции выросли в конце 2020 г., достигнув почти 1,9 млрд долл. в последнем квартале. Политические меры по диверсификации инвестиций, как представляется, оказались эффективными: сообщалось о ключевых инвестициях в финансовые услуги, розничную торговлю, электронную торговлю и ИКТ. Например, Международный банк Персидского залива (Бахрейн) начал свои новые коммерческие банковские операции в Саудовской Аравии с инвестициями почти в 450 млн долл. Еще одной крупной инвестицией стало приобретение компанией *Western Union* (США) миноритарной доли в *Saudi Digital Payments Company*, дочерней компании *Saudi Telecom*, за 200 млн долл.

По количеству новых лицензий на иностранные инвестиции, выданных в 2020 г., Египет и Индия были наиболее активными в Саудовской Аравии, за ними следует Англия. ПИИ в Бахрейн, напротив, сократились на 1/3 до 1 млрд долларов. Правительство объявило о планах продолжить осуществление широкомасштабных реформ для привлечения иностранных инвестиций и увязки их с национальными планами развития и диверсификации экономики. Иностранные инвестиции в Бахрене в 2020 г. были в основном направлены в обрабатывающую промышленность страны, образование, здравоохранение и отрасли информационных технологий. Это подтверждает, что ПИИ в странах Залива ищут источники вложения не только в традиционных сферах, но и в информационных, а также в СЭЗ, и зачастую уже дают положительные результаты (Shkvarya et al., 2019).

Между тем, приток ПИИ в Катар был зарегистрирован как отрицательный 2-й год подряд (–2,4 млрд долларов США), что, как предполагается, отражает вывод средств,

вызванный недавно завершившимся экономическим бойкотом со стороны ряда региональных государств.

Ожидается, что в 2021 г. приток ПИИ в ССАГПЗ останется как минимум стабильным. Основными причинами сохранения этой тенденции могут стать следующие.

Крупные приобретения, завершенные в первой половине 2021 г., свидетельствуют о том, что деятельность по слияниям и поглощениям, скорее всего, останется стабильной. Например, в апреле 2021 г. *EIG Global Energy Partners* (США) приобрела 49%-ю долю в нефтепроводах *Aramco* (Саудовская Аравия) за 12,4 млрд долл. Далее, Саудовская Аравия запустила программу ОЭЗ, которая фокусируется на нетрадиционных отраслях, таких как облачные вычисления, туризм, возобновляемые источники энергии и логистика. В конце 2020 г. *Alphabet* (США) объявила о планах запустить «облачный регион» для предоставления облачных услуг *Google* через совместное предприятие с *Saudi Aramco*. Аналогичным образом, ОАЭ продолжают либерализацию своего режима иностранных инвестиций и расширяют доступ иностранных инвесторов к национальной экономике. Этот шаг в сочетании с продолжающимися приобретениями в нефтегазовом секторе и реализацией крупных объявленных проектов в инновационных отраслях, вероятно, обеспечит продолжение притока ПИИ.

Ожидается, что нормализация отношений между Катаром и другими членами ССАГПЗ также будет способствовать привлечению ПИИ в Западную Азию (Шкваря, 2020). В дополнение к улучшению инвестиционных перспектив конкретно для Катара, это также, вероятно, приведет к увеличению внутрирегиональных потоков. Наконец, ожидается, что рост цен на сырьевые товары в 2021 г. будет стимулировать спрос, содействуя восстановлению ПИИ, направленных на поиск природных ресурсов. По прогнозам, цены на нефть вырастут более чем на 20% в 2021 г., что в значительной степени будет стимулировать потоки ПИИ в страны-экспортеры нефти.

Отток ПИИ

Вывоз прямых иностранных инвестиций (ПИИ) существенно влияет на экономику как стран-доноров, так и реципиентов инвестиций. За последние несколько лет темпы оттока прямых иностранных инвестиций в ССАГПЗ значительно возросли. В последние годы наблюдается резкое снижение цен на нефть из-за более высокого предложения по сравнению со спросом. Поэтому страны ССАГПЗ попытались оправиться от последствий этого экономического спада путем поиска новых источников прибыли — внерегиональных.

Прежде всего, стоит отметить, что объем ПИИ из стран ССАГПЗ сократился в 2019 г. относительно предыдущего года практически на 1/3 (см. табл. 1). Отток ПИИ из стран ССАГПЗ также был дифференцированным по странам (рис. 3), но и более волатильным, хотя и сократился в регионе в целом (рис. 3).

В 2020 г. отток средств из Саудовской Аравии значительно замедлился (на –64%, до 4,9 млрд долл.), что привело к общему сокращению объемов ПИИ в стране. Это стало результатом того, что Саудовский государственный инвестиционный фонд переориентировался на внутренние инвестиции, чтобы уравновесить негативные экономические последствия пандемии, а также замедлением общего притока внерегиональных ПИИ. Инвестировав всего 15 млрд долл. внутри страны в 2019 г., Фонд объявил о планах увеличивать эту сумму до 40 млрд долл. ежегодно с 2020 по 2025 гг.

ПИИ из Кувейта значительно возросли и составили 2,4 млрд долл. в 2020 г., несмотря на пандемию. В основном это было связано с новой стратегией Фонда национального благосостояния, заключающейся в сосредоточении внимания на инвестиционных и инфраструктурных проектах за рубежом.

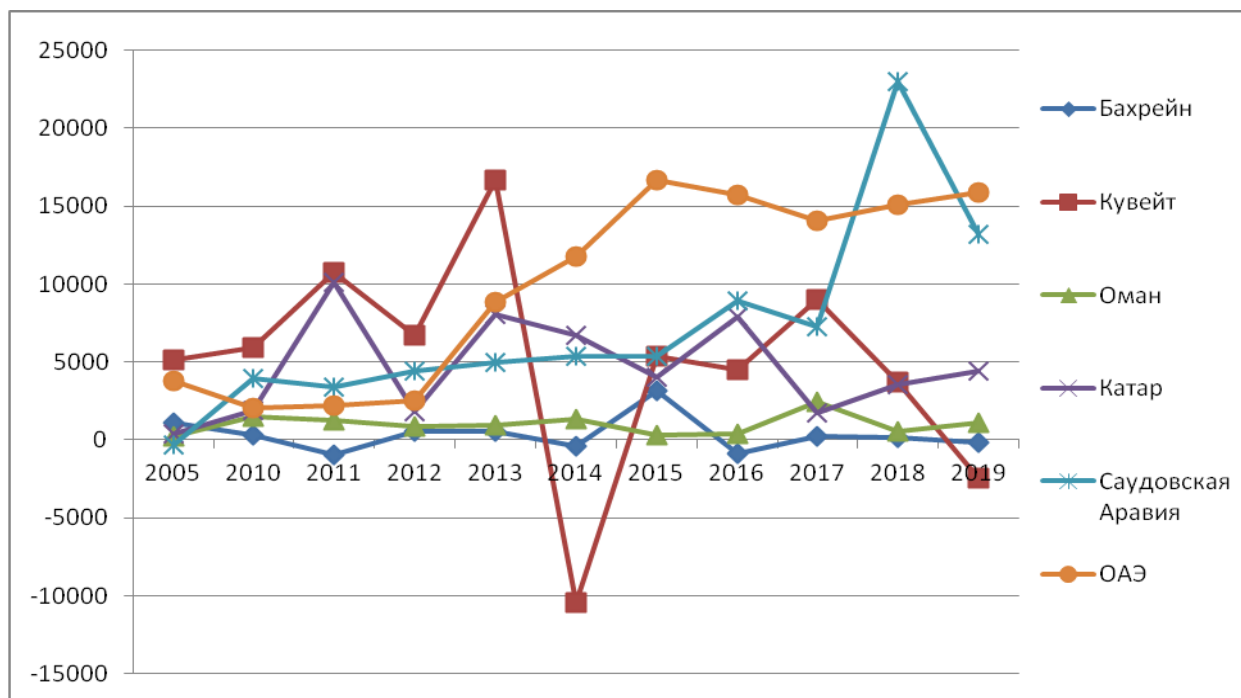

Рис. 3. Отток ПИИ из стран ССАГПЗ в 2005–2019 гг., млн долларов.

Источник: составлено автором по данным табл. 1.

Крупнейшим инвестором Залива в 2019 г. оказались ОАЭ, на долю которых пришлось 43% вывезенных ПИИ, а 2-е место заняла Саудовская Аравия с показателем в 35%.

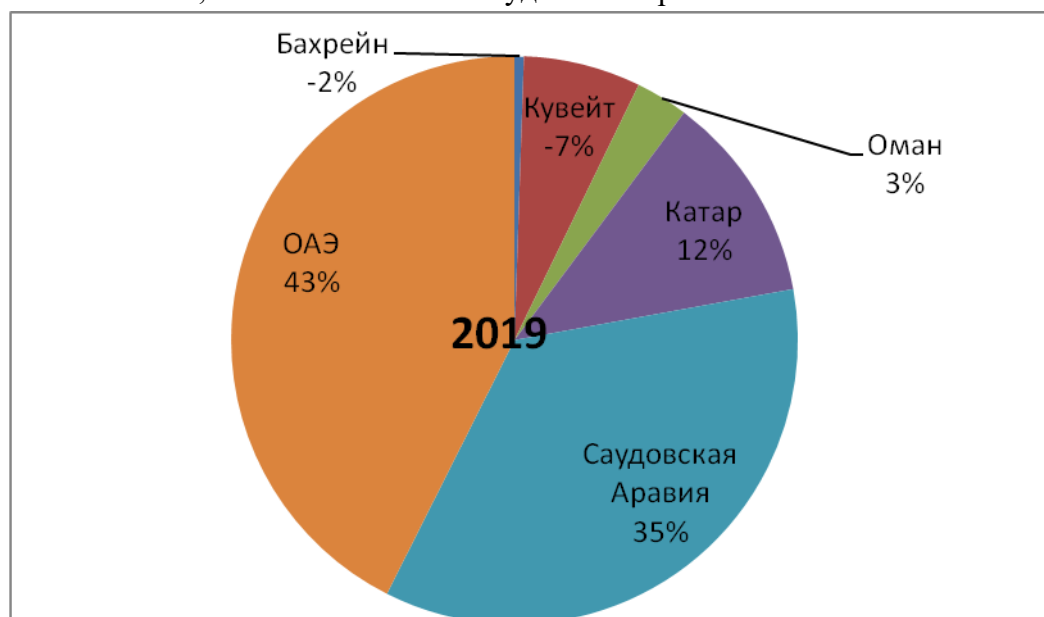

Рис. 4. Доли стран ССАГПЗ в региональном оттоке ПИИ в 2019 г., %.

Источник: составлено автором по данным табл. 1.

Увеличили экспорт ПИИ Оман и Кувейт, причем значительно, а Катар сократил их.

Как и другие страны, государства ССАГПЗ ищут новые рынки и сектора для своих инвестиций. Согласно Shah et al. (2020), исходящие иностранные инвестиции стран ССАГПЗ действительно могут стать началом успешного перехода от углеводородов к диверсифицированной экономике. В последнее время страны ССАГПЗ широко инвестировали за рубежом в стратегические секторы, такие как вычислительная техника, гостиничные сети и финансовые фирмы, а также в транспорт и связь и т. д. Более того, одним из основных мотивов этих усилий является поощрение инвестиций внутри страны.

Можно выделить 4 причины для стран ССАГПЗ, стремящихся инвестировать за рубежом, такие как стремление к эффективности, поиск ресурсов, поиск рынков и поиск стратегических активов. Важное значение имеет стратегический мотив ПИИ, связанный с поиском активов. Предполагается, что ПИИ в целях стратегического поиска активов улучшат внутренние инвестиции в странах-реципиентах и принимающих странах за счет внедрения новых знаний и технологий в секторах с высокой отдачей. В ряде исследований подчеркивались эти причины. Уже имеются убедительные доказательства положительного побочного воздействия вывоза ПИИ для развития высокотехнологичных сфер и в ССАГПЗ (Shkvarya et al., 2019).

ССАГПЗ и РФ: инвестиционные процессы

В связи с изменением геополитической обстановки в мире, возрастанием роли России в мировой политике, укреплением ее позиций и на Ближнем Востоке, в частности, интерес арабских стран к разностороннему сотрудничеству с Россией также заметно усиливается. В финансовой сфере, как мы видим, это выражается, прежде всего, в стремлении суверенных фондов стран Персидского залива вкладывать средства в российскую экономику. Давление со стороны США и стран Западной Европы на монархии ССАГПЗ также стимулирует их искать поддержки у новых партнеров, в связи с чем Россия представляется приоритетным вектором сближения во всех сферах, включая, прежде всего, торгово-экономическое, инвестиционное и военно-техническое сотрудничество, а также высокотехнологичную сферу.

Налаживание официальных контактов со странами арабского региона как на федеральном, так и региональном уровне, безусловно, будет усиливать экономическое взаимодействие. Как показывает мировая практика, наращивание торгово-экономического взаимодействия ведет за собой финансовые потоки. Потенциал ССАГПЗ в условиях ограничения доступа к европейским и американским рынкам долгосрочного капитала для российских структур, не смотря на снижение объема инвестиций из региона, остается на высоком уровне.

Российская Федерация оставалась крупнейшим получателем ПИИ в регионе, на долю которых приходится более 40% притока ПИИ. Однако приток сократился на 70% — до 10 млрд долл. США как в результате пандемии, так и из-за очень низких цен на сырье, последнее усугубилось конфликтом между Российской Федерацией и Саудовской Аравией по поводу цен на нефть в марте и апреле 2020 г. С тех пор цены восстановились, поскольку страны-производители согласились разрешить разногласия и приостановить производство, но все еще остаются намного ниже своего докризисного уровня. Серьезные блокировки также сказались на производстве весной. ВВП страны в 2020 г. сократился на 3,1% (World

Investment Report 2021). В то же время сохраняющееся санкционное давление на российскую экономику сокращает интерес внешнеэкономических партнеров к инвестированию в российскую экономику (Айдрус, 2021. С. 97–107).

По-прежнему для всех, в том числе и арабских инвесторов, наибольший интерес вызывают стратегические для России отрасли, которые требуют разрешения правительственной комиссии. Доступ в эти отрасли очень зарегулирован, к тому же в основном правительственная комиссия выдает разрешения оффшорным компаниям российского происхождения. В результате интерес к данным отраслям у арабских инвесторов снижается. Хотя в 2009 г. *Dubai Ports World* получила разрешение правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Россию на покупку 25% ОАО «Восточной стивидорной компании» — крупнейшего контейнерного терминала на Дальнем Востоке. Данная сделка считается одной из самых значимых, заключенных в 2009 г. Сейчас портовый оператор подтвердил свое участие в развитии свободного порта Владивосток. Компанию привлекают инвестиционные возможности также в Новороссийске и Санкт-Петербурге (Айдрус, 2016).

Привлекательными для арабского капитала остаются инвестиции в традиционную нефтегазовую отрасль. Если вложения в добычу являются высокочрезвычайными и высокорисковыми, то участие в сервисном или смежном производстве представляется весьма выгодным, так как Россия до сих пор обладает технологическими преимуществами и собственными разработками в данных отраслях. Так, инвестирование в производство по изготовлению материалов для нефте- и газопроводов, наливного оборудования, иного высокотехнологичного оборудования, энергосберегающих технологий, ультразвуковых систем учета топлива и др. несут за собой не только приращение капитала, но и другие выгоды для стран-доноров — поставки на свои рынки высокотехнологичной продукции и трансфер технологий в случае выноса сборочного производства в страны региона.

Вхождение в инновационный бизнес в любой из отраслей (биотехнологий, информационных технологий, космической, атомной и др.) остается актуальным для арабских инвесторов. Это один из наиболее эффективных форм обмена технологиями и ноу-хау. К тому же в России немало компаний, производящих конкурентоспособную продукцию, нуждающихся в финансировании новых разработок, сертификации и финансовой поддержки в процессе вывода продукции на мировой рынок. Создание совместных предприятий в данном случае служит более предпочтительной формой, нежели полная покупка предприятия. Ключевым звеном инновационной компании остается персонал, поэтому партнерство существенно снижает риск перехода сотрудников к конкурентам или их уход во вновь созданные компании (Соловьёва, 2019).

Можно ожидать появление более серьезного интереса со стороны арабских инвесторов к этой сфере. Несмотря на то, что Ближний Восток является 3-м по величине источником международных инвестиций в коммерческую недвижимость, объем которых в 2014 г. составил 14 млрд долл., на российском рынке наблюдаются пока точечные сделки. Так, Катарский инвестиционный фонд приобрел комплекс таунхаусов «Покровские холмы» (РАДС, 2015). В 2015 г. подобных сделок не наблюдалось. Высокий инвестиционный и геополитический риск можно назвать одними из причин подобного явления.

Что касается географии иностранных вложений, то бесспорным лидером в 2018 г. по инвестиционной привлекательности стала Москва. На 2-м месте оказалась Республика

Татарстан, а на 3-м — Тульская область. В пятерку лидеров вошли Санкт-Петербург, Московская область и Краснодарский край (АСИ, 2020).

По объему привлеченных ПИИ (прямых иностранных инвестиций) доминирует со значительным отрывом Центральный федеральный округ. В 2017–2020 г. он привлекал порядка 65–70% от совокупных вложений в Российскую Федерацию. Интерес иностранных инвесторов возрастает к Северо-Западному, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, федеральным округам. Дальний Восток и регионы, богатые природными ресурсами, вызывают у инвесторов интерес. Наделенные колоссальными ресурсными активами, эти регионы, несомненно, интересны не только для азиатских инвесторов, которые там уже присутствуют, но и арабских.

Весьма удачными примерами привлечения иностранного капитала стали Липецкая область (благодаря профессиональным коммуникациям руководства), Ростовская область, в которой работает одна из самых профессиональных команд (Ростовское агентство инвестиций и развития).

Арабским инвесторам следует ориентироваться, прежде всего, на те области и регионы, в которых руководство характеризуется профессиональными коммуникациями и высококвалифицированной командой, а также учитывать опыт осуществления инвестиционных проектов с участием иностранных инвесторов. Необходимо учитывать и коррупционную составляющую. Так, к регионам с низким уровнем коррупции и, соответственно, наиболее привлекательным, относятся в России Калужская область, где расположены многие зарубежные предприятия, а также Владимирская, Новосибирская, Белгородская области и Республика Татарстан. В «черном» списке находится Москва, Московская, Омская, Волгоградская области и Алтайский край.

Если говорить о масштабе инвестиций, то для развития российской экономики более серьезными темпами требуется несколько сот миллиардов долларов ежегодно. Поэтому приход арабских инвесторов на российский рынок представляется весьма желательным и своевременным, особенно в условиях продолжающихся западных антироссийских санкций. В свою очередь, арабские инвесторы получают возможность диверсифицировать свои вложения, выйти на новый масштабный рынок, получить в России доступ к технологиям, квалифицированным кадрам и природным ресурсам.

Итак, важным фактором проявления интереса к российскому бизнесу остается решение диверсификации внешних связей для большинства арабских стран. Страны Залива традиционно ориентировались в своих внешних контактах на США и страны Европы. Сегодня на самом верхнем уровне аравийских монархий принято решение усиления сотрудничества с Россией и Китаем с целью снижения зависимости от традиционных экономических и политических партнеров. Увеличение числа контактов на официальном уровне между арабскими странами и Россией, рост объема товарооборота, заключение новых военных контрактов, соглашений об осуществлении совместных проектов — таковы основные тренды развития российско-арабских экономических отношений на данном этапе. В условиях международных экономических санкций актуальность финансового взаимодействия России и стран ССАГПЗ, как представляется, будет возрастать.

Заключение

Можно ожидать, что ПИИ из/в ССАГПЗ в перспективе будут ориентироваться не только на традиционных партнеров и сферы вложения в отраслевом аспекте, но и в новые рынки, особенно развивающиеся. Одним из действительно привлекательных для стран ССАГПЗ рынков может стать Российская Федерация.

Существует целый ряд факторов, которые, по-видимому, сдерживают потенциал российско-арабского торгово-экономического сотрудничества, и ключевыми из них можно назвать следующие:

- Объем производства в России сократился, а ассортимент экспортных товаров со времен СССР сократился;
- Арабские страны, как правило, интегрируются в различные региональные ассоциации, тем самым удерживая новых участников на рынках;
- Российские конкуренты опираются на арабское лобби, которое также стремится продвигать интересы западного бизнеса;
- Нестабильность в некоторых странах Ближнего Востока и Северной Африки;
- Политические отношения с некоторыми арабскими странами ухудшились в результате разногласий по Сирии.

Среди других проблем, препятствующих дальнейшему развитию российско-арабской торговли и инвестиционного сотрудничества можно назвать такие как слабая транспортная инфраструктура, потенциально привлекательные для российских потребителей товары, сложности визового режима России. К тому же в России становится все меньше специалистов, понимающих особенности региона ССАГПЗ.

Список литературы

1. Айдрус И. А. З. (2021) Инвестиционное сотрудничество России и ССАГПЗ в условиях международных экономических санкций / В сборнике: Азия: в поисках источников развития. Москва. С. 97–107. [Aidrous I. A. Z. (2021) Investment cooperation between Russia and the GCC in the context of international economic sanctions / In the collection: Asia: in search of sources of development. Moscow. P. 97–107. (In Russian).]
2. Айдрус И. А. З. (2016) Инвестиционное сотрудничество России и ССАГПЗ: тенденции последних лет // Инновационная экономика. № 3 (8). С. 5. [Aidrus I. A. Z. (2016) Investment cooperation between Russia and the GCC: trends of recent years // Innovative economy. No. 3 (8). P. 5. (In Russian).]
3. АСИ (2020) Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. [National rating of the state of the investment climate in the subjects of the Russian Federation. 2020 // ASI. (In Russian).] URL: https://asi.ru/government_officials/rating/
4. РАДС (2015) Ближний Восток пока не интересуется российской недвижимостью // [The Middle East is not yet interested in Russian real estate // RADS. 2015. (In Russian).] URL: http://www.russarabbc.ru/rusarab/?ELEMENT_ID=35587
5. Русакович В. И. (2011) Инвестиционное сотрудничество Российской Федерации со странами Персидского залива / диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Российский университет дружбы народов. Москва. [Rusakovich V. I. (2011) Investment cooperation of the Russian Federation with the countries of the Persian Gulf /

dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences / Peoples' Friendship University of Russia. Moscow. (In Russian).]

6. Русакович В. И. (2020) Страны ССАГПЗ: инвестиционная составляющая технологического развития // Азия и Африка сегодня. № 5. С. 34–40. [Rusakovich V. I. (2020) GCC countries: investment component of technological development // Asia and Africa today. No. 5. P. 34–40. (In Russian).]

7. Сенькович В. (2013) Потенциальное значение арабского мира для Российской экономики // РСМД. [The Arab World's Potential Importance to Russia's Economy // RIAC. (In Russian).] URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/the-arab-world-s-potential-importance-to-russia-s-economy/>

8. Соловьёва Ю. В. (2019) Инновационные системы стран Персидского залива: формирование и перспективы развития // Азия и Африка сегодня. № 11. С. 36–42. [Solovyova Yu. V. (2019) Innovative systems of the Persian Gulf countries: formation and prospects of development // Asia and Africa today. No. 11. P. 36–42. (In Russian).]

9. Шкваря Л. В. (2020) Интеграция и дипломатический кризис: современные реалии ССАГПЗ // Вестник МГИМО Университета. Т. 13. № 2. С. 163–182. [Shkvarya L. V. (2020) Integration and the diplomatic crisis: modern realities of the GCC // Vestnik MGIMO Universiteta. Vol. 13. No. 2. P. 163–182. (In Russian).] DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-163-182

10. Al-Matari E. M., Mgamal M. H., Senan N., Alhebri A. A. (2021) Determinants of foreign direct investment in GCC countries: an empirical analysis // Journal of Asian Finance Economics and Business. Vol. 8. Iss. 4. P. 69–81. DOI:10.13106/jafeb.2021.vol8.no4.0069

11. Khayat S. (2017) Oil and the location determinants of foreign direct investment inflows to MENA countries // Journal of International Business Research. Vol. 16. Is. 1. P. 1–31. URL: https://www.researchgate.net/publication/319153840_OIL_AND_THE_LOCATION_DETERMINANTS_OF_FOREIGN_DIRECT_INVESTMENT_INFLOWS_TO_MENA_COUNTRIES

12. Shah S. H., Ameer W., Delpachitra S. (2020) OFDI Impact on Private Investment in the Gulf Economies // Sustainability. Vol. 12. 4492; DOI:10.3390/su12114492

13. Shkvarya L. V., Aidrous I. A. Z., Ruzina E. I., Savinsky A. V., Rodin S. I. (2019) Development of high-tech segment in the GCC region on the example of the aviation component of the kingdom of Bahrain / IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, Ser. "Workshop on Materials and Engineering in Aeronautics". C. 012025.

14. World Investment Report (2021): Investing in sustainable recovery. URL: <https://worldinvestmentreport.unctad.org/world-investment-report-2021/>

15. UNCTAD URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>

GCC countries in global FDI flows and investments in Russia

Aidrous Irina Ahmed Zein

*PhD of Economic Sciences, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia.
Moscow, Russia*

The article shows the processes of foreign direct investment in the countries of the Cooperation Council for the Arab States of the Persian Gulf (GCC). These countries have traditionally occupied key positions as global investors, including for Russia and some other CIS and EAEU states. However, the situation has changed in 2019–2020. The inflow and outflow of FDI to/from the GCC countries increased in such a way that their share in world indicators decreased significantly. What consequences will this have for the countries of the region and other States that have traditionally been donors and / or recipients of capital for this group of States? The analysis is based on UNCTAD data.

Keywords: *GCC, FDI, capital flows, distribution of foreign capital, Arab capital.*

JEL codes: *C23, C33, E31, F3, 011.*

Современное состояние металлургической промышленности России в системе глобального рынка и влияние антироссийских санкций

*Фролов Андрей Александрович¹,
Колотушкина Дарья Дмитриевна²*

Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что в настоящее время металлургическая отрасль России переживает сложный период — как в связи с глобальными трендами, так и из-за международных антироссийских экономических санкций. Тем не менее, Российская Федерация остается одной из ведущих в мире стран по добыче и производству продукции в сфере черной и цветной металлургии. По итогам 2018 г. Россия заняла 6-е место в рейтинге по производству стали в мире.

В данной работе рассматривается влияние антироссийских экономических санкций на деятельность отечественных компаний металлургического сектора. Поскольку ряд принятых санкций касался некоторых компаний и лиц, связанных с металлургической промышленностью, предполагается, что введение санкций снизило выручку предприятий, а также сильно сократило объемы экспорта компаний металлургической промышленности.

Ключевые слова: Россия, металлургия, антироссийские санкции, мировой рынок металлургии.

JEL коды: L61; L52; F13; O14; O19; O24; Q40; Q50.

Введение

На современном рынке металлургии четко выделяются 2 отдельных сегмента: рынок черной металлургии, а именно производство и добыча железа и стали, а также рынок цветной металлургии: производство и добыча меди, никеля и алюминия. Тем не менее, список наиболее активных стран-участников данных рынков довольно схож. В настоящее время активными производителями черных и цветных металлов остаются развивающиеся страны, а именно Китай, Россия, Чили, Бразилия и др. Из развитых стран на данных рынках наиболее часто встречаются американские компании, а также предприятия из государств, входящих в Европейский союз. Тем не менее, в данной статье будут отдельно рассмотрены рынки черной металлургии и цветной металлургии.

¹ Фролов Андрей Александрович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра Международной экономики и менеджмента, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия.

² Колотушкина Дарья Дмитриевна — мастер (магистр) экономики, кафедра Международной экономики и менеджмента, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия.

Общая характеристика мирового рынка металлургии в 2010–2018 гг.

Мировой рынок черной металлургии довольно активно развивается в настоящее время. Согласно отчету *World Steel Association*, деятельность на рынке черной металлургии стабилизировалась в 2016 г., и к 2017 г. производство стали в мире увеличилось на 5,3% (1691 млн т.), а потребление — на 3,6% (1657 млн т.). Увеличение объема производства было частично обусловлено тем, что Китай значительно повысил объемы производства до уровня, превышающего ожидаемый. Основное превышение объемов производства пришлось на ноябрь–декабрь 2017 г.

Рис. 1. Производство стали в мире в 2010–2017 гг., млн тонн и %.

Источник: составлено по данным World Steel Association.

Современная торговая политика США, тем не менее, усложняет ситуацию на рынке, в том числе, и прогнозы на будущую активность. В апреле 2017 г. США ввели дополнительные пошлины на сталь, в связи с чем в апреле уровень цен на внутреннем рынке США вырос более чем на 25% по сравнению с ценами, установившимися на мировом рынке.

Российская промышленность в целом показала положительную динамику по итогам 2017 г. в сравнении с 2016 г. Производство изделий из проволоки и бесшовных обсадных труб показали наибольший рост — 31,7% и 19,8% соответственно.

Согласно данным Международной ассоциации производителей стали, с 2010 г. в целом выпуск стали в мире увеличился. Однако темпы роста на данном рынке снизились. Если в 2011 г. темп роста по сравнению с 2010 г. составил 7,3%, то в 2017 г. темп роста выпуска стали составил лишь 5,3%, при этом с 2014 г. по 2016 г. наблюдался спад в мировом производстве стали, что совпадает с периодом обострения международных политических отношений между странами (рис. 1).

Основными производителями стали, согласно статистике Международной ассоциации производителей стали, остаются Китай, Индия, Япония, США и Россия. В табл. 1 представлено производство стали в 10 ведущих странах — производителях стали в мире.

Нибольший прирост производства за данный период наблюдается у Китая и Индии. В 2015–2016 гг. Китай произвел порядка 50% мирового объема стали. Производство стали в Китае в августе 2017 г. оставалось относительно высоким. Однако с ростом производства стали на 5,7% в 2017 г. эксперты Международной ассоциации отметили рост спроса на данном рынке, поскольку правительство Китая принимало меры по сокращению производства стали для борьбы с загрязнением воздуха. В то же время действия правительства по сокращению производственных мощностей на 50% в 28 городах в период с 15 ноября 2017 г. до 15 марта 2018 г. не оказало значительного влияния на улучшение окружающей среды, поскольку другие регионы Китая увеличили объемы производства.

Таблица 1.

Производство стали в 10 ведущих странах–производителях в 2010–2016 гг.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Прирост % (с 2010г.)
Китай	626,7	683,3	724,7	779	822,7	803,8	808,4	29,0
Япония	109,6	107,6	107,2	110,6	110,7	105,2	104,8	–4,4
Индия	68,3	72,2	77,3	81,2	87,3	89,6	95,6	40,0
США	80,6	86,2	88,6	87	88,2	78,9	78,6	–2,5
Россия	66,9	68,7	70,6	69,4	71,5	71,1	70,8	5,8
Южная Корея	58,5	68,5	69,3	66	71,5	69,7	68,6	17,3
Германия	43,8	44,3	42,7	42,6	42,9	42,7	42,1	–3,9
Турция	29	34,1	35,9	34,7	34	31,5	33,2	14,5
Бразилия	32,8	35,2	34,7	34,2	33,9	33,3	30,2	–,9
Украина	33,6	35,3	32,9	32,8	27,2	22,9	24,2	–28,0

Источник: составлено по данным World Steel Association.

В 2017 г. производство стали в других странах Азии, кроме Китая, увеличилось на 5,5% благодаря новым мощностям, появившимся во Вьетнаме и Индии. Южная Корея и Тайвань также внесли свой вклад в увеличение производства стали — на 3,6% и 6,8% соответственно. Рост в этом регионе частично объясняется тем, что Китай значительно сократил экспорт в Азию в 2017 г., в результате чего местные производители вернули себе долю рынка. Кроме того, общий объем производства в регионе еще больше сократился, поскольку Япония снизила свое производство на 0,1%.

Европейский союз, в свою очередь принимает меры, направленные на защиту сталелитейной промышленности от демпинговой политики (необоснованное снижение цен), высоких затрат и дешевого импорта. В марте 2018 г. Евросоюз утвердил окончательные импортные тарифы в размере 17,2–28,5% на китайские оцинкованные стальные изделия, которые в 2016 г. составили 50% на международном рынке. В октябре 2017 г. Европейская комиссия согласилась установить антидемпинговые сборы в размере 60–90 евро за тонну на некоторых поставщиков горячекатаной продукции из Ирана, России, Украины и Бразилии, в то время как некоторые компании, такие как «Северсталь», продолжают применять более гибкие индивидуальные тарифы, с помощью которых они смогут вернуться на рынок ЕС.

Индийская сталелитейная промышленность выросла на 6,2% в 2017 г. по сравнению с 2016 г. на фоне увеличения мощностей и сокращения запасов. Индийские производители стали также получили выгоду от минимальных импортных цен (англ. *MIP*), введенных в 2016 г. Так как данная политика затрагивала почти полный спектр стальной продукции, индийские производители работали над тем, чтобы исключить практически весь импорт с индийского рынка, в связи с чем сталелитейная Индия значительно повысила собственный уровень производства, а также предполагается, что промышленность Индии будет иметь положительные темпы роста на протяжении нескольких лет.

Касательно производства стали в Северной Америке, стоит отметить, что в 2017 г. американское производство нерафинированной стали получило дополнительный толчок от «*Big River Steel*», которая начала производство в декабре 2016 г. В США общий объем производства в 1-м полугодии 2017 г. был на 1,3% выше, чем за тот же период в 2016 г., увеличившись до 4% во 2-м полугодии 2017 г. Производство стали в Мексике выросло еще более быстрыми темпами — на 6,3%, благодаря росту новых мощностей. В марте 2018 г. правительство США объявило о введении 25%-го тарифа на импорт стали и 10%-го тарифа на импорт алюминия, в связи с чем существует вероятность того, что американские производители будут увеличивать собственную производительность, чтобы удовлетворить потребности национального рынка.

Стоит отметить, что, несмотря на высокие объемы производства стали, Китай также остается лидером по потреблению стали в мире. Как видно из рис. 2, в 2017 г. потребление Китая составило 42% от мирового объема потребления стали. 23% потребляет вся остальная Азия.

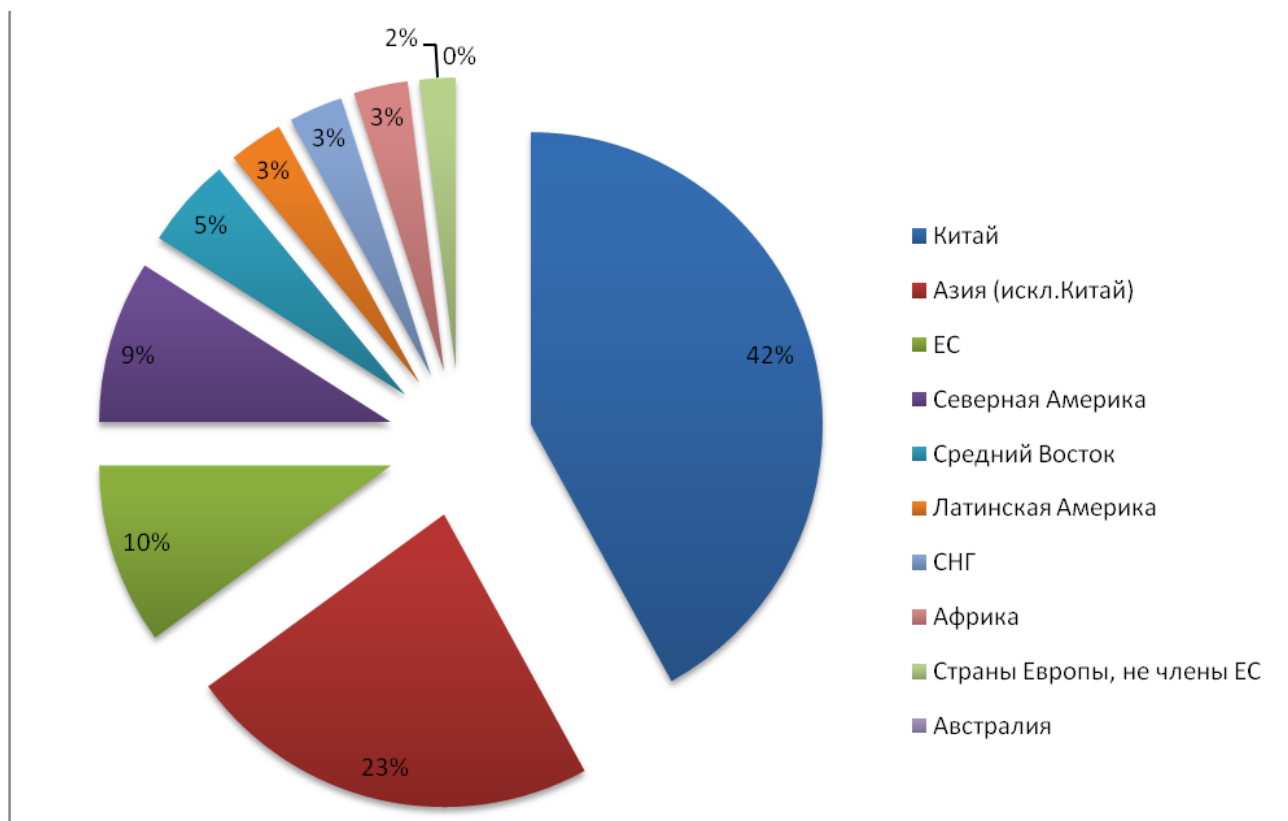

Рис. 2. Потребление стали по странам мира в 2017 г.

Источник: составлено по данным: *World Steel in Figures, 2018*. World Steel Association.

В 1-й половине 2018 г. спрос на сталь в Китае получил стимул в сфере недвижимости и сильной мировой экономики. Однако продолжающиеся усилия по восстановлению равновесия экономики и ужесточение природоохранного законодательства привели к снижению спроса на сталь к концу 2018 г. Для Китая существуют некоторые риски, которые в том числе связаны с продолжающейся торговой войной с США и напряженной обстановкой в мировой экономике в целом. Тем не менее, правительство Китая может использовать стимулирующие меры для национальной экономики, чтобы предотвратить снижение темпов экономического роста.

Стоит отметить, что Российская Федерация, которая также остается одним из лидеров в отрасли черной металлургии и имеет довольно низкий уровень потребления стали, что говорит о том, что Россия больше экспортирует, нежели потребляет. В связи с этим стоит отметить, что угроза введения строгих санкционных мер может оказаться довольно реальной в настоящее время и негативно сказаться на темпах и качестве социально-экономического развития страны.

Мировой спрос на сталь на протяжении ряда лет сталкивается с неопределенностью из-за напряженности в глобальной экономической среде. Рост торговой напряженности и волатильные колебания валют усиливают эту неопределенность, тогда как нормализация денежно-кредитной политики в США и ЕС может положительно повлиять на валюты развивающихся стран.

Северная Америка потребляет порядка 75% собственной стали. По данным Американского института чугуна и стали (AISI), в 2016 г. на долю строительства пришлось 43% стали, а на американский автомобильный сектор — 27% внутреннего спроса на сталь.

Европейский союз, в свою очередь, имеет довольно небольшое производство стали для удовлетворения собственных нужд, а развитая автомобильная промышленность может способствовать увеличению спроса на импортную сталь (American Iron and Steel Institute).

Еще одним крупнейшим рынком в отрасли металлургической промышленности остается рынок цветных металлов. Данный рынок — один из наиболее важных сегментов, поскольку представляет собой стратегический инструмент экономического развития для многих стран мира, наделенных соответствующими природными ресурсами.

Стоит отметить, что рынок цветной металлургии включает в себя рынки 3-х основных металлов: алюминия, меди и никеля. В настоящее время медь занимает 1-е место по потреблению, а алюминий — 2-е по потреблению во всех группах металлов.

Боксит служит основным сырьем, из которого получают алюминий. Ограниченный доступ к коммерчески доступным бокситовым ресурсам и истощение руд — основные ограничения для развития мировой алюминиевой промышленности. Алюминий используется практически во всех отраслях: от энергетики, машиностроения, транспорта, товаров народного потребления до фольги и упаковки. В настоящее время основными производителями боксита остаются Австралия, Индия, Китай, Бразилия и Гвинея.

В целом, цены на цветные металлы, такие как медь и никель, быстро росли, начиная с 2003 г. В основе данной тенденции лежал промышленный бум в странах БРИКС — быстроразвивающихся рынках, на которые в совокупности приходится около 40% населения мира и 10% мирового ВВП. Предложение не поспевало за резким увеличением спроса на цветные металлы, что привело к росту цен. Экономический рост в странах БРИК оставался довольно устойчивым, в связи с чем было ожидаемо, что эти крупные развивающиеся рынки будут и впредь стимулировать рост спроса на мировые цветные металлы.

По мере развития тенденции к росту цен на цветные металлы появлялись такие явления, как ресурсный национализм, который проявлялся в разработке национальных стратегий по обеспечению ресурсами. Одновременно крупные горнодобывающие компании, базирующиеся за пределами Японии, осуществили ряд слияний и поглощений. В результате консолидация отрасли привела к тому, что минеральные ресурсы в мире контролировались все меньшим количеством игроков. Ожидается, что глобальное разворачивание огромных капиталов и растущее участие национальных государств приведут к более жесткой конкуренции за обеспечение ресурсами в будущем.

В 2009 г., после произошедшего глобального финансово-экономического кризиса 2008 г., мировая алюминиевая промышленность начала активно расти. При этом, рост наблюдался как в производстве, так и в потреблении алюминия. В период с 2009 по 2013 гг. наблюдалось перепроизводство алюминия в мире. И только начиная с 2014 г. рынок алюминия в целом стабилизировался. и было достигнуто некоторое равновесие между потреблением и производством.

На рынке цветных металлов, как и на рынке черных металлов, основной проблемой в 2015 г. было избыточное предложение, в то время как динамика спроса была вялой. С января 2015 г. наблюдается устойчивая тенденция к снижению мировых цен на цветные металлы, что связано с замедлением развития мировой экономики, прежде всего Китая, а также укреплением доллара и снижением цен на нефть.

Согласно данным Мирового банка, индекс цен на металлы увеличился на 1,7% в 1-м квартале 2019 г. Это была реакция на снижение цен в 4-м квартале 2018 г., которое последовало за еще более резким снижением в предыдущем квартале. Повышение цен отражало озабоченность по поводу предложения, а также прогресс в торговых переговорах между США и КНР. Ожидается, что цены на металлы продолжат восстанавливаться. Риски в целом сбалансированы. Нисходящие риски включают более слабый, чем ожидалось, рост спроса со стороны фискальной системы Китая (Commodity Markets Outlook, 2019). Стоит также отметить, что большинство цен на базовый металл сталкиваются с растущими рисками, которые могут быть вызваны более жесткой экологической политикой.

Цены на медь выросли на 1% в 1-м квартале 2019 г. после крутого падения во 2-й половине 2018 г. (рис. 3).

С начала 2019 г. цены поддерживались улучшением перспектив экономического роста и высоким спросом на импорт меди в Китае, который один составляет 1/2 мирового потребления меди. Запрет на импорт лома, введенный в 2017 г., способствовал увеличению китайского импорта меди (Колотушкина, 2019).

Налог на добавленную стоимость Китая в апреле 2019 г. на производство, транспорт и строительство также может привести к увеличению инвестиций в медноемкие инфраструктурные проекты, особенно в области электричества и железных дорог, а также в сфере жилья. С начала 2019 г. цены на медь также поддерживались сильными наводнениями в Чили, сокращением производства в Демократической Республике Конго и протестами в Перу.

Цены на никель выросли на 8,3% в 1-м квартале 2019 г. после резкого снижения в последнем квартале 2018 г.

Рис. 3. Динамика стоимости меди за период с 01.2005 по 01.2019 гг. , долл за 1 тыс. метрических тонн.

Источник: составлено по: Цветные металлы и минералы, 2019.

Повышение цен с начала 2019 г. произошло в значительной степени из-за опасений по поводу перспектив и операций крупнейшего в мире производителя никеля «Vale» (13% от мировой поставки никеля) после аварии на хранилищах в Бразилии. Динамика цен на никель представлена на рис. 4.

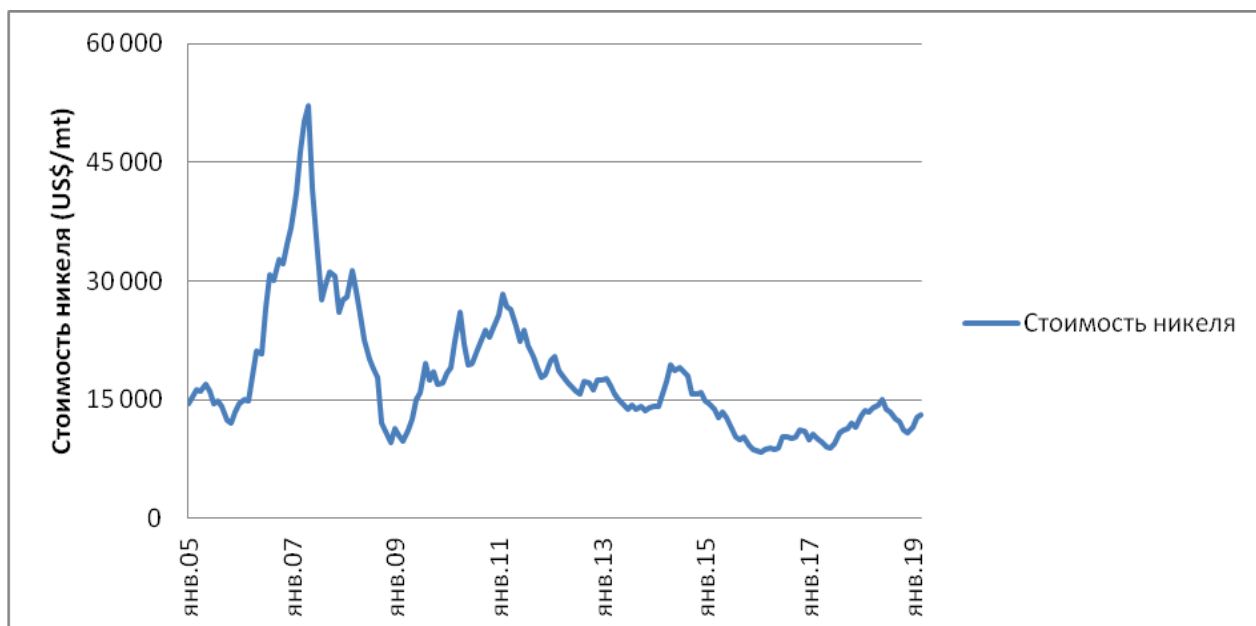

Рис. 4. Динамика стоимости никеля за период с 01.2005 по 01.2019 гг. , долл за 1 тыс. метрических тонн.

Источник: составлено по: Nickel producers.

На фоне более низких запасов никеля цены продолжили повышаться в течение оставшейся части 2019 г., но, в среднем, остались на 1,8% ниже, чем в 2018 г. Ожидается, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе мировой спрос на никель будет высоким, поскольку производство электромобилей возрастает, а состав аккумуляторных батарей модифицируется, что позволит использовать больше никеля. Риски для цен на никель также повышаются, особенно если новые крупномасштабные индонезийские проекты по производству аккумуляторов будут отложены или власти возобновят запреты на экспорт.

Цены на алюминий, один из базовых металлов, упали на 5,1% в 1-м квартале 2018 г., так как проблемы с поставками уменьшились. Санкции, наложенные на российского производителя алюминия «РУСАЛ» в апреле 2018 г., были сняты в январе 2019 г. Динамика стоимости алюминия за период с 01.2005 по 01.2019 гг. представлена на рис. 5.

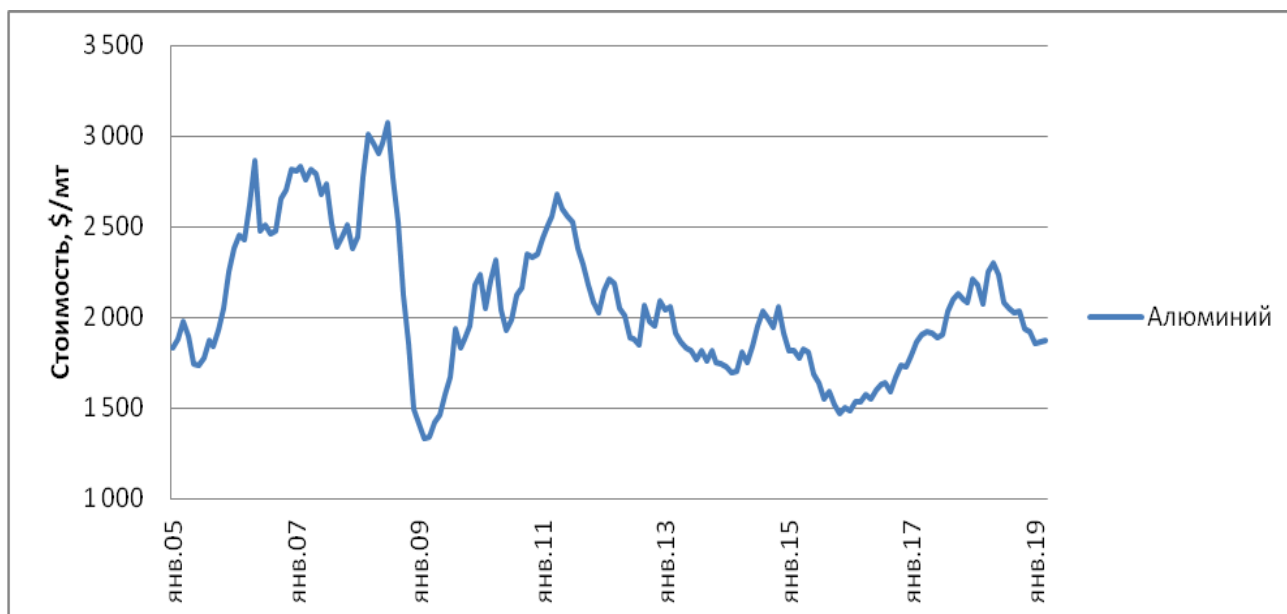

Рис. 5. Динамика стоимости алюминия за период с 01.2005 по 01.2019 гг., долл за 1 тыс. метрических тонн.

Источник: составлено по данным National Minerals Information Center

Эмбарго на крупнейшем в мире глиноземном заводе *Alunorte* в Бразилии (10% мирового объема производства глинозема, за исключением Китая), введенное из-за предполагаемых нарушений в сфере охраны окружающей среды, было отменено, хотя возобновление полного производства все еще ожидает одобрения федерального суда. Производство алюминия и мощности производства расширились в Китае, где экологические ограничения оказались менее строгими, чем ожидалось.

Согласно прогнозу Мирового Банка, цены на металлы в целом будут повышаться. Например, к 2025 г. стоимость алюминия должна составить 2082 долл./мт, на медь — 6838 долл./мт, а на никель — 15704 долл./мт. К 2030 г. цены возрастут еще сильнее. Прогнозируемая цена на алюминий составляет 2200 долл./мт, на медь — 7000 долл./мт, на никель — 18000 долл./мт (Commodity Markets, 2021).

Также стоит отметить, что на мировом рынке цветных металлов довольно высокие позиции, в первую очередь, занимает Китай. В число крупных стран-производителей

цветных металлов также входят Канада, США, Индия и др. В табл. 2 представлены основные производители цветных металлов.

Таблица 2.

Основные производители цветных металлов на мировом рынке в 2015–2018 гг., млрд долл.

Страна	2015	2016	2017	2018
Производство алюминия				
Китай	31,518	32,698	32,273	33,586
Россия	3529	3,561	3,584	3,669
Канада	2,880	3,209	3,212	2,923
ОАЭ	2,397	2,471	2,500	2,393
Индия	2,355	2,897	3,401	2,175
Производство меди				
Китай	7,969	8,436	8,889	8,949
Чили	2,688	2,613	2,430	2,461
Япония	1,483	1,553	1,488	1,595
США	1,140	1,220	1,080	1,107
Россия	876	867	949	949
Производство никеля				
Китай	600	450	425	748
Индонезия	38	117	205	277
Япония	193	196	187	187
Россия	231	189	160	149
Канада	150	158	154	146

Источник: составлено по данным Deloitte

Согласно данным табл. 2, основными производителями цветных металлов в настоящее время в мире остаются развивающиеся страны. При этом стоит отметить, что Китай занял лидирующие позиции по производству и обработке почти всех видов цветных металлов. Производство также активно наращивают Индия и Россия. Из развитых стран, данная отрасль наиболее развита в Северной Америке, а именно в США и Канаде.

Современные тенденции развития металлургической промышленности в России и влияние санкций

Российская промышленность черных и цветных металлов активно развивается в настоящее время и остается одним из основных источников дохода страны. В табл. 3 представлены все компании металлургической промышленности России. В 2017 г. объем производства на ЕВРАЗе, НЛМК, Северстали, ММК, Металлоинвесте и Мечеле составил 64,7 тонны, что составляет 90% производства стали в России. Крупнейшие российские производители металлов продемонстрировали маржу в диапазоне от 24 до 33% по сравнению

с предыдущим годом, за исключением ММК, чья рентабельность по *EBITDA* снизилась на 2%.

Таблица 3.

Предприятия металлургической промышленности России

Черная металлургия	Цветная металлургия
1. ВерхИсетский металлургический завод (ВИЗ) — завод в Екатеринбурге, один из старейших металлургических заводов Урала. В настоящее время остались только цеха холодной прокатки (ООО «ВИЗ-Сталь»). Завод является крупнейшим в России производителем высококачественной трансформаторной стали	1. Российский алюминий — крупнейший в мире производитель алюминия и глинозема
2. Амурметалл	2. Норильский никель — крупнейший в мире производитель никеля и палладия
3. Ашинский металлургический завод	3. ВСМПО-Ависма — крупнейший в мире производитель титана
4. Новокузнецкий металлургический комбинат	4. Новосибирский оловянный комбинат — единственный в СНГ производитель олова и его сплавов
5. Новолипецкий металлургический комбинат	5. Завод припоев ЗАО
6. Магнитогорский металлургический комбинат	6. Гайский ЗОЦМ Сплав (Гай)
7. Нижнетагильский металлургический комбинат	7. Уральская горно-металлургическая компания (Верхняя Пышма)
8. Челябинский металлургический комбинат	8. Завод припоев и сплавов (Рязань)
9. Западно-Сибирский металлургический комбинат	9. Каменск-Уральский завод обработки цветных металлов (Каменск-Уральский)
10. Выксунский металлургический завод	10. Каменск-Уральский металлургический завод (Каменск-Уральский)
11. Златоустовский металлургический завод	11. Кировский ЗОЦМ (Киров)
12. Северсталь	12. Кольчугинский ЗОЦМ (Кольчугино)
13. ОАО «Кузнецкие ферросплавы»	13. Красный Выборжец (Санкт-Петербург)
14. ПАО «Косогорский металлургический завод»	14. Московский ЗОЦМ
15. ПАО «Тулачермет»	15. Надвоицкий алюминиевый завод (Карелия)
	16. Новгородский металлургический завод (Великий Новгород)
	17. Новороссийский завод цветных металлов
	18. Ступинская металлургическая компания (Ступино)
	19. Электроцинк (Владикавказ)
	20. Уральская горно-металлургическая компания (Ревда)
	21. Рязцветмет (Рязань)
	22. Туимский завод цветных металлов (Хакасия)
	23. ОАО «Новокузнецкий алюминиевый завод»

Источник: разработано авторами.

ЕВРАЗ заключил новый долгосрочный контракт с РЖД на поставку железнодорожной продукции. Контракт заключен сроком на 5 лет с 19 февраля 2018 г. За этот период ЕВРАЗ поставит РЖД 3,2 млн тонн железнодорожной продукции на общую

сумму 111,7 млрд рублей. Контракт предусматривает формулу на основе цены. ЕВРАЗ будет продолжать поставлять рельсы во всех категориях, которые пользуются повышенным спросом у РЖД, включая специальные продукты, такие как рельсы для комбинированного высокоскоростного совместимого движения, рельсы для низкотемпературных применений, термически закаленные рельсы и рельсы с переключателями.

ЕВРАЗ — единственный производитель, предлагающий продукцию во всех этих категориях в России. Как предусмотрено договором, к 2020 г. ЕВРАЗ намеревался постепенно увеличивать поставки рельсов длиной от 100 м — до 360 000 тонн.

В 2017 г. поставки продукции из Северстали российским машиностроительным компаниям выросли на 7% — до 504 тыс. тонн. Это увеличение было обусловлено, прежде всего, ростом спроса на металлопродукцию в таких секторах машиностроения, как железная дорога, сельское хозяйство, транспорт и подъем / транспортировочная техника. В 2019 г. «Северсталь» достигла высочайшего качества продукции для одного из своих основных клиентов (*Caterpillar Tosno*), поскольку количество бракованных изделий сократилось до 10-летнего минимума (0,0005%).

В 2017 г. Металлоинвест увеличил отгрузку проката для строительства мостов на 24% — до 230 тыс. тонн (с 186 тыс. тонн в 2016 г.). В 2017 г. было введено в эксплуатацию несколько значительных объектов инфраструктуры. Эти объекты были построены из мостовой стали производства «Урал Сталь», входящей в «Металлоинвест», включая мост через реку Волга в Нижнем Новгороде и мост через реку Тур в Тюмени. На церемонии открытия, состоявшейся в конце 2017 г., был введен в эксплуатацию автодорожный мост возле Будово в Тверской области. Мост длиной 122,3 м был построен из 974 тонн стали, поставляемой «Урал Сталь».

Высокие и динамичные показатели производства стали в России представлены на рис. 6, где можно увидеть, что с конца 1990-х гг.

Производство стали в России, млн тонн

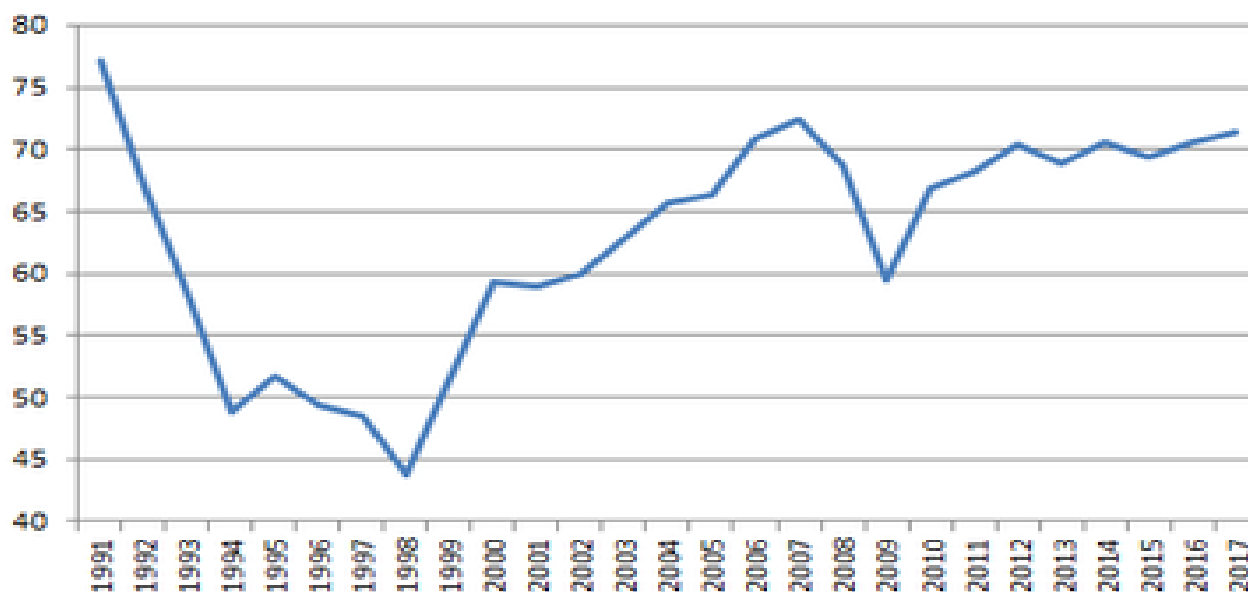

Рис. 6. Производство стали в России с 1991 по 2017 гг., млн тонн

Источник: Deloitte

Россия активно наращивала производство данной продукции. На конец 2018 г. показатели превысили 75 млн т.

В 2014 г. западные страны наложили экономические санкции на Российскую Федерацию, затронувшие многие физические лица, компании, некоторые отрасли промышленности, а также запреты на совершение финансовых операций и импорт или экспорт некоторых видов товаров (Melanina, 2016). Стоит отметить, что металлургическая промышленность не попала в санкционный список, однако политика США в настоящее время направлена на поиск решений по введению новых санкций, которые могли бы затронуть предприятия черной и цветной металлургической промышленности.

Тем не менее, рассматривая динамику выпуска компаний, в период с 2014 г. по 2016 г. наблюдался некоторый спад в производстве. Это связано с 3-мя основными причинами:

- во-первых, в санкционный список попали почти все российские банки, что усложнило проведение финансовых операций;
- во-вторых, санкционные программы США, а именно ЕО–13660, ЕО–13662 и ЕО–13665, запрещают совершать финансовые операции с активами как попавших в список лиц, являющихся гражданами России, в частности, с компаниями, находящимися на Крымском полуострове, так и гражданами США;
- в-третьих, в список персон, попавших под санкции, попал акционер РУСАЛа, О.°Дерипаска. Данные санкции предусматривают, что все связанные с ним лица, в том числе предприятия и компании, автоматически попадают под санкции Министерства финансов США, из-за чего компания временно лишилась доступа на международный финансовый рынок, а также доступа к собственным активам. Активы компании РУСАЛ расположены в 20 различных государствах мира и внесение О.°Дерипаски в список лиц, попавших под санкции, были заморожены.

Экономисты в мире отмечают тот факт, что компания РУСАЛ остается 2-м крупнейшим производителем алюминия в мире после Китая (3,9 млн т. в 2017 г.). В связи с этим из-за нарушения работы компании количество алюминия на мировом рынке резко сократилось. Это вызвало нехватку сырья и спровоцировало резкий рост цен.

На рис. 7 представлена динамика стоимости алюминия в 2016–2019 гг.

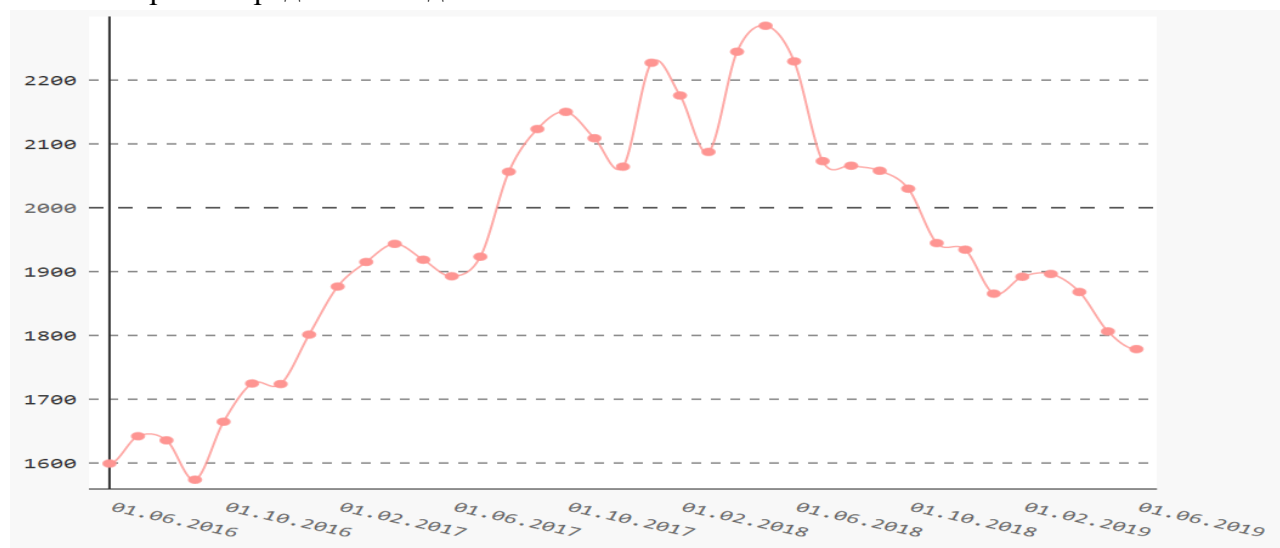

Рис. 7. Динамика стоимости алюминия с июня 2016 г. по июнь 2019 г.

Источник: Commodity Markets Outlook, 2019,

Исходя из графика, можно увидеть, что увеличение цен на алюминий произошло в период с 2017 по середину 2018 гг., именно когда О.°Дерипаска был внесен в список санкционированных лиц Министерством финансов США.

Однако, как утверждают некоторые журналы, например *Bloomberg*, *Financial Times* и др., санкции, которые распространялись на компании, где О.°Дерипаска был акционером, очень негативно сказались на состоянии мирового рынка алюминия, и ситуация стала критической. Именно этот факт был основополагающим при снятии санкций с РУСАЛа, учитывая то, что остальные санкции для других компаний сохранили свое действие.

Заключение

Таким образом, можно сказать, что рынок цветных металлов в настоящее время очень динамичен и постоянно развиваются. Наращивание производственных мощностей в развивающихся странах и увеличение объемов добычи алюминия и никеля может привести к возникновению более жесткой конкуренции на рынке и снижению цен. Одна из причин роста цен на мировом рынке алюминия является введение санкций против О. Дерипаска, которые также затронули крупного производителя алюминия «РУСАЛ», что вызвало мгновенную реакцию на рынке алюминия и резкое увеличение цен, в связи с тем, что основным производителем остался Китай. Именно ухудшение состояния мирового рынка алюминия способствовало снятию санкций с российского производителя.

Возврат РУСАЛа на рынок алюминия был инструментом защиты данного рынка от доминирования китайских производителей и монополизации отрасли, поскольку именно российский производитель составляет существенную конкуренцию Китаю.

Таким образом, санкции с компании РУСАЛ были сняты. Тем не менее, стоит отметить, что опасность ввода новых санкций со стороны США все еще сохраняется. О.°Дерипаска также в рамках выполнения требования для снятия санкций с компании РУСАЛ продал некоторые доли своих компаний, в том числе полностью лишился доли в компании «Норникель». Тем не менее, экономисты отмечают, что данная мера может снизить риски для компании «Норникель» попасть в американский список санкций.

Стоит отметить, несмотря на то, что санкции не затрагивали компании металлургической промышленности напрямую, их влияние могло сказаться на деятельности компаний. Помимо этого, крупные акционеры также сохраняют риски попасть под санкции США, действие которых затрагивает принадлежащие данным лицам компании.

Для того чтобы избежать подобного воздействия санкций на промышленность, компаниям необходимо разработать четкую стратегию для функционирования предприятия в условиях санкций, а также снизить уровень собственных активов в зарубежных странах.

Список литературы

1. Колотушкина Д. Д. (2019) Совершенствование внешнеэкономической деятельности предприятий металлургической промышленности в условиях введения международных санкций. Магистерская диссертация. Екатеринбург, УрФУ. [Kolotushkina D. D. (2019) Improving the foreign economic activity of metallurgical industry enterprises in the context of the introduction of international sanctions. Master's thesis. Yekaterinburg, UrFU. (In Russian)].

2. Цветные металлы и минералы. Красноярск, 2019. 1040 с. [Non-ferrous metals and minerals. Krasnoyarsk, 2019. 1040 p. (In Russian)].
3. American Iron and Steel Institute, AISI. URL: <https://www.steel.org/>
4. Commodity Markets Outlook (2019) URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/992831556034429620/pdf/Commodity-Markets-Outlook-April-2019.pdf>
5. Commodity Markets (2021) URL: <https://www.worldbank.org/en/research/commodity-markets>
6. Deloitte. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/Iron_and_steel_industry_report_2018_en.pdf
7. Gurvich E., Prilepskiy I. (2015) The impact of financial sanctions on the Russian economy // Russian Journal of Economics. No. 1. Pp. 359–385.
8. Melanina M. (2016) The role of sanctions in modern conditions of globalization and their impact on the Russian economy // The Genesis of Genius. 2016. № 1. P. 16–19.
9. National Minerals Information Center. URL: <https://www.usgs.gov/centers/nmic/aluminum-statistics-and-information>
10. Nickel producers. URL: <https://www.worldatlas.com/articles/top-nickel-producing-countries.html>
11. World Steel Association. URL: <https://www.worldsteel.org/>
12. World Steel in Figures, 2018. URL: <https://www.worldsteel.org/media-centre/press-releases/2018/world-steel-in-figures-2018.html>

The current state of the Russian Steel industry in the Global Market System and the impact of anti-Russian sanctions

Frolov Andrey Alexandrovich,

PhD (Economic Sciences), Associate Professor, Department of International Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, , Yekaterinburg, Russia.

Kolotushkina Darya Dmitrievna,

Master of Economics, Department of International Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, , Yekaterinburg, Russia.

The relevance of the topic under consideration lies in the fact that at present the Russian metallurgical industry is going through a difficult period — both in connection with global trends and due to international anti-Russian economic sanctions. Nevertheless, Russia remains one of the leading countries in the production and production of products in the field of ferrous and non-ferrous metallurgy. According to the results of 2018, Russia took the 6th place in the rating for steel production in the world. This paper examines the impact of sanctions on the activities of companies in the metallurgical sector. Since a number of sanctions were imposed on certain companies and individuals associated with the metallurgical industry, it is assumed that the imposition of sanctions reduced the revenue of enterprises, as well as significantly reduced the export volumes of metallurgical companies.

Keywords: Russia, metallurgy, anti-Russian sanctions, global metallurgy market.

JEL codes: L61; L52; F13; O14; O19; O24; Q40; Q50.

Существует ли объективная необходимость для реализации инициативы «Один пояс один путь»?

*Шкваря Людмила Васильевна,¹
Русакович Василий Игоревич²*

В статье дан анализ объективных предпосылок разработки китайского проекта «Один пояс, один путь» с точки зрения углубления торгово-экономического сотрудничества России и Китая. На основе проведенного комплексного статистического анализа авторы обосновывают точку зрения о том, что обе страны смогут получить значительный экономический эффект от такого взаимодействия, но, вероятно, в различной степени. По мнению авторов, реализация стратегии «Один пояс, один путь» — однозначно выгодный для Китая долгосрочный и всеобъемлющий проект глобального уровня в области торговли и инвестиций, особенно в инновационной сфере, т. к. наиболее важно для страны в настоящее время проявить собственные преимущества, сократить негативное влияние глобальных угроз, значительно усилившихся в последние годы, поддержать интерес партнеров к данному проекту и получить доступ к зарубежным ресурсам. Бесспорно также и эффективность проекта для Китая. Что касается России, то эффективность и необходимость проекта, по мнению авторов, не однозначна и вызывает вопросы.

Ключевые слова: *Китай, «Один пояс, один путь», Россия, мировая экономика, структурная трансформация, глобальная нестабильность.*

JEL коды: F02, P27, P33.

Введение

В условиях глобализации конкурентоспособность стран, устойчивость их экономического развития все в большей степени зависят от внешней среды, нестабильность которой в последние годы только усиливается. Для Китая в этих условиях многократно актуализируется задача поддержать свое социально-экономическое развитие, совершенствовать структуру экономики, активизировать внешнеэкономическую деятельность. Китай активно стремится к активному участию в глобальной экономической интеграции, причем на правах «старшего партнера». Он добивается усиления своего сотрудничества со странами по всему миру, особенно с соседними центрально-азиатскими государствами и другими странами на Ближнем Востоке, в Африке и Европе, и стремится

¹ Шкваря Людмила Васильевна — доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии Российского университета дружбы народов, директор Центра азиатских исследований РУДН. Москва, Россия.

² Русакович Василий Игоревич — кандидат экономических наук, генеральный директор ООО «Антарес». Москва, Россия.

если не взять под контроль стратегические экономические проекты и ресурсы, то, как минимум, быть одним из участников такого контроля. Китаю это важно для достижения более глубокого международного взаимодействия, взаимосвязи, экономической выгоды и беспроигрышных результатов, а также наращивания разветвленных взаимных интересов, в том числе и посредством усиления существующих механизмов взаимодействия с Россией.

У Китая и России неплохие добрососедские отношения, обе страны имеют активно развивающуюся экономику. Китай — 2-й по величине внешнеторговый партнер России, уступающий только ЕС.

Результаты исследования

В XXI в. волатильность мировой экономики резко возросла. Это проявляется в нарастании глобальных кризисных явлений (в количественных и качественных аспектах), в дисбалансе торговли и инвестиций на страновом и мировом уровнях, в росте экономической дифференциации регионов и стран мира и изменении их позиций в системе мирового хозяйства.

Как видно из табл. 1, доля развитых стран в мировом ВВП имеет устойчивую тенденцию к снижению, в то время как удельный вес стран с развивающимися рынками стабильно растет.

Таблица 1.

Динамика ВВП регионов мира в 1970–2019 гг., млрд долларов
в текущих ценах по текущему курсу

	1970	1980	1990	2000	2010	2019
Мир	3419,0	12372,9	23008,7	33636,8	66272,6	87445,1
Африка	116,4	610,8	554,7	655,2	1969,8	2460,6
Америка	1348,3	3931,4	7755,2	13308,1	21965,0	28619,0
Северная Америка	1168,0	3149,4	6593,4	11064,3	16716,8	23290,1
Латинская Америка и Карибский бассейн	180,3	782,0	1161,8	2243,7	5248,1	5329,0
Азия	515,2	2524,9	5495,7	9483,3	20940,0	33057,3
Европа	1385,2	5100,5	8820,6	9711,1	19915,3	21669,6
Океания	53,8	205,5	382,5	479,1	1482,5	1638,6
Развитые регионы	595,5	2797,0	4034,0	7378,3	22260,3	35420,9
Развивающиеся регионы	2823,5	9575,9	18974,7	26258,5	44012,3	52024,2
БРИКС	642,3	1708,3	2038,2	2739,8	11880,8	21126,7
Развивающиеся рынки	967,4	3399,3	4370,5	7017,7	22003,7	34260,2

Источник: составлено по данным ЮНКТАД.

В результате позиции регионов мира претерпели существенные изменения за последние полвека (рис. 1): среди регионов мира лидирует Азия.

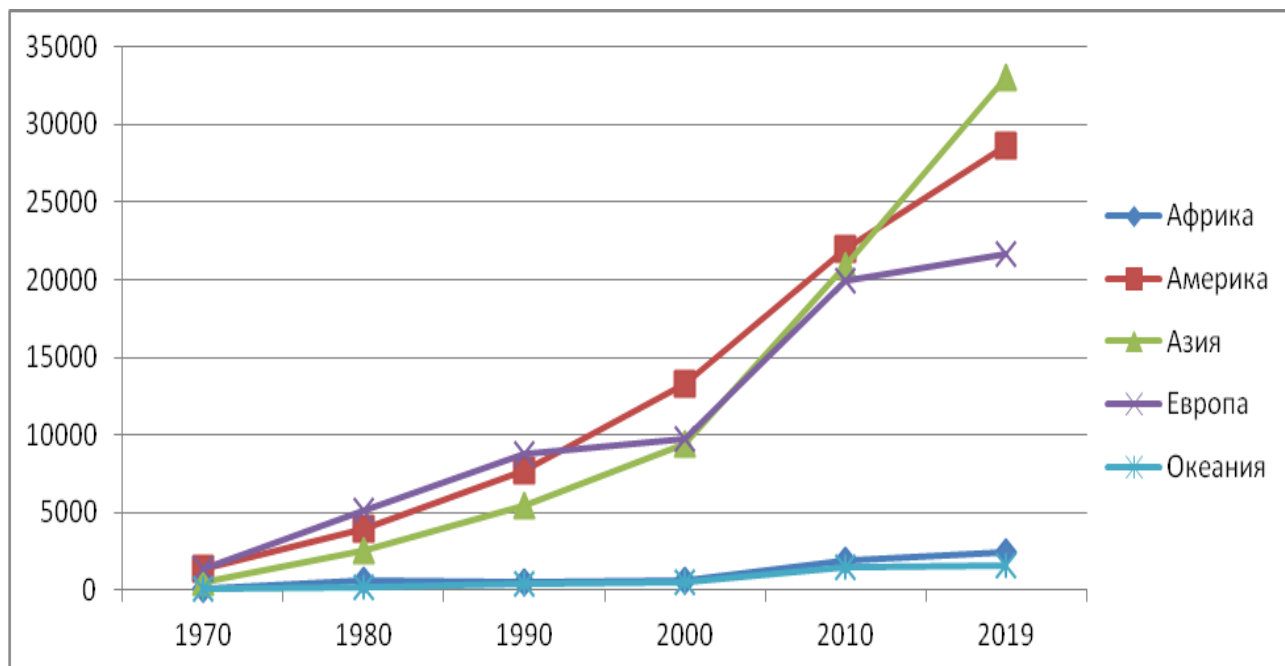

Рис. 1. Производство ВВП по регионам мира в 1970–2019 гг., млрд долларов в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено по табл. 1.

Глобальная волатильность проявляется и в динамике формирующихся изменений (рис. 2).

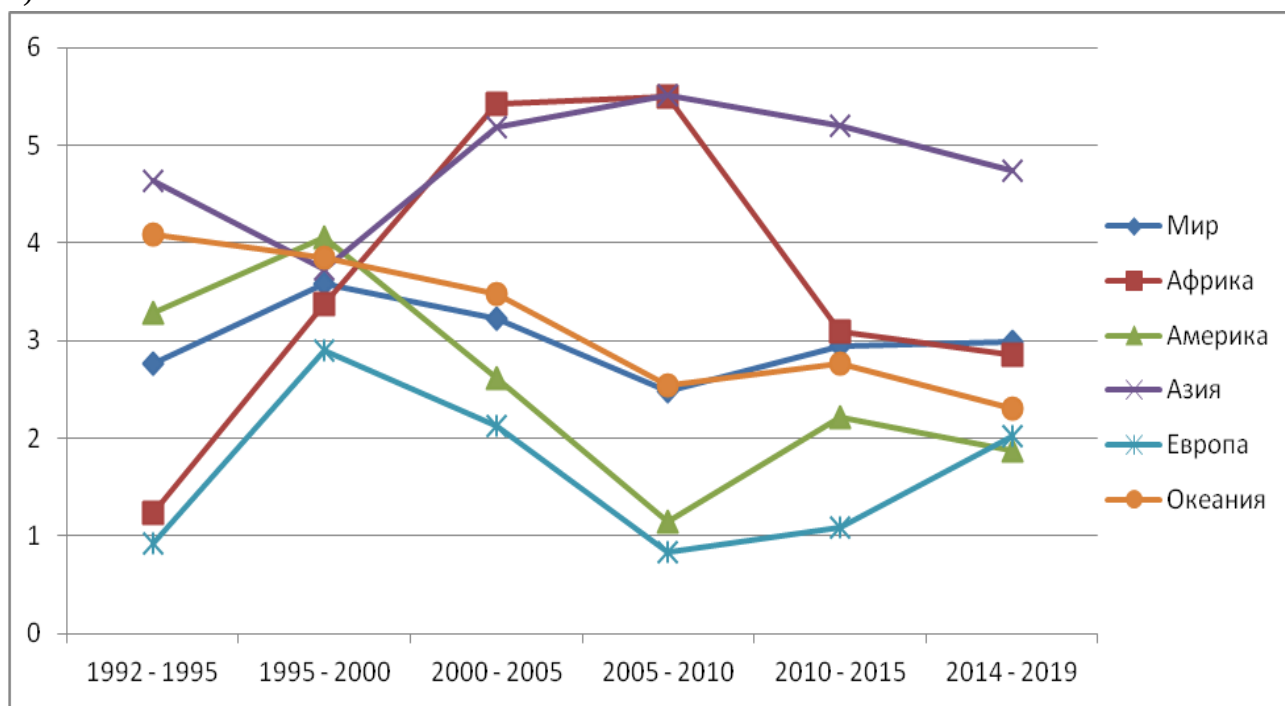

Рис. 2. Темпы роста ВВП по регионам мира в 1970–2019 гг., %

Источник: составлено по данным ЮНКТАД.

Причем, как видно из рис. 2, именно с начала XXI в. устойчивость мировой экономики снизилась в целом, особенно для Америки, Африки, Океании. Азия, напротив того, оказалась более устойчивой к глобальным вызовам, что подтверждают и многие исследователи (Родионова, Шкваря, 2012).

Эти же тенденции можно наблюдать в динамике промышленного производства (рис. 3).

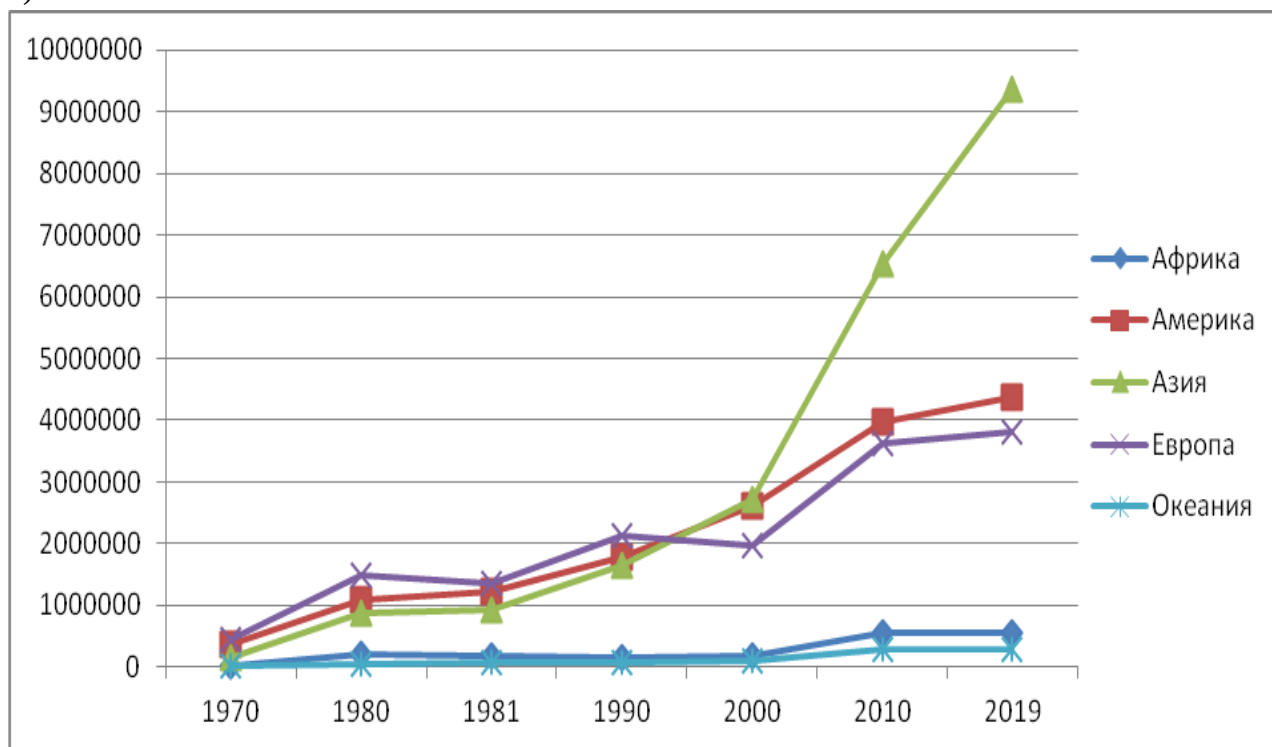

Рис. 3. Производство промышленной продукции (добыча полезных ископаемых, производство, коммунальные услуги) регионами мира в 1970–2019 гг., млн долларов в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено по данным ЮНКТАД

Кроме того, произошла структурная трансформация и модернизация мировой индустрии — появились не только новые отрасли, но и новые способы промышленного производства (Индустрия 4.0 в рамках 6-го технологического уклада). Однако обрабатывающая промышленность и в XXI в. по-прежнему сохраняет жизненно важные позиции в социально-экономическом развитии, что подтверждается и пандемией *COVID-19*, в период которой наиболее пострадавшей стала сфера услуг.

Глобальная нестабильность затрагивает и все формы международных экономических отношений, прежде всего мировую торговлю, где тоже наблюдаются подъемы и спады, различная динамика в географии торговли, ее структуре, роли отдельных стран и регионов, позиции которых в мировой торговле претерпели достаточно заметные изменения (табл. 2).

С начала XXI в. в связи с усилением конкуренции в международной торговле и вялым развитием экономики последовал постепенный рост торгового протекционизма (Жилина, 2019). В то же время именно мировая торговля на протяжении фактически 2-й половины XX в. служила основным и достаточно серьезным катализатором экономической динамики большинства стран, в том числе Китая.

Таблица 2.

Динамика экспорта и импорта в мире и по основным макрорегионам в 1970–2020 гг., млрд долларов в текущих ценах и по текущему курсу.

	1970	1980	1990	2000	2010	2018	2019	2020
ЭКСПОРТ								
Мир	318,2	2050,1	3495,7	6452,6	15300,2	19550,5	19014,8	17583,0
Африка	16,1	121,4	104,9	147,9	519,0	498,3	471,1	375,4
Америка	77,4	405,0	667,4	1426,9	2558,0	3201,3	3146,5	2776,6
Северная Америка	60,1	293,5	521,8	1058,9	1666,4	2115,4	2090,6	1823,1
Латинская Америка и Карибский бассейн	17,3	111,5	145,6	368,0	891,6	1085,8	1055,9	953,5
Азия	46,9	509,2	889,5	2067,3	5955,3	8055,0	7810,5	7410,8
Европа	171,1	984,9	1782,0	2728,3	6014,8	7484,1	7260,6	6718,8
Океания	6,6	29,6	51,9	82,3	253,0	311,8	326,0	301,4
ИМПОРТ								
Мир	330,4	2091,0	3609,3	6654,7	15423,7	19835,7	19283,4	17811,2
Африка	14,5	96,5	94,4	129,9	481,2	585,8	582,9	509,8
Америка	75,1	444,0	766,2	1894,1	3269,7	4215,3	4114,4	3741,7
Северная Америка	57,0	320,2	641,4	1505,2	2373,8	3086,7	3033,5	2823,1
Латинская Америка и Карибский бассейн	18,1	123,8	124,9	388,9	895,9	1128,6	1081,0	918,4
Азия	48,6	429,8	827,4	1823,9	5454,2	7532,4	7277,6	6766,0
Европа	185,0	1089,4	1864,6	2715,2	5972,0	7207,1	7028,2	6535,6
Океания	7,2	31,2	56,6	91,6	246,6	295,1	280,3	258,2

Источник: составлено по данным ЮНКТАД.

Именно данные тенденции, т. е. изменение позиций регионов, а также групп стран (и отдельных государств) в мире в исторически короткие сроки (практически за 20 лет), причем в массовом масштабе, вызывают сбои в глобальной системе международных экономических отношений (с ее институтами, «правилами», задачами и формами), системе, «заточенной» на обеспечение интересов небольшой группы развитых стран (весьма, впрочем, иерархичной), и прежде всего — США.

Таким образом, либеральный мировой порядок в мире в последние 20 лет подвергается серьезной дестабилизации и не может уже, по видимому, играть системообразующую роль, обеспечивая устойчивый экономический рост как мировой экономике, так и подавляющему большинству стран мира.

Главная причина этой ситуации, по мнению исследователей, заключается в том, что «Современная глобальная экономика — производная конструкция перехода от классического экономического либерализма к неолиберализму под воздействием принципов и идеологем глобализации. Неолиберальная парадигма выступила проводником идей и принципов Вашингтонского консенсуса, обеспечивших разрушение системы, основанной на приоритете национальных суверенитетов. Со временем неолиберальная глобализация

трансформировалась в особую форму рыночного трансконтинентального обмена, все чаще реализующую противоречия геополитических и экономических отношений в форме парадоксов» (Малова, 2020).

Про парадоксы современной мировой экономики и тенденций ее развития пишут многие западные авторы (см., например: Rodric, 2011), а несостоятельность официальной западной экономической доктрины мирового развития неоднократно подчеркивают и российские исследователи.

Так, В.П.Оболенский отмечает: «В последние годы международная торговая система — комплекс торговых отношений всех стран мира и унифицированных правил их регулирования, базирующихся на правовых документах ВТО, — испытывает возрастающее напряжение. За последние 3 года ситуация в мировой торговле не стала определенной. Конъюнктура на внешних рынках продолжает менять свои векторы, за повышением цен следует их снижение, очередной период которого начался в прошедшем году. Расширяется использование правительствами многих стран тарифных и нетарифных мер защиты своей экономики. Не окончились развязанные Соединенными Штатами торговые войны, с их стороны продолжаются атаки на согласованный на многостороннем уровне порядок применения торгово-политических инструментов» (Оболенский, 2020).

Это несоответствие реального положения мировой экономики и неолиберальных теорий все больше углубляется, порождая своего рода «революционную ситуацию» — когда «верхи» не могут поддержать старую модель мировой торговли (несмотря на действующие правила ВТО) и международных экономических отношений в целом, а «низы» не хотят ее поддерживать, как не соответствующую их коренным интересам. Поэтому в глобальной системе происходят более или менее стихийные и хаотичные трансформационные процессы, требующие новых моделей, механизмов и институциональных рамок ее жизнедеятельности и развития в перспективе.

Вследствие такой ситуации страны мира, особенно страны-лидеры, как Китай, пытаются сформировать новые модели, механизмы, возможности «контроля над ресурсами, финансовыми и информационными потоками и необходимостью участвовать в наднациональных институтах: военно-политических блоках, экономических союзах и международных инструментах развития» (Кун, 2020).

В сентябре и октябре 2013 г. во время визита в страны Центральной и Юго-Восточной Азии президент Китая Си Цзиньпин предложил совместно построить «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI в.» (далее именуемый «Один пояс, один путь»). Основные инициативы привлекли большое внимание международного сообщества, а план действий в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь» (Action plan), представленный правительством Китая, вызывает значительный практический и научный интерес.

В Китае многие ученые всесторонне исследуют и анализируют инициативу «Один пояс, один путь» с момента ее объявления, т. е. с 2013 г. Эта инициатива ожидаемо вызвала широкий интерес в научном сообществе в КНР и исследуется в различных аспектах, в том числе — с точки зрения российско-китайского сотрудничества в многочисленных ее направлениях. Столь же ожидаемо и традиционно большинство китайских исследователей полагают, что инициатива «Один пояс, один путь» имеет множество преимуществ для Китая, равно как и для других стран, заинтересованных в ее реализации в различных сферах, отраслях и географических регионах. Древний Шелковый путь стал синонимом

цивилизационного моста (Шкваря, Юй, 2019), а независимая внешняя политика без конфликтов и конфронтации — это Новый Шелковый Путь.

Инициатива «Один пояс, один путь», в том числе, призвана укрепить двустороннее российско-китайское сотрудничество во многих областях и поднять его на более высокий уровень в количественном и качественном аспектах (Хао, 2017).

В частности, важное значение имеет развитие всестороннего торгово-экономического сотрудничества Китая и России в отраслевом и региональном аспектах (Су, 2018).

Действительно, в 2020 г. торговля Китая с Российской Федерацией существенно сократилась, что противоречит интересам и задачам КНР. В то же время реализация инициативы «Один пояс, один путь» предполагает свободное перемещение товаров, а также факторов производства между странами вдоль «Пути». Другими словами, Китай, с одной стороны, сможет в больших объемах поставлять товары в страны-партнеры, а с другой — в больших объемах получать сырье из этих стран, наращивая свою внешнеторговую экспансию, увеличивая свою конкурентоспособность и подрывая производственные возможности стран-партнеров.

Многие авторы обращают свое внимание на то, что в транспортном сегменте, включая транспортную инфраструктуру, инициатива «Один пояс, один путь» даст возможность обеим странам сормировать значительные национальные преимущества. Прежде всего, Китай сможет бесперебойно и более быстро осуществлять доставку своих товаров во все больших объемах в Россию, Иран, Турцию, страны ЕС (Chen, 2020). А сотрудничество в сфере таможенного регулирования обеспечит китайским товарам ускоренное перемещение на западноевропейские рынки для улучшения финансовых показателей торговли страны (Лепя, 2017).

Актуализируется значение проекта «Один пояс, один путь» для развития российско-китайского сотрудничества в сфере энергетики как одной из приоритетных для КНР (Хэ, Тягунов, 2019), в сфере туризма (Цзяньин, 2019), с третьими странами (Ван, 2019), в сельскохозяйственной сфере (Инин, Сичжэ, 2020; Ву et al., 2018) и др. Эти и другие направления взаимодействия РФ с КНР оцениваются как высокоэффективные для Китая.

Однако российские исследователи не столь положительно однозначны в оценке инициативы «Один пояс один путь». Некоторые видят в этой инициативе не только возможности, но и угрозы для России и ее экономики (Бурдастова, Сизых, 2019), отмечая структурные дисбалансы и пробелы этой инициативы (Степанов, 2019), рассматривая «Один пояс, один путь» как проект «нового колониализма» КНР (Бабарико, 2018), как стратегию «покорения Евразии» (Татарников, 2019), как путь Китая к мировому лидерству (Жильцов, 2019), и вообще задаются вопросом о том, нужен ли Российской Федерации «Один пояс, один путь» (Меринова, 2019). На этот вопрос, по нашему мнению, в настоящее время нет однозначного ответа... Тем более, что реальное экономическое (эконометрическое) исследование эффективности «Пояса и пути», и даже отдельных проектов, в научной литературе отсутствует

Действительно, в большинстве инфраструктурных проектов, реализуемых Китаем в рамках инициативы «Один пояс, один путь» с разными странами, есть одна оговорка: в случае возникновения споров применяется китайское законодательство, а споры решаются китайским арбитражным судом. Экономические проекты в рамках инициативы «Один пояс, один путь» были в конечном итоге реализованы исключительно на условиях, предложенных китайской стороной, в основном китайскими компаниями и с помощью исключительно или,

как минимум, преимущественно, китайскими трудовыми ресурсами в соответствии с китайским законодательством. Выбор проектов непрозрачен, до настоящего времени нет их списка, и зачастую непонятно, осуществляется ли тот или иной проект в рамках инициативы «Один пояс, один путь» или же вне его. Соответственно, столь же трудно оценить эффективность реализации этих проектов как для стран-участниц, так и для третьих стран и мировой экономики в целом.

При этом представляется, что и название инициативы — «Один пояс, один путь» — можно трактовать не только в узком смысле, транспортном, но и в широком — как трансформацию и формирование одного пути социально-экономического, системного развития стран, географически расположенных вдоль этого пути, а также глобальной экономической, торговой, инвестиционной системы.

Заключение

«Один пояс, один путь» — это системный проект, который предполагает принцип широких консультаций, совместного создания и совместного использования новых возможностей, а также активного продвижения взаимосвязи стратегий социально-экономического развития стран, расположенных вдоль маршрута. Инициативы «Один пояс» и «Один путь» были выдвинуты, соответственно, в Казахстане и Индонезии, и сами приняли форму консультаций с принимающей страной.

«Один пояс, один путь» реализуется на фоне медленного восстановления мирового экономического роста, глубокой корректировки глобальных инвестиционных и торговых правил и вступления в новую фазу экономического развития Китая. Китай активно адаптируется к новым изменениям (и сам их инициирует в соответствии с собственным видением мира) в международной экономической и торговой структуре, в том числе, путем укрепления торговли со странами Азии, Европы и Африки вдоль маршрута, сотрудничества, двусторонних инвестиций, взаимной финансовой и экономической выгоды от экономического и торгового сотрудничества.

Как показывает опыт реализации этой и других китайских инициатив, Китай стремится к созданию всестороннего, многоуровневого международного экономического сотрудничества, формирования взаимосвязанной глобальной экономической и торговой сети под своим руководством, и «вписывания» стратегий устойчивого экономического роста азиатских, европейских и африканских стран вдоль маршрута в рамки «Пояса и пути». Это возможно за счет скоординированной трансформации промышленной структуры, а также экономической интеграции и создания новых цепочек создания стоимости, опять-таки под руководством и управлением Китая. Вопрос о том, насколько это интересно России, остается открытым и весьма неоднозначным.

Представляется, что России следует разработать собственную концепцию сотрудничества с КНР в столь всеобъемлющем проекте исходя из коренных и стратегических долгосрочных национальных интересов, в том числе — в сфере национальной безопасности, в ресурсной, инновационной, транспортной и иных сферах, выстроить систему приоритетов, целей и задач и последовательно добиваться их реализации.

Важное значение в рамках этого сотрудничества имеет и экспертиза проектов, проводимая российской стороной.

Список литературы

1. Бабарико К. Б. (2018) Китайская инициатива «Один пояс, один путь» как новый вид колониализма // Nauka.me. № 5. С. 20. [Babariko K. B. (2018) The Chinese initiative "One Belt, one Road" as a new kind of colonialism // Nauka.me. No. 5. p. 20. (In Russian).]
2. Бурдастова А. Д., Сизых Е. Ю. (2019) Участие России в инициативе «Один пояс, один путь»: возможности, угрозы, перспективы // Global and Regional Research. Т. 1. № 1. С. 166–170. [Burdastova A.D., Sizykh E. Yu. (2019) Russia's participation in the "One Belt, One Road" initiative: opportunities, threats, prospects // Global and Regional Research. Vol. 1. No. 1. P. 166–170. (In Russian).]
3. Ван Ф. (2019) Исследование пути сотрудничества Китая, РФ и Республики Монголия в рамках стратегии «Один пояс, один путь» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. № 3. С. 63–66. [Van F. (2019) The study of the way of cooperation between China, the Russian Federation and the Republic of Mongolia within the framework of the "One Belt, One Road" strategy // Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. No. 3. P. 63–66. (In Russian).]
4. Инин Ч., Сичжэ В. (2020) Анализ потенциала китайско-российского сельскохозяйственного сотрудничества // Экономика и предпринимательство. № 3 (116). С. 346–350. [Yining Ch., Xizhe V. (2020) Analysis of the potential of Chinese-Russian agricultural cooperation // Economics and entrepreneurship. No. 3 (116). P. 346–350. (In Russian).]
5. Жильцов С. С. (2019) Инициатива «Один пояс — один путь»: движение Китая к мировому лидерству // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. № 4 (22). С. 196–202. [Zhiltsov S. S. (2019) The "One Belt, One Road" initiative: China's movement towards world Leadership // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Russia and the world. No. 4 (22). P. 196–202. (In Russian).]
6. Кун Д. (2020) «Один пояс и один путь» Китайской Народной Республики как фактор укрепления евразийской интеграции. Дисс. канд. полит. наук. Владивосток. [Kun D. (2020) "One Belt and One Road" of the People's Republic of China as a factor of strengthening Eurasian integration. Diss. cand. polit. sciences'. Vladivostok. (In Russian).]
7. Лепа Т. П. (2017) Россия и Китай: таможенное и экономическое взаимодействие // Известия Байкальского государственного университета. Т. 27. № 1. С. 64–72. [Lepa T. P. (2017) Russia and China: customs and economic interaction // Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 27. No. 1. P. 64–72. (In Russian).]
8. Малова Т. А. (2020) О чем сигнализируют парадоксы глобальной экономики // Вестник МГИМО-университета. Т. 13. № 3. С. 225–242. [Malova T. A. (2020) What do the paradoxes of the global economy signal // Bulletin of MGIMO-University. Vol. 13. No. 3. P. 225–242. (In Russian).]
9. Меринова А. С. (2019) Нужен ли России «Один пояс, один путь»? // В сборнике: Политранспортные системы. Материалы X Международной научно-технической конференции. С. 56–58. [Merinova A. S. (2019) Does Russia need "One Belt, One Road"? // In the collection: Polytransport systems. Materials of the X International Scientific and Technical Conference. P. 56–58. (In Russian).]
10. Оболенский В. П. (2020) Турбулентность в международной торговле: реакция России // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 3. С. 60–77.

[Obolensky V. P. (2020) Turbulence in international trade: Russia's reaction // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. No. 3. P. 60–77. (In Russian).]

11. Родионова И. А., Шкваря Л. В. (2012) На пороге «азиатского индустриального века» // Азия и Африка сегодня. № 12 (665). С. 2–5. [Rodionova I. A., Shkvarya L. V. (2012) On the threshold of the "Asian industrial age" // Asia and Africa today. No. 12 (665). P. 2–5. (In Russian).]

12. Степанов Н. С. (2019) Структурный дисбаланс китайской инициативы «Один пояс — один путь» // Мир перемен. № 3. С. 63–73. [Stepanov N. S. (2019) The structural imbalance of the Chinese initiative "One Belt — One Road" // The world of changes. No. 3. P. 63–73. (In Russian).]

13. Татарников А. А. (2019) Китайская инициатива «Один пояс, один путь» как стратегия экономического покорения Евразии // Экономическая среда. № 3 (29). С. 34–38. [Tatarnikov A. A. (2019) The Chinese initiative "One Belt, One Road" as a strategy for the economic conquest of Eurasia // The economic environment. No. 3 (29). P. 34–38. (In Russian).]

14. Су Ф. (2018) Российско-китайское региональное экономическое сотрудничество в рамках проекта «Один пояс, один путь» // Научный журнал. № 5 (28). С. 87–88. [Su F. (2018) Russian-Chinese regional economic cooperation within the framework of the "One Belt, One Road" project // Scientific Journal. No. 5 (28). pp. 87–88. (In Russian).]

15. Хао Л. (2017) «Один пояс и один путь» в контексте стратегического сотрудничества России и Китая // Мировая политика. № 3. С. 82–91. [Hao L. (2017) "One belt and one Road" in the context of strategic cooperation between Russia and China // World Politics. No. 3. P. 82–91. (In Russian).]

16. Хуан Х. (2019) Исследование возможностей развития китайско-российского сельскохозяйственного сотрудничества в рамках программы «Один пояс, один путь» // Казанский экономический вестник. № 6 (44). С. 20–25. [Juan H. (2019) A study of the opportunities for the development of Chinese-Russian agricultural cooperation within the framework of the "One Belt, One Road" program // Kazan Economic Bulletin. No. 6 (44). P. 20–25. (In Russian).]

17. Хэ Х., Тягунов М. Г. (2019) Инициатива «Один пояс, один путь» и китайско-российское энергетическое сотрудничество / Advances in Science and Technology. Сборник статей XXIV международной научно-практической конференции. С. 157–159. [He H., Tyagunov M. G. (2019) The initiative "One Belt, one Road" and the Sino-Russian energy cooperation / Advances in Science and Technology. Collection of articles of the XXIV International scientific and Practical conference. P. 157–159. (In Russian).]

18. Цзяньин Х. (2019) «Один пояс — один путь»: исследование сотрудничества в сфере туризма между Россией и Китаем в условиях трансграничья // Журнал правовых и экономических исследований. № 3. С. 206–209. [Jianyin H. (2019) "One belt — one Road": a study of cooperation in the field of tourism between Russia and China in the conditions of cross-border // Journal of Legal and Economic Research. No. 3. P. 206–209. (In Russian).]

19. Шкваря Л. В., Юй Х. (2019) Исторические аспекты формирования Великого шелкового пути // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 6. С. 124–132. [Shkvarya L. V., Yu H. (2019) Historical aspects of the formation of the Great Silk Road // Scientific Review. Series 1: Economics and Law. No. 6. P. 124–132. (In Russian).]

20. Action plan for the implementation of the "One Belt, One Road" initiative. URL: https://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html

21. Bu X., Dong S., Li F., Li Y. (2018) Agricultural trade pattern and potential in China and Russia / IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. №190. P. 12–46. DOI :10.1088/1755-1315/190/1/012046
22. Chen Q. (2020) Chinese and Russian transport corridors and the Belt and Road initiative: prospects of Sino-Russian cooperation // R-Economy. T. 6. № 2. С. 100–110.
23. Fan Y., Wanru W. (2018) Effects of Reciprocal Trade Negotiations and China's Belt Road Initiative // Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management. Vol. 17. No 5. P. 798–822.
24. Rodric D. (2011) The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. New York and London: W.W. Norton. 368 p.
25. UNCTAD. URL:
<https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx?ReportId=109>

Is there an objective need for the implementation of the "One Belt One Road" initiative

Liudmila Vasilievna Shkvarya

*Dr.Sc. (Economics), Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Economics Faculty, department of political economy/
Moscow, Russia.*

Vasiliy Igorevich Rusakovich

*PhD of Economic Sciences, General Director of Antares LLC/
Moscow, Russia.*

The article analyzes the objective prerequisites of the Chinese project "One Belt, one Road" from the point of view of deepening trade and economic cooperation between Russia and China. Based on a comprehensive statistical analysis, the author substantiates the point of view that both countries will be able to get a significant economic effect from such interaction, but probably to a different extent. According to the author, the implementation of the "One Belt, One Road" strategy is definitely a long-term and comprehensive global project for China in the field of trade and investment, especially in the innovation sphere, since it is most important for the country to show its own advantages, reduce the negative impact of global threats that have significantly increased in recent years, support the interest of partners in this project and gain access to foreign resources. The effectiveness of the project for China is also indisputable. As for Russia, the effectiveness and necessity of the project, according to the authors, is not unambiguous and raises questions.

Keywords: China, "One Belt, one Road", Russia, world economy, structural transformation, global instability.

JEL codes: F02, P27, P33.

ИННОВАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ / INNOVATIONS AND TECHNOLOGIES

**Россия и Израиль: проблемы и перспективы двустороннего
экономического и научно-технического сотрудничества**

Марьясис Дмитрий Александрович¹

В год 30-летия возобновления дипломатических отношений между Россией и Израилем эксперты обеих стран под разными углами зрения рассматривают итоги пройденного на двустороннем треке пути. Высказываются различные мнения о перспективах развития российско-израильских отношений. В частности, это касается и торгово-экономического, а также научно-технического аспектов взаимодействия. В общественно-политическом дискурсе современной России принято в последнее время не только позитивно оценивать пройденный путь, но и показывать возможности существенного увеличения объемов российско-израильского взаимодействия. Данная работа посвящена анализу текущего уровня торгово-экономического и научно-технического взаимодействия между Россией и Израилем, а также исследованию имеющихся в этой сфере проблем и перспектив развития. В первой части статьи представлена методологическая «призма», сквозь которую автор рассматривает двусторонние отношения в принципе. Во второй ее части дана критическая оценка текущего уровня российско-израильских торгово-экономических связей, показано, насколько существующий общественно-политический дискурс расходится с реальным положением вещей. В статье показано, что структура внешней торговли обеих стран друг с другом в последние десятилетия не претерпевает существенных изменений ни качественно, ни количественно. Автор приходит к выводу о том, что даже с учетом потенциала задействования соглашения о создании Зоны свободной торговли между двумя странами (что, судя по всему, проблематично), потенциал развития взаимодействия в этом формате близок к своему исчерпанию. В следующем разделе статьи показаны примеры сотрудничества в области инноваций, науки, технологий. Далее в работе показана существующая проблематика в развитии двусторонних отношений. Она представлена в структурированном виде — разбита на 2 большие группы. Так как представляется, что данные проблемы не являются неразрешимыми, то в следующем разделе работы показаны варианты преодоления проблемных зон. В работе указаны, какие, по мнению автора, шаги должны сделать обе стороны, чтобы принципиально повысить качество и эффективность двусторонних отношений в исследуемых сферах и реализовать существующий потенциал.

Ключевые слова: *российско-израильское торгово-экономическое сотрудничество, роль Израиля в МЭО, совокупный торговый оборот, структура импорта и экспорта, научно-техническая кооперация, инновационная экономика, барьеры в развитии двусторонней кооперации.*

JEL коды: F02, O32.

¹ *Марьясис Дмитрий Александрович* — кандидат экономических наук, руководитель отдела изучения Израиля и еврейских общин Института Востоковедения РАН. Москва, Россия.

Введение

С момента возобновления дипломатических отношений между Россией и Израилем прошло 30 лет. По нынешним меркам — это значительный срок. Обе страны прошли огромный путь как в своем внутреннем развитии, так и в развитии двусторонних отношений. Значимость даты заставляет многих, имеющих отношение к развитию двусторонних отношений (политиков, дипломатов, бизнесменов, исследователей), ретроспективно анализировать пройденный путь. Это, безусловно, важно, так как позволяет не только обозначить контекст, в котором наши отношения развиваются в настоящий момент, но и дают возможность выстроить систему рассуждений о перспективах российско-израильских отношений с учетом оценки зависимости будущего развития от решений, принятых в прошлом.

В этой статье, однако, мы не будем проводить ретроспективный анализ развития российско-израильских торгово-экономических отношений за указанный период, так как первые 20 лет развития двусторонних отношений в этой сфере достаточно подробно рассмотрены российскими исследователями (Хаустов, 2001; Федорченко, 2002; Гусейнова, 2002; Тринич, 2003; Улин, 2017; Марьясис, 2017), а за последнее десятилетие, как представляется, принципиальных изменений на этом треке не произошло. Данный материал посвящен анализу текущего состояния российско-израильских торгово-экономических отношений и оценке перспектив их развития.

Методология

С точки зрения автора данной работы, четкое понимание специфики участия той или иной страны в современной системе международных экономических отношений (МЭО) позволяет максимизировать полезность от взаимодействия с ней, концентрируя свои усилия на том, что даст наибольшую отдачу. Другими словами, данное знание дает возможность соизмерить национальные устремления и приоритеты во внешнеэкономической деятельности нашей страны с соответствующими устремлениями и возможностями потенциальной страны-партнера, с ее фактическим местом в системе мирохозяйственных связей. Это позволит разработать такую стратегию сотрудничества, которая изначально будет выигрышной для обеих сторон, а значит, потенциальная страна-партнер будет существенно более позитивно настроена на взаимодействие с представителями нашей страны. Кроме того, данный подход позволяет экономно относиться к существующим ресурсам — человеческим, временным и пр., не распылать их на разные проекты двустороннего сотрудничества, которые либо не состоятся совсем, либо окажутся мертворожденными или малоэффективными.

Как показано в монографии «Инновационная экономика как основа участия Израиля в современной системе международных экономических отношений» (Марьясис, 2020), к настоящему моменту Израиль прочно занял место мирового инкубатора новых технологий. В этой сфере страна аккумулирует значительные средства иностранных инвесторов, оставаясь для них одним из самых привлекательных объектов, уступая, пожалуй, только Кремниевой долине США. Транснациональные корпорации (ТНК) активно приобретают израильские технологические команды, а также стремятся открыть в стране свои центры научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР). Этим и

определяется современное место Израиля в системе мирохозяйственных связей. Таким образом, именно инновационная составляющая экономики обеспечила Израилю особое место в современной системе МЭО. Это мнение косвенно подтверждается в авторитетном учебнике по международным экономическим отношениям, вышедшем в МГИМО (У) МИД РФ в 2021 г. (см. с.438, 443–444), что важно, так как эта информация в сжатом виде поступает студентам, изучающим соответствующую дисциплину (Булатов, 2021).

Поскольку именно эвристические методы исследования хорошо подходят к объяснению и пониманию происходящих событий, то они и легли в основу работы над данной статьей. Понимание автора эвристической методологии строится на изучении классических трудов по этому вопросу (Джонс, 1986; Гарифуллина, 2014). Они же и определили ее дальнейшую структуру. Следующий раздел работы посвящен аналитическому обзору современного состояния российско-израильских торгово-экономических отношений. Далее рассматривается ситуация в сфере научно-технической кооперации. Следующие два раздела статьи посвящены анализу препятствий и перспектив развития двусторонних отношений в исследуемом направлении.

Торгово-экономические отношения, текущее состояние

Представляется, что этот сегмент двусторонних отношений представляет собой довольно безрадостную картину. Согласно данным российской статистики (она несколько отличается от израильской) (Russian trade with Israel 2020), в 2020 г. товарооборот России с Израилем составил 2,1 млрд долл. США: 1,3 млрд экспорта из России в Израиль и 827 млн импорта. Доля Израиля во внешнеторговом обороте России в 2020 г. составила 0,4%, а России во внешнеторговом обороте Израиля — 1% (данные за 2019 г., но существенных корректировок не ожидается) (HaShnaton HaStatisti LeIsrael #71, 2020). Структура экспорта и импорта по итогам 2020 г. приведена на рис.1.

При этом принципиальных изменений ни в объемах, ни в структуре торгового оборота не наблюдается на протяжении длительного времени (HaShnaton HaStatisti LeIsrael #71, 2020). Возникает впечатление, что, несмотря на все попытки некоторых общественных и политических деятелей с обеих сторон приукрасить ситуацию, в рамках текущей модели двустороннего торгово-экономического взаимодействия существенных сдвигов ожидать сложно.

Принято считать, что подписание соглашения о создании Зоны свободной торговли (ЗСТ) между Израилем и странами ЕАЭС (в этой интеграционной группировке лидирующую роль играет Россия) позволит интенсифицировать двусторонний товарообмен. Это, безусловно, так. Но, во-первых, разговор о подписании этого соглашения ведется с 2015 г., при этом, несмотря на декларируемое стремление договаривающихся сторон его подписать (Devonshire-Ellis, 2020), этого пока не происходит. Вполне возможно, такая ситуация складывается ввиду сложности ведения переговоров из-за разного статуса стран, входящих в ЕАЭС. Во-вторых, подписание этого соглашения, как кажется, будет иметь ограниченное воздействие на развитие двусторонних торгово-экономических отношений.

Структура экспорта в Израиль из России (%), 2020 г.

Структура импорта из Израиля в Россию (%), 2020 г.

Рис. 1. Структура товарного обмена между Россией и Израилем

Источник: Russian trade with Israel 2020. Russian Foreign Trade Online Portal.

Сотрудничество в области инноваций, науки и технологий. Текущее состояние

В данной работе нет смысла говорить о том, какое значение придает Израиль развитию тех сегментов национального хозяйства, которые имеют отношение к высоким технологиям. Также нет смысла останавливаться на том, что именно через реализацию своего инновационного потенциала Израиль смог занять свое во многом уникальное место в современной системе международных экономических отношений.

В данной работе, вместе с тем, следует отметить, что Россия тоже не чужда амбиций в сфере науки, технологий и инноваций. Ведь во-многом именно благодаря своей научно-технической мощи СССР, наследницей которого она является, смог стать ведущей мировой державой. И созданный в те времена задел пока еще не по всем направлениям исчерпан. Более того, в некоторых отраслях новые поколения ученых и инженеров смогли не только сохранить накопленный потенциал, но и продемонстрировать адекватные требованиям XXI в. достижения. Есть в России и сообщество инноваторов, и крупные технологические компании. Но, безусловно, в отличие от Израиля, на системном уровне научно-технический потенциал пока слабо реализуется путем трансформации в имеющие рыночную ценность инновации. К тому же у россиян имеются определенные ограничения в доступе на международный рынок.

Отметим, что к моменту написания данной работы наблюдается развитие некоторых базовых элементов того, что можно было бы назвать системой двусторонней кооперации между Россией и Израилем в научно-технической сфере. Так, с 2006 г. Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) и Министерство науки и технологии Израиля проводят конкурс на совместные научные исследования. Как показано в табл. 1, по состоянию на начало 2021 г. проведено 4 раунда этого конкурса, а 5-й находится в процессе. Параметры каждого раунда также указаны в табл. 1.

Таблица 1.

Основные параметры двустороннего научного-исследовательского конкурса

№ раунда	Годы	Общая сумма с обеих сторон (\$ млн)	Сферы	Кол-во профинансированных проектов
1	2006–2008	1,6	Математика, физика, геология, геофизика, новые материалы	27
2	2009–2010	1,2	Наноматериалы, «зелёная» энергия	16
3	2011–2012	1,2	Наноматериалы, компьютерные технологии	16
4	2016–2018	0,96	Топология, механика	8
5	2019–2021	2,5	Здоровье, функциональные материалы	10

Источник: составлено по материалам официального сайта министерства науки и технологий Израиля.

Видимо, ввиду того, что развитию нанотехнологий уделяется в обеих странах особое внимание, входящий в структуру «Роснано» Фонд инфраструктурных и образовательных программ и Ведомство главного ученого / Управление инноваций Израиля (ВГУ/УИИ) Министерства экономики и промышленности Израиля в лице программы *ISERD* проводят совместный конкурс НИОКР по данной тематике. ВГУ, а теперь УИИ (создана на базе ВГУ), является центральной структурой по реализации государственной политики в сфере инноваций и по взаимодействию с деловым сообществом Израиля (подробнее об этом см.: Марьясис, 2020, с. 121–160). В 2020 г. состоялся отбор на его девятый раунд (*Kaspersky opens...*, 2017).

В Израиле новые технологии ищут «Роснано», фонд «Сколково», «Яндекс». Последний вообще совершил в 2014 г. беспрецедентный шаг, став первой российской компанией, открывшей в Израиле центр НИОКР. То же в 2015 г. сделала одна из самых успешных в мире компаний в области интернет-безопасности — «Лаборатория Касперского», открывая тогда небольшой (всего 6 сотрудников) центр НИОКР в Иерусалиме (Goldenberg, 2014). В 2017 г. он был несколько расширен путем создания на базе данного центра Лаборатории технологий будущего (*Kaspersky opens...*, 2017). Университет израильского города Ариэль проводит семинары для российских ученых и исследователей по коммерциализации технологий. Израильский фармгигант «Teva» осенью 2014 г. открыл в Ярославле свое производство и развивает сотрудничество с регионом. Есть еще ряд примеров такого рода двусторонней кооперации (РВК, 2013, с.36–44; Якимова, 2014). Тем не менее, о каком-либо системном сотрудничестве в области инновационной экономики говорить пока не приходится, несмотря на существующий потенциал и декларируемое обеими сторонами желание.

Препятствия на пути развития двустороннего сотрудничества

То, что на пути развития двустороннего сотрудничества появляются определенные препятствия — это нормально. Основной вопрос в том, насколько они преодолимы и готовы ли обе стороны их преодолевать.

По мнению автора данной статьи, на российско-израильском направлении можно выделить две группы проблем. Назовем их «проблемы общего характера» и «специфические проблемы».

К первой группе проблем относятся следующие:

- Геополитическая ситуация. Страны Запада в течение ряда лет проводят курс усиления давления на российский политический истеблишмент. В контексте рассматриваемой в данной статье тематики следует отметить, что у политических действий есть и экономическое преломление. Жесткая негативная риторика по отношению к России вкупе с санкциями и ответными заявлениями и действиями российских властей создают негативный климат для развития кооперации в деловой среде. Израиль в данном случае однозначно относится, скажем так, к Западному блоку. И даже если в самом еврейском государстве на проблему развития взаимоотношений с Россией смотрят несколько по-другому (что верно лишь отчасти), то прочные и многофакторные связи этой страны с США и ЕС заставляют представителей израильского делового сообщества достаточно осторожно развивать отношения с Россией, чтобы не повредить своему бизнесу в странах Запада.

- Изоляционистская политика России. Россия все больше проводит изоляционистскую политику, когда, например, инвестиции россиян за рубежом могут восприниматься как непатриотичные по отношению к стране действия. А технологии иностранного происхождения стараются заменить отечественными, что далеко не всегда оправдано. В некоторых случаях усложняются правила локализации иностранных технологий в России.

К группе специфических проблем отнесем следующие (выявлены на основе экспертных встреч и конференций между представителями российского и израильского экспертного и делового сообществ, в которых автор принимал участие):

- нехватка доверия с обеих сторон;
- стремление россиян привлекать израильские инвестиции, тогда как израильтяне предпочитают не вкладывать финансовые активы, а реализовывать свои технологии и продукцию;
- отсутствие действенного механизма экспертизы проектов;
- пренебрежение со стороны Израиля существующим научно-техническим потенциалом России;
- отсутствие финансовых механизмов сотрудничества;
- нежелание обеих сторон соотносить свои требования с реалиями и деловой культурой страны-партнера;
- ловушка русского языка. Под этим подразумевается тот факт, что зачастую обе стороны стремятся подменить знанием русского языка профессиональные компетенции, что нередко приводит к негативным последствиям.

С 1-й группой проблем работать сложно, так как они затрагивают глобальные геополитические процессы. Преодолеть проблемы 2-й группы вполне возможно при наличии соответствующего желания с обеих сторон. Однако, если посмотреть на текущее состояние двусторонних отношений в области товарообмена и научно-технической кооперации, то возникает закономерный вопрос: «Стоит ли инвестировать ресурсы в преодоление указанных проблем, если это не приведет к существенным изменениям в уровне двусторонних отношений в указанных сферах?». Несмотря на весь озвученный в начале статьи скепсис, ответ на него — однозначно да. Причин такого ответа две. Первая из них носит, скорее, гуманитарный характер: представляется, что работа над преодолением проблем второй группы позволят сблизить нации в принципе, обогатит общества обеих стран, что будет позитивным фактором для преодоления проблем первой группы. Вторая причина положительного ответа на заданный вопрос обоснована в следующем разделе статьи.

Возможности развития эффективного сотрудничества

В этом разделе хотелось бы предложить вариант сотрудничества между Россией и Израилем, который, на взгляд автора данной статьи, наиболее соответствует базовым устремлениям обеих стран и позволит эффективно использовать их возможности.

Дальнейшие выводы строятся на основе 3-х предположений, первые два из которых заявлены в начале статьи и имеют отношение к принципиальному подходу автора к анализу системы двусторонних торгово-экономических отношений, исходя из специфики места каждой из сторон в современной системе МЭО. Третье предположение состоит в том, что

Россия постоянно декларирует стремление построить у себя инновационную экономику. На этом пути она встречается с большим количеством проблем, многие из которых эндогенные. В рамках данной статьи их разбирать не представляется возможным. Отметим только, что страна сталкивается с проблемой неэффективного функционирования системы технологического трансфера из науки в промышленность. А существующие предприниматели-инноваторы сталкиваются с большими проблемами в организации своего взаимодействия с внешним миром (в частности, по указанным ранее причинам).

Таким образом, на основе всего сказанного ранее напрашивается вывод о том, что сотрудничество России и Израиля в сфере науки, технологий и инноваций является наиболее перспективным. Вопрос в том, о чем конкретно может идти речь.

Представляется, что может идти речь о своеобразном вовлечении России в израильскую инновационную экосистему. Идея заключается в следующем:

Создание в России акселерационно-инкубационной системы с участием представителей израильского бизнеса в качестве менторов и инвесторов. Выбор наиболее перспективных проектов. Организация их продвижения через Израиль по устоявшимся каналам с выходом на глобальный рынок. Продвижение может осуществляться путем создания совместных компаний двумя способами:

- российские технологии + израильский опыт развития бизнеса + совместное (или израильское) финансовое участие;
- формирование совместной российско-израильской технологической команды + израильский опыт развития бизнеса + совместное (или израильское) финансовое участие.

России такая конфигурация даст возможность: преодолеть разрыв между наукой и инновациями, повысить эффективность взаимодействия с внешними для страны рынками вне рамок сырьевых отраслей, осуществить процесс «обучения в процессе» на опыте одной из наиболее успешных стран в создании и продвижении своих рыночно-ориентированных технологических команд, загрузить свои производственные мощности (там, где необходима организация полноценного производства) и повысить уровень занятости специалистов разного уровня в регионах.

Израилю такая конфигурация даст возможность: получить доступ к российскому научно-техническому сообществу — как к человеческим ресурсам (что позволит несколько снизить становящуюся все более острой проблему нехватки высококвалифицированной рабочей силы), так и к инфраструктуре, обеспечить недорогую производственную базу, расширить базу «выращивания» инновационных проектов высокого качества.

Для формирования такой рамки партнерства необходимо, чтобы обе страны предприняли определенные, во многом ментальные, усилия.

Так, Россия должна:

- осознать, что ей это партнерство нужнее, чем Израилю;
- как минимум в отношении Израиля несколько пересмотреть свой взгляд на возможности многосторонней кооперации в инновационной сфере;
- облегчить условия привлечения финансирования в венчурные проекты на внутреннем рынке.

Израиль должен:

- перестать относиться к России как к стране условно третьего мира в технологическом плане, куда можно только сбывать свои технологии и продавать свои услуги;

- объективно оценить научно-технический потенциал России;
- несколько трансформировать свое представление о максимизации своей полезности на международной арене, усилив значение собственной экосистемы как платформы, через которую могут «проводиться» на определенных условиях инновационные проекты других стран, а не вкладывать все усилия в проекты, формально «родившиеся» на территории Израиля.

Автор этих строк отдает себе отчет как в том, что предлагаемая идея требует существенной проработки, так и в том, что не все указанные условия выполнимы (по крайней мере, в краткосрочном периоде). Это лишь попытка продемонстрировать взгляд на возможности российско-израильской кооперации несколько под другим углом, попытка оживить дискуссию по возможностям двустороннего сотрудничества. Как кажется, потенциал у него очень большой, но он не в наращивании товарооборота, а именно в области инноваций. Более того, интенсификация цифровой трансформации, произошедшая ввиду пандемии нового коронавируса, открывает дополнительные возможности в интеграции инновационных пространств России и Израиля. Именно такая интеграция позволит им обеспечить лидирующие позиции в постиндустриальной инновационной экономике XXI в.

Заключение

Итак, за 30 лет непрерывного взаимодействия Россия и Израиль смогли практически с нуля выстроить работающую систему торгово-экономического и научно-технического сотрудничества. Вместе с тем, существующий формат, во-первых, близок к исчерпанию своих возможностей, а, во-вторых, не может полностью устраивать как минимум одну из двух сторон — Россию. Наша страна имеет все возможности стать одним из мировых лидеров инновационной экономики. Поэтому текущая структура двусторонней торговли с Израилем, где ведущую роль в нашем экспорте уже длительное время играет сырье, не может, как кажется, соответствовать нашим долгосрочным приоритетам.

Более того, Израиль, уже сегодня — один из глобальных лидеров в ряде аспектов инновационной экономики, привлекательный для нашей страны партнер именно в тех областях, которые имеют отношение к данной сфере экономической деятельности.

Однако, как показано в статье, в настоящее время существуют барьеры, мешающие эффективному развитию российско-израильской кооперации в науке, технологиях, инновациях. Барьеры эти, вместе с тем, в основном не являются непреодолимыми. Но для повышения качества двустороннего взаимодействия в указанных сферах требуется акцентированное желание с обеих сторон. При этом, как представляется, России имеет смысл занять проактивную позицию, что позволит наиболее полно реализовать устремления нашей страны по развитию национальной инновационной экономики.

Хотелось бы, чтобы именно партнерством в области науки и инноваций характеризовались следующие 30 лет развития российско-израильских отношений.

Список литературы

1. Булатов А. С. (ред.) (2021) Мировая экономика и международные экономические отношения. Полный курс. Москва, МГИМО (У) МИД РФ. 678 с. [Bulatov A.S. (ed.) (2021)

World economy and international economic relations. Complete course. Moscow, MGIMO (U) MID RF. 678 p. (In Russian).]

2. Гарифуллина А. А. (2014) Эвристические методы в экономике. Актуальные вопросы экономических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2014 г.). Уфа. С. 98–100. [Garifullina A. A. (2014) Heuristic Methods in Economics. Topical issues of economic sciences: materials of the III International scientific. conf. Ufa, June 2014. P. 98–100. (In Russian).]

3. Гусейнова Н. З. (2002) Экономические отношения между Израилем и странами СНГ во второй половине 90-х годов: итоги и проблемы // Востоковедный сборник. №3. С. 204–220. [Huseynova N. Z. (2002) Economic relations between Israel and the CIS countries in the second half of the 90s: results and problems. Orientalist collection. №3. P. 204–220. (In Russian).]

4. Джонс Дж. К. (1986) Методы проектирования. Москва: Мир. 326 с. [Dzhons Dzh. K. (1986) Metody proektirovaniia. [Jones J. K. (1986) Design Methods. Moscow: Mir. 326 p. (In Russian).]

5. Марьясис Д. А. (2012) Израиль и страны постсоветского пространства: 20 лет экономического сотрудничества / Российско-израильские отношения. История и современность. Сборник статей по материалам международной конференции «Россия-Израиль: 20 лет восстановления дипломатических отношений». Москва: ИВ РАН. С. 108–124. [Maryasis D. A. (2012) Israel and the post-Soviet countries: 20 years of economic cooperation / Russian-Israeli relations. History and modernity. Collection of articles based on the materials of the international conference "Russia-Israel: 20 years of restoration of diplomatic relations". Moscow: IV RAS. P. 108–124. (In Russian).]

6. Марьясис Д. А. (2020) Инновационная экономика как основа участия Израйля в современной системе международных экономических отношений. Москва: ИВ РАН. 428 с. [Maryasis D. A. (2020) Innovative Economy as the Basis for Israel's Participation in the Modern System of International Economic Relations. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS. 428 p. (In Russian).]

7. Марьясис Д. А. (2017) Перспективы развития российско-израильских торгово-экономических отношений. Международная торговля и торговая политика. № 2 (10). С. 125–135. [Maryasis D. A. (2017) Prospects for the Development of Russian-Israeli Trade and Economic Relations. International trade and trade policy. No. 2 (10). P. 125–135. (In Russian).]

8. Марьясис Д. А. (2012) Израиль и страны постсоветского пространства: 20 лет экономического сотрудничества / Российско-израильские отношения. История и современность. Сборник статей по материалам международной конференции «Россия-Израиль: 20 лет восстановления дипломатических отношений». Москва: ИВ РАН. С. 108–124. [Maryasis D. A. (2012) Israel and the countries of the post-Soviet space: 20 years of economic cooperation / Russian-Israeli relations. History and modernity. Collection of articles based on the materials of the international conference "Russia-Israel: 20 years of restoration of diplomatic relations." Moscow: Institute of Oriental Studies RAS. P. 108–124. (In Russian).]

9. Министерство науки и технологий Израйля. [Ministry of Science and Technology of Israel] URL: https://www.gov.il/he/Departments/General/most_intl_relations_ru; https://www.gov.il/he/departments/publications/Call_for_bids/1_most_rfp20181112.

10. Российская венчурная корпорация (РВК) (2013) Инновационная экосистема Израйля. Возможности российско-израильского сотрудничества. Москва. С. 36–44. [Russian

Venture Corporation (RVC) (2013) Israel's innovation ecosystem. Opportunities for Russian-Israeli Cooperation. Moscow. P. 36–44. (In Russian).]

11. Тринич Ф. А. (2003) Россия — Израиль: состояние торгово-экономического сотрудничества // Ближний Восток и современность. № 20. С. 346–354. [Trinich F. A. (2003) Russia — Israel: the state of trade and economic cooperation // The Middle East and the Present. No. 20. P. 346–354. (In Russian).]

12. Улин С. А. (2017) Бизнес как наиболее эффективный формат развития двусторонних торгово-экономических отношений между Россией и Израилем // Международная торговля и торговая политика. №1 (9). С. 5–10. [Oulin S. A. (2017) Business as the most effective format for the development of bilateral trade and economic relations between Russia and Israel // International trade and trade policy. No. 1 (9). P. 5–10. (In Russian).]

13. Федорченко А. В. (2002) Россия и Израиль: проблемы экономического взаимодействия. Общество и политика современного Израиля. Москва: Мосты культуры. С. 335–354. [Fedorchenko A. V. (2002) Russia and Israel: Problems of Economic Interaction. Society and politics of modern Israel. Moscow: Bridges of Culture. P. 335–354. (In Russian).]

14. Хаустов Н. В. (2001) Торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Израилем в 90-е годы // Востоковедный сборник. № 2. С. 333–351. [Khaustov N. V. (2001) Trade and economic cooperation between Russia and Israel in the 90s // Orientalist collection. No. 2. P. 333–351. (In Russian).]

15. Якимова Е. А. (2014) Потенциальные возможности развития инновационной деятельности в регионах России посредством сотрудничества с Израилем // Инновационный вестник региона. №1. С. 31–36. [Yakimova E. A. (2014) Potential Development of Innovation Activities in Russian Regions through Cooperation with Israel // Innovation bulletin region. No. 1. P. 31–36. (In Russian).]

16. Devonshire-Ellis C. Israel Poised To Sign Eurasian Economic Union Free Trade Agreement. 08.07.2020. URL: <https://www.russia-briefing.com/news/israel-poised-sign-eurasian-economic-union-free-trade-agreement.html/>

17. Goldenberg R. Kaspersky Lab to open Jerusalem R&D center. 06.10.2014. URL: <https://en.globes.co.il/en/article-kaspersky-lab-to-open-jerusalem-rd-center-1000976674> (accessed 12.04.2021).

18. HaShnaton HaStatisti LeIsrael #71. Table 13.5. HaLishka HaMerkazit LeStatistica. URL: <https://www.cbs.gov.il/he/publications/Pages/2020/יבוא-ויצוא-סחורות-ושירותים-שנתון-סטטיסטי-2020-מספר-71.aspx>.

19. Kaspersky opens Jerusalem future tech lab. 15.06.2017. URL: <https://en.globes.co.il/en/article-kaspersky-opens-jerusalem-future-tech-lab-1001192660> (accessed 12.04.2021).

20. Russian trade with Israel 2020. Russian Foreign Trade Online Portal. 14.02.2021. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-izrailem-v-2020-g/>.

Russia and Israel: Problems and Prospects of Bilateral Economic, Scientific and Technical Cooperation

Dmitry A. Maryasis

*PhD economics, Head of the department for Israel and Jewish Communities Studies at the
Institute of Oriental Studies, RAS.
Moscow, Russia*

In the year of the 30th anniversary of the diplomatic relations between Russia and Israel resumption, experts from both countries examine from different angles the results of the two states relations within this time span. Various opinions are also expressed about the prospects for the development of Russian-Israeli relations. In particular, this applies to trade and economic, as well as scientific and technical aspects of interaction. In the socio-political discourse of modern Russia, it has recently been accepted not only to positively assess the path traveled, but also to show the possibilities of a significant increase in the volume of Russian-Israeli interaction. This work is devoted to the analysis of the current level of trade, economic, scientific and technical cooperation between Russia and Israel, as well as the study of the existing problems and development prospects in this area. The first part of the paper presents a methodological "prism" through which the author examines bilateral relations in principle. In its second part, a critical assessment of the current level of Russian-Israeli trade and economic ties is given, it is shown how the existing socio-political discourse diverges from the real state of affairs. The article shows that the structure of foreign trade of both countries with each other in recent decades has not undergone significant changes, either qualitatively or quantitatively. The author comes to the conclusion that even taking into account the potential of using the agreement on the creation of a free trade area between the two countries (which, apparently, is problematic), the potential for the development of interaction is close to the exhaustion. Further, the work shows the existing problems in the development of bilateral relations. It is presented in a structured form — divided into 2 large groups. Since it seems that these problems are not unsolvable, the next section of the work shows options for overcoming the stated problem areas. The paper indicates what, according to the author, steps should be taken by both sides in order to fundamentally improve the quality and effectiveness of bilateral relations in the areas under study and to realize the existing potential.

Keywords: *Russian-Israeli trade and economic cooperation, Israel's role in the IEE, total trade turnover, structure of imports and exports, scientific and technical cooperation, innovative economy, barriers to the development of bilateral cooperation.*

JEL codes: F02, O32.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC LIFE

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Межрегиональный институт развития территорий
Электронный научный журнал «Россия и Азия»
Международный центр научной и технической информации (МЦНТИ)
приглашают принять участие
во II Международной междисциплинарной научно-практической конференции

**«СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ»**

20 июля 2021 года

(г. Ялта, Дом-музей А. П. Чехова; г. Москва, штаб-квартира МЦНТИ)

Глобализация и регионализация как взаимообусловленные и определяющие характеристики новой социально-экономической реальности требуют своего научного осмысления и лучшей управляемости в условиях нестабильности.

Цель конференции — конструктивное обсуждение проблем трансформации мирохозяйственной системы, проблем и стратегий социально-экономического развития регионов и стран, механизмов модернизации, инновационного и научно-технологического развития регионов России и других стран мира, представление российского и зарубежного опыта взаимодействия и сотрудничества научного сообщества, органов государственной власти и управления, бизнес-структур, профильных организаций системы образования в решении ключевых проблем регионального развития в условиях глобальной нестабильности.

Основные темы для дискуссии:

- мировой опыт преодоления экономической турбулентности в переходные периоды;
- устойчивые глобальные, региональные и национальные экономические модели;
- цифровое государство и цифровая экономика в условиях глобальной нестабильности;
- экономическая география и размещение производства в условиях глобальной нестабильности;
- социально-экономические трансформации в сфере науки, образования, культуры, искусства и общества в целом.

Рабочие языки конференции — русский и английский.

К участию в конференции приглашаются ученые и молодые исследователи, представители деловых кругов, государственных и неправительственных организаций.

Материалы конференции будут опубликованы в рецензируемых научных журналах: «Россия и Азия» (ISSN 2712-7486; РИНЦ), «Инновационная экономика» (ISSN 2413-5607, РИНЦ), «Информация и инновации» (ISSN 1994-2443; DOI: 10.31432/1994-2443-2019-14-3-4; РИНЦ), «Крымский научный вестник» (ISSN 2412-1657, РИНЦ).

Условия участия:

- для участвующих заочно: подача статьи.
- для участвующих в видеоконференции: участие онлайн.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Юрий Валентинович ЛОНЧАКОВ, директор международной межправительственной организации в составе 22 государств-членов «Международный центр научной и технической информации» (МЦНТИ),

со-председатель Организационного комитета

Людмила Васильевна ШКВАРЯ, доктор экономических наук, профессор, директор Центра Азиатских исследований Российского университета дружбы народов, главный редактор журнала «Россия и Азия»,

со-председатель Организационного комитета

Ольга Валентиновна БЕЛОВА, кандидат исторических наук, доцент, советник директора МЦНТИ, член Организационного комитета

Елена Михайловна БАШКИНА, кандидат технических наук, советник директора МЦНТИ, член Организационного комитета

Никита Сергеевич КОЛЕСНИКОВ, МЦНТИ, глава офиса устойчивого развития, член Организационного комитета, секретарь Конференции

Ольга Олеговна ПЕРНАЦКАЯ, директор Межрегионального института развития территорий, член Организационного комитета

Ирина Александровна РОДИОНОВА, доктор географических наук, профессор, академик Российской академии естествознания (РАЕ), член Организационного комитета

Юлиана Владимировна СОЛОВЬЁВА, кандидат экономических наук, доцент кафедры национальной экономики, Российский университет дружбы народов, член Организационного комитета

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ

Булат Доскалиевич ХУСАИНОВ, доктор экономических наук, профессор, советник по науке, Институт экономических исследований при Министерстве национальной экономики Республики Казахстан, академик Казахской Национальной Академии естественных наук (Казахстан),

председатель Программного комитета

Екатерина Анатольевна АНТИПОВА, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической и социальной географии, Белорусский государственный университет (Беларусь), член Программного комитета

Людмила Георгиевна БЕЛОВА, доктор экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой мировой экономики по научной работе, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Россия), член Программного комитета

Маргарита ИЛИЕВА, доктор географических наук, профессор (Болгария), член Программного комитета

Николай Ненов НЕНОВСКИЙ, доктор экономических наук, профессор, Университет им. Жюль Верна (Франция), член Программного комитета

Гульнара Нурмухамедовна НЮСУПОВА, доктор экономических наук, профессор, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан), член Программного комитета

Татьяна Ивановна ПОТОЦКАЯ, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Смоленский государственный университет (Россия), член Программного комитета

Андрей Васильевич ФЕДОРЧЕНКО, доктор экономических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), член Программного комитета

ПРИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКЕ

Электронного научного журнала «Россия и Азия»

Международного научного журнала «Информация и инновации»

Электронного научного журнала «Инновационная экономика»

Электронного научного журнала «Крымский научный вестник»

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ РЕГЛАМЕНТ КОНФЕРЕНЦИИ

Подключение участников к видеоконференции	09:30 – 10:00
Приветствия:	10:00 – 10:05
– Юрий Валентинович ЛОНЧАКОВ, директор МЦНТИ	
– Людмила Васильевна ШКВАРЯ, д. э. н., проф., директор Центра Азиатских исследований РУДН, главный редактор журнала «Россия и Азия»	
Сессия 1. Мировой опыт преодоления экономической турбулентности в переходные периоды	10:05 – 12:50
<i>Технический перерыв</i>	12:50 – 13:00
Сессия 2. Цифровое государство и цифровая экономика в условиях глобальной нестабильности	13:00 – 13:50
<i>Технический перерыв</i>	13:50 – 14:00
Сессия 3. Социально-экономические трансформации в сфере науки, образования, культуры, искусства и общества в целом	14:00 – 15:30
Завершающие комментарии и пожелания	15:30 – 16:00

Оргкомитет.